

Меняющийся Китай

Леди Флоренс Мэри Бутл-Уилбрахам Сесил
Уильям Гаскойн-Сесил

Changing China

The Rev. Lord
William Gascoyne-Cecil

The Project Gutenberg eBook of Changing China.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Меняющийся Китай

Автор: Уильям Гаскойн-Сесил

Леди Флоренс Мэри Бутл-Уилбрахам Сесил

Дата выхода: 19 января 2013 [eBook #41878]

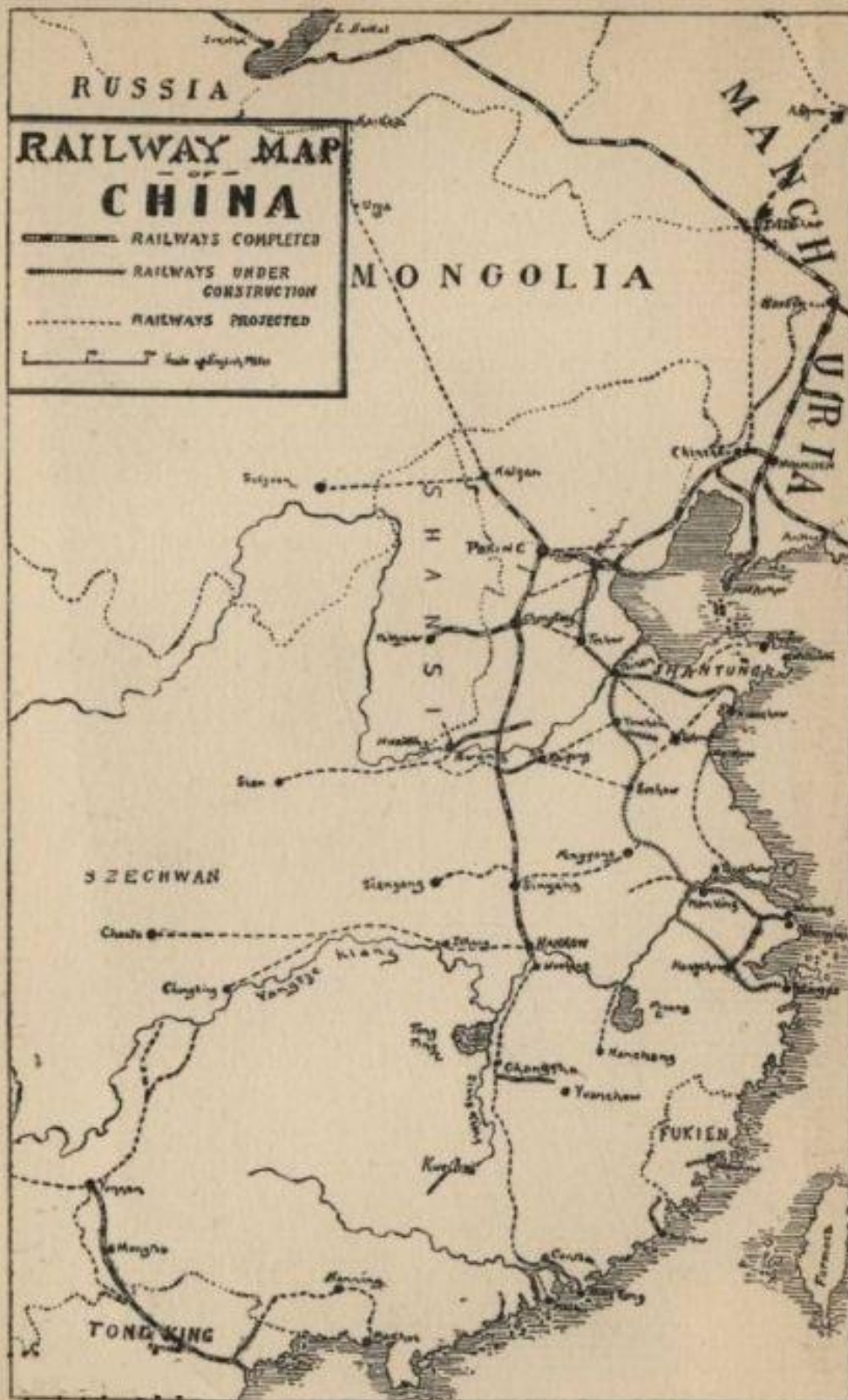
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА МЕНЯЮЩИЙСЯ КИТАЙ ***

Обложка

Железнодорожная карта Китая

МЕНЯЮЩИЙСЯ КИТАЙ

ПРЕПОДОБНЫМ. ЛОРД УИЛЬЯМ ГАСКОЙН-ЧЕЧИЛ

ПРИ СОДЕЙСТВИИ ЛЕДИ ФЛОРЕНС СЕСИЛ

НЬЮ-ЙОРК
D. ЭППЛТОН И КОМПАНИЯ
1912

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш интерес к Китаю впервые был вызван письмом от старого школьного товарища Артура Полхилла, который с героическим самоотречением провел большую часть своей жизни в Китае в качестве миссионера. Впоследствии я стал членом Комитета по чрезвычайным ситуациям в Китае, который в 1907 году пригласил нас поехать на Шанхайскую конференцию, посвященную столетию. Эта поездка естественным образом привела к путешествию по Китаю, Корее и Японии. По возвращении мы обнаружили, что в Оксфордском и Кембриджском университетах проявляют большой интерес к движению на Дальнем Востоке; был создан комитет для изучения всего вопроса, который в предварительном порядке принял идею поощрения основания Западного университета. Прежде чем окончательно принять эту идею, было решено, что кто-то должен отправиться в миссионерские центры Китая и выяснить мнение миссионеров, работающих на местах, а заодно узнать у китайского правительства, будет ли оно благосклонно относиться к этой затее. В результате этих обсуждений Комитет попросил нас в 1909 году снова отправиться в поездку, на этот раз от имени программы "Объединенные университеты". По возвращении нам было высказано

предположение, что если мы оформим наш отчет в виде книги, то это, возможно, вызовет интерес ко всему вопросу, особенно к университетской схеме. На нас произвели глубокое впечатление два великих факта - величие потребности в западном образовании с христианской точки зрения и жизненная важность немедленных действий.

Мы обращались за информацией не только в английские и американские, но и во французские и итальянские миссии, когда это было возможно. Мы проверяли и сравнивали эти сведения с информацией, полученной от наиболее просвещенных и способных людей, составляющих консульский орган в Китае. Мы особенно благодарны сэру Джону Джордану, чье великое дипломатическое искусство позволяет поддерживать как позицию Англии, так и добрую волю китайцев.

Невозможно даже записать имена всех, с кем мы общались, но мы особенно благодарны следующим друзьям, не только за их щедрое гостеприимство, но и за терпеливое и доброе отношение, с которым они инструктировали нас по многим сложным аспектам китайской проблемы:...

Сэр Джон и леди Джордан, Британское представительство, Пекин. Его Превосходительство покойный Чанг-Чих-Тунг. Его Превосходительство покойный принц Ито. Его Превосходительство Тонг-Шао-И. Его Превосходительство Туань-Фан. Е.П. Лян-Тен-Сен. Сэр Роберт Харт. Сэр Уолтер и леди Хиллер. Сэр Роберт и леди Бридон. Доктор Аспланд из Пекина. Доктор и миссис Ависон из Сеула. Доктор и миссис Бэрд из Пьенг-Янга. Епископ и миссис Бэшфорд из Пекина. Мистер Блэр из Пьенг-Янга. Месье и мадам Буассоннас, французское представительство, Пекин. Мистер Бондфилд из Шанхая. Мисс Боннелл из Шанхая. Мистер и миссис Бонси из Ханькоу. Доктор и миссис Бут из Ханькоу. Мисс Бриерли из Вучана. Епископ Кассельс из Западного Китая. Мистер У. К. Ченг из Нанкина. Доктор и миссис Кристи из Мукдена. Мистер Чун Бинг-Хун из Шанхая. Мистер и миссис Кларк из Ньючвана. Доктор Кокран из Пекина. Генеральный консул и миссис Кокберн, покойные из Сеула. Мисс Корбетт из Пекина. Мистер Динс из Ичанга. Мистер и миссис Диминг из Хан-Янга. Доктор Ду Боуз из Сучоу. Мистер Эде из Шанхая. Мистер и миссис Арнольд Фостер из Вучанга. Генеральный консул и миссис Фрейзер из Ханькоу. Мистер и миссис Гейдж из Чанши. Доктор и миссис Гибб из Пекина. Доктор и миссис Гиллисон из Ханькоу. Доктор Глентон из Вучана. Епископ и миссис Грейвс из Джессфилда, Шанхай. Доктор и миссис Хокс Потт из Джессфилда, Шанхай. Консул и миссис Хьюлетт из Чанши. Мистер Холландер из Ханькоу. Мистер и миссис Хост из С.И.М. Доктор Хантли из Хань-Яна. Мистер и миссис Джексон из Вучана. Монсеньер Жарлин, Пе-Т'анг, Пекин. Доктор Гриффит Джон из Ханькоу. Мисс Джойнт из Ханькоу. Покойная мисс Кин из Шанхая. Доктор и миссис Келлер из Чанши. Консул и миссис Кинг из Нанкина. Доктор и миссис Лавингтон Харт из Тьенсина. Мистер М. Т. Лян из Мукдена. Мистер и миссис Литтелл из Ханькоу. Доктор и миссис Лоури из Пекина. Мистер и миссис Макинтош из Тяньцина. Доктор и миссис Маклин из Нанкина. Доктор Маклеод из Шанхая. Доктор и миссис Мейн из Ханчжоу. Генеральный консул и мисс Мэнсфилд, покойная из Кантона. Доктор Мартин из Пекина. Мистер и миссис Мейгс из Нанкина. Мисс Майнер из Пекина. Архидиакон и миссис Моул из Нинпо. Мистер Мун-Ю-Чунг из Шанхая. Доктор и миссис Мюррей из Пекина. Мистер Норрис из Пекина. Мистер Оберг из Шанхая. Мисс Фелпс из Ханькоу. Мистер Артур Полхилл из С.И.М. Мисс Портер из Пекина. Епископ Прайс из Фукиена. Диаконисса Рэнсом из Пекина. Месье и мадам Ратар, французское консульство, Шанхай. Мистер Риди из Чанши. Доктор и миссис Гилберт Рид из Шанхая. Доктор Тимоти Ричард из Шанхая. Мистер и миссис Рикеттс из Шан-хай-квана. Мистер и миссис Риджли из Вучана. Епископ и миссис Ротс из Ханькоу. Доктор и миссис

Росс из Мукдена. Мисс Рассел из Пекина. Епископ Скотт из Северного Китая. Миссис Скрэнтон из Сеула. Мистер и миссис Седжвик из Тяньцина. Мистер Шен-Тун-Ло из Шанхая. Мистер и миссис Шерман из Ханькоу. Мистер и миссис Смолли из Шанхая. Мистер и миссис Спархэм из Ханькоу. Мистер Спрант из Ньючванга. Мистер Сквайр из Ичанга. Мистер и миссис Стокман из Ичанга. Мистер и миссис Саймонс из Шанхая. Таотай Дж. К. Тонг из Шанхая. Таотай С. Т. Цонг из Нанкина. Мистер Джеймс Цонг из Вучанга. Мистер и миссис Тёрли из Мукдена. Епископ Тернер из Кореи. Мистер и миссис Апворд из Ханькоу. Декан и миссис Уокер из Шанхая. Мисс Вамболд из Сеула. Генеральный консул сэр Пелхэм и мисс Уоррен из Шанхая. Мистер Уоррен из Чанши. Мистер Уотсон из Мукдена. Доктор и миссис Вейр из Чемульпо. Доктор и миссис Уэллс из Пьенг-Янга. Консул и миссис Уиллис из Мукдена. Мистер и миссис Уилсон из Чанши. Мистер И-Минг-Цах из Шанхая. Пьер Ректер из Зиккавея, Шанхай, и многие другие.

Были изучены следующие книги: -

Среди монголов: Джеймс Гилмур, М.А. *Annuaire Calendrière pour 1909*. Призыв, Ань: автор Х. Э. Т'анг-К'ай-Сун. Буддизм в Китае: преподобный С. Бил. *Catholic Church in China, The: by Rev. Bertram Wolferstan, S.J. Catholic Encyclopædia of Missions. Century of Missions in China: by D. MacGillivray*. Китай и союзники: А. Генри Сэвидж Лэндор. Китай в эпоху трансформации: А. Р. Колхун. *China's Book of Martyrs: by Luella Miner*. Единственная надежда Китая: воззвание величайшего вице-короля Чанг-Чих-Тунга. Чин-Чин: автор Тченг-Ки-Тонг. *Chinese Characteristics: by Dr. Arthur Smith*. Китайская классика, The: Перевод Legge. *Chinese Empire, The: by Marshall Broomhall. Chinese Shi-King: by Jennings. Chinese, The: by J. S. Thomson*. Развитие религии в Японии: автор Нокс. Дипломатические и консульские отчеты, 1905-1908 гг. Ранняя история Китая: автор Х. Дж. Аллен. *Education Conquest of the Far East, The: by Lewis*. Образование на Дальнем Востоке: Твинг. Посольство в Китай: лорд М'Картни. *Four Books, The: Anonymous*. Гриффит Джон: автор Р. Уордлоу Томпсон. *John Chinaman: by E. H. Parker*. *History of China, The: by Boulger. Indiscreet Letters from Peking: by Putnam Weale. Les Missions Catholiques Françaises aux XIX. Siècle: by Père J. B. Piolet, S.J. Life and Works of Mencius: by Legge*. Погибшие миссионеры Китайской внутренней миссии, под редакцией Маршалла Брумхолла. Миссия в Китае, А: автор Soothill. Методы миссии в Маньчжурии: Джон Росс, доктор философии. Новый Китай и старый: архидиакон Моул. Первобытная религия Китая: Джон Росс, доктор философии. Пастор Хси: миссис Тейлор. Железнодорожное предприятие в Китае: автор П. Х. Кент. Религии в Китае: автор Эдкинс. Религиозная система Китая: J. J. M. de Groot, vol. v. *Sidelights on Chinese Life: by MacGowan*. Даосские тесты. Китайские вещи: Дж. Дайер Болл. *Troubles de Chine, Les: par Raoul Allier. Uplift of China, The: by Arthur Smith*.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

I. ЧТО ПРОБУДИЛО КИТАЙ?	3
II. ЧТО КИТАЙ ЗНАЧИТ ДЛЯ МИРА	20
III. ВОСТОЧНОЕ И ОКЦИДЕНТАЛЬНОЕ	36
IV. ВНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ	44
V. КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ - ЕЕ СЛАБЫЕ СТОРОНЫ	56
VI. КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ - ЕЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	70
VII. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ И РЕКИ	80
VIII. ГОРОДА КИТАЯ	95
IX. ОПИУМ	107
X. ЖЕНСКИЙ ВОПРОС	121
XI. КИТАЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА	137

РЕЛИГИИ КИТАЯ И МИССИОНЕРСТВО

XII. РЕЛИГИИ В КИТАЕ	147
XIII. КОНФУЦИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЗАПАДНАЯ КУЛЬТУРА	163
XIV. ИНТЕРВЬЮ В НАНКИНЕ	172
XV. РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЕ МИССИИ В КИТАЕ	183
XVI. ДРУГИЕ МИССИИ	198
XVII. ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ	207
XVIII. МЕДИЦИНСКИЕ МИССИИ	220
XIX. ДВИЖЕНИЕ В КОРЕЕ И МАНЧЖУРИИ	232
XX. БУДУЩЕЕ ХРИСТИАНСТВА В КИТАЕ	242

НОВОЕ И СТАРОЕ ОБУЧЕНИЕ

XXI. ОБРАЗОВАНИЕ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ МИССИОНЕРСКОЕ	253
XXII. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ	266
XXIII. ТО ЖЕ САМОЕ НА ПРАКТИКЕ	279
XXIV. ТРУДНОСТИ НА ПУТИ ВОСПИТАНИЯ	293
XXV. НЕОБХОДИМОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА ОБЪЯСНЯЕТСЯ	305
XXVI. Необходимость университета объяснена (продолжение) ...	317
XXVII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	325

ПРИЛОЖЕНИЕ

БУДЕТ ЛИ РОССИЯ ПРЕДСТАВЛЕНА НА МИССИОНЕРСКОМ ПОЛЕ?	329
---	-----

ИНДЕКС	337
--------------	-----

КИТАЙ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

ГЛАВА I

ЧТО ПРОБУДИЛО КИТАЙ?

На протяжении веков Китай был страной, которая никогда не двигалась. Его политическая история была полна войн и кровопролития, интриг и убийств; периоды процветания и просвещения; периоды тьмы и запустения; но страна оставалась по сути той же самой. Может быть, в ее обычаях и происходили небольшие изменения, но Китай явно не был прогрессивным. И каждый, кто знал Китай десять или пятнадцать лет назад, готов был предсказать, что он и дальше будет оставаться непрогрессивным.

Многие миссионеры говорят о Китае, который они знали раньше, как о стране, сильно отличающейся от современного Китая. Это была своего рода страна Рипа Ван Винкля, которая спала тысячу лет и проявляла все признаки того, что будет спать еще тысячу. Миссис Арнольд Фостер рассказывала, что когда она впервые приехала в Вучан, то увидела, что солдаты одеты очень скромно и учатся делать такие лица, чтобы вселять ужас в сердца противников. Монсеньер Жарлен, глава французской миссии в Пекине, описывая Китай былых времен, сказал, что в годы его молодости все китайцы питали глубокое презрение ко всему западному. Их страна была единственной цивилизованной страной. Запад был страной варварства. Теперь, добавил он, положение изменилось на противоположное: каждый китаец презирает Китай и убежден, что с Запада приходит свет цивилизации. Архидиакон Моул рассказывает, как он отправился в Китай на парусном корабле и обнаружил там страну, абсолютно безразличную к существованию Запада - более невежественную по отношению к Западу, чем Запад по отношению к Востоку, и это, когда он был молод, говорило о многом; а теперь он оказался в стране, где есть телефоны и автомобили и где проявляют активный интерес к летательным аппаратам.

Китай кардинально изменился. Раньше это была абсолютно самая консервативная страна в мире. Сейчас в ней происходит столько радикальных перемен, что один миссионер, когда я задал ему вопрос о Китае, сказал: "Вы не должны полагаться на меня, потому что я уехал из Китая три месяца назад, так что то, что я скажу, может быть устаревшим".

Китай сейчас прогрессивен; да, молодой Китай очень верит в прогресс, с оптимистичным духом, который больше напоминает французский предреволюционный дух, чем что-либо другое. И эта сильная вера в прогресс проявляется на каждом шагу: бегун Ямэнь стал полицейским, в городах появились гидротехнические сооружения, повсюду открываются школы, железные дороги покрывают землю. Можно задаться вопросом, что привело к таким переменам, что пробудило Китай?

Возможно, как и многие другие великие события в истории, это изменение мнения в Китае следует объяснить более чем одной причиной. Есть две основные причины. Одна из них может быть небольшой, но отнюдь не незначительной; другая, безусловно, велика и очевидна. Менее оцененным фактором, вызвавшим возрождение Китая, является христианство; более крупным и очевидным фактором - новое национальное движение.

Причиной нового национального движения стало чувство унижения, вызванное политическими событиями, кульминацией которых стала битва под Мукденом, где вопиющий акт наглого пренебрежения к законам нейтралитета ощущался тем сильнее, что Китаю пришлось подчиниться тому, чему он был не в силах сопротивляться.

События последних нескольких лет настолько хорошо известны, что я должен попросить читателя о снисхождении, чтобы пересказать их. Китай, уверенный в численности своего народа, которая достигала четверти населения Земли, попытался отстоять свои права на сюзеренитет над Кореей против Японии. Тогда она еще не понимала, что Япония больше не является восточной державой, где рыцари с двуручными мечами совершали подвиги и снискали себе вечную славу. И когда в Пинъяне армии встретились, китайский генерал поднялся на холм, чтобы с помощью веера руководить войсками Поднебесной. По его замыслу, сражение было всего лишь небольшим делом, где веер могли видеть все участвующие в нем офицеры. В результате, разумеется, обученная немцами японская армия одержала очень легкую победу. Война закончилась взятием японцами Порт-Артура, и Китай оказался в унижительном положении, когда ему пришлось обратиться к западным странам, чтобы обезопасить свою территорию.

Однако пока что укор от унижения породил в Китае чувство обиды на всех иностранцев, а не раскаяние в собственных недостатках, и миссионеры встретили враждебное отношение к своей работе во всех частях Китая. Эта враждебность привела к убийству двух немецких римско-католических миссионеров в Шантунге. Известные действия Германии, потребовавшей уступки территории в качестве наказания за это убийство, возможно, и были хорошим ходом политики, но они не принесли чести ни Германии, ни христианству. На самом деле с миссионерской точки зрения это можно считать весьма прискорбным действием, поскольку оно убедило китайцев в том, что миссионер - это всего лишь часть гражданской администрации враждебной страны, и что если Китай хочет уберечься от иностранцев, миссионеров необходимо заставить покинуть страну. Глубокое чувство национального недовольства охватило страну, и некоторые представители власти поощряли его. Прямая связь между правительственным покровительством антииностранному движению и немецкой оккупацией Кяучау прослеживается из того факта, что губернатор, ответственный за ужасные убийства в Шаньси, был губернатором Шантунга, когда Германия заняла Кяучау.

Результатом этого горького чувства стало создание тайного патриотического общества, которое скрывало характер своей пропаганды под названием с двойным смыслом. Общество боксеров, как следует из его названия, было, по-видимому, атлетическим обществом, целью которого было поощрение искусства самообороны. Но название имело и другое значение. На самом деле, как объяснил мне один китаец, его целью было "сносить головы иностранцам". Однако это было как религиозное, так и политическое движение. У него были свои пророки, которые творили чудеса или считалось, что они их творят, а его ученики, как считалось, были неуязвимы для любого западного оружия. Оно протестовало против движения к западным идеям, которые считало аморальными; оно осуждало и уничтожало все западное, от соломенных шляп и сигарет до миссионерских домов и железных дорог; его ученики верили, что духи-защитники Китая разгневаны внедрением

западных вещей, что они задерживают дождь, столь необходимый для легкой лессовой земли этого района, и что единственный способ умиловить их - это принести в жертву жизнь западного человека или разрушить западное здание. Одним из поводов для осады Пекина стал очевидный успех такой акции. Во исполнение своей веры боксеры подожгли головную станцию полуразрушенной железной дороги Ханькоу-Пекин, которая называлась Пао-тин-фу; станция представляла собой простой деревянный барак и весело полыхала внушительным столбом дыма; Едва дым достиг небес, как небо заволочло тяжелыми грозowymi тучами, и через короткое время на измученную жаждой землю хлынул долгожданный дождь, а пророки Боксера зловеще указали на небесное подтверждение своей доктрины.

Необходимо напомнить читателю о религиозном аспекте боксерства, чтобы он понял, что означало его падение для многих китайцев. Их вера в это была удивительной. Один боксер, например, во время осады Пекина спокойно шел перед легацией, размахивая мечом и совершая мистические знаки; солдаты сначала одной, а затем другой легации открыли по нему огонь, но безрезультатно; вероятно, его хладнокровие сбило их прицел. Другой пример их легковерия мне рассказали в Ньюхванге. Русские заняли Ньючванг и, *более того*, умиротворяли его; они расстреливали всех боксеров, до которых могли дотянуться руки, и, боюсь, большое число тех, кто не был боксером. Одного из этих фанатиков они приковали к каменному сиденью, намереваясь казнить; но подумали, что могут получить от него полезную информацию, и попросили англичанина, прекрасно говорившего по-китайски, навести о нем справки, предоставив ему право предложить отсрочку в качестве вознаграждения. Тот подошел к пленнику и, усевшись рядом с ним, попытался склонить его к спасению жизни путем предоставления информации, но получил презрительный отказ, а когда он указал на присутствие расстрельной команды, заблуждающийся человек просто сказал: "Я боксер, и их пули не могут причинить мне вреда". Другая минута, конечно, подтвердила его ошибку. Но его твердость показала реальность его убеждений.

Иногда этот фанатизм приводил к любопытным результатам. Один боксерский пророк уверял жителей деревни, что ни одна работа Запада не может причинить ему вреда, ни одна пуля не может повредить его, ни один поезд не может раздавить его. Поскольку рядом с деревней проходила железная дорога, он и все жители отправились туда, чтобы проверить свою неуязвимость на практике. Ежедневный поезд проносился мимо, а Боксер, размахивая мечом, стоял прямо на его пути. Машинист был европейцем и, увидев кого-то на линии, притормозил, чтобы не наехать на него. Боксер с триумфом указал на поезд, и изумленные жители деревни стали боксерами. Однако нашелся скептик, который не поверил, и на следующий день они снова отправились на линию, и боксер снова совершал проходы и произносил свои заклинания. К несчастью для него, на этот раз машинист был китаец, и он не собирался останавливать поезд своего хозяина из-за того, что на пути встал кули, поэтому он дал полный ход и разрубил его на куски, и деревня до единого человека покинула веру в боксера.

С облегчением Пекина Боксерское общество пало; но народное мнение заключалось не в том, что боксерское учение было ложным, а в том, что дух западной религии был сильнее духа боксерства. Поэтому одним из непосредственных результатов падения боксеров стало утверждение духовного престижа христианства; вторым результатом стало внушение китайцам уважения к военной мощи иностранцев. Боксеры потерпели поражение, иностранные державы взяли Пекин, Сын Неба стал беглецом; все это было желчью и полынью для китайца. Разграбление Пекина было особенно ощутимо как из-за бесцеремонного разрушения - один информатор рассказал мне, что видел, как ваза

стоимостью 200 фунтов была разбита на тысячу атомов пьяным солдатом, - так и потому, что просвещенные китайцы прекрасно понимали, что ни один цивилизованный город не разграблен в настоящее время, и что с ними обращались так, как не обращаются ни с одной другой расой.

Однако старый дух гордыни не позволил им узнать всю правду. Мыслящий китаец все еще был склонен приписывать победу Запада превосходству боевых качеств западных мужчин. Один китайский джентльмен, объясняя страх, который его народ испытывает перед европейцами, сказал: "Они считают вас тиграми". Войска, разграбившие Пекин, были для думающего китайца еще одним примером известной истины, что те, кто ближе к дикарскому состоянию, сражаются лучше, чем цивилизованные люди, и действительно, учитывая поведение некоторых европейских войск, не стоит удивляться этому выводу; нужен был еще один урок, чтобы они окончательно и бесповоротно осознали превосходство нашей цивилизации.

Горечь очередного унижения сделала их готовыми учиться так, как они никогда не были готовы за всю свою историю, а события предоставили им учителей, которые научили их, что причиной этого унижения был их отказ принять западные идеи, и что если они хотят сохранить свою независимость, то должны учиться военному искусству у своих завоевателей.

После осады Пекина началась русско-японская война. Русских давно знали и боялись китайцы; для китайского сознания они были воплощением воинственного и кровожадного духа Запада; их ненавидели за жестокость и боялись за их доблесть. Ужасная история резни в Благовещенске в 1900 году все еще была в народном сознании. История была такова. Амур разделяет Китай и Сибирь. Когда вспыхнуло боксерское движение, русские потребовали, чтобы все китайцы перешли на их сторону реки; но со зловещим умыслом они убрали все лодки, чтобы никто не мог переправиться. Китайцы указали на это, и уважаемые купцы города подали прошение, в котором говорилось, что они готовы во всем повиноваться русскому правительству, но без лодок они не могут этого сделать; но русские настаивали, что с лодками или без лодок, они должны перейти Амур; они протестовали, но напрасно; солдаты образовали вокруг них полукруг, и все китайское население города было согнано в реку острием штыка.

Японцы также были хорошо известны китайцам; до недавнего времени, когда западное движение изменило все в Японии, они были их учениками в цивилизации. Японцы верили в Конфуция, использовали китайские иероглифы, поклонялись в буддийских храмах, приносили жертвы предкам, в общем, были в оценке китайцев цивилизованной расой, хотя, конечно, уступали им самим.

Когда эти два антагониста встретились в Маньчжурии, война не могла не произвести глубокого впечатления на Китай. Начнем с того, что ведение войны в Маньчжурии было оскорблением, превосходящим разграбление Пекина для китайской *любви*. Россия и Япония спорили из-за Кореи, и обе страны находились в мире с Китаем. Россия могла бы вторгнуться в Японию, Япония - в Россию, или обе страны могли бы встретиться в Корее, но они выбрали провинцию нейтрального государства и решили, что именно там будет происходить конфликт. Что еще более поразительно, так это то, что они согласились уважать нейтралитет остальной части Китая; фактически они выбрали место битвы с таким же спокойствием, как если бы Китая и его национальных прав не существовало.

Но самое глубокое впечатление на китайцев произвела победа Востока над Западом. Японцы продемонстрировали, что нет никакой существенной неполноценности Востока

перед Западом и что, когда восточная раса перенимает западные военные методы, она оказывается выше самой могущественной из западных рас. Именно этот урок преподнесла китайцам битва под Мукденом, которая убедила антиинострannую партию в Китае, что, как бы они ни ненавидели иностранцев, они должны перенять западные методы, если хотят сохранить свою независимость. В результате прогрессивная и антиинострannая партии оказались едины. Обе соглашались с тем, что западные идеи необходимы. Первая - потому что верила в западный прогресс, вторая - потому что считала, что единственный способ уберечь Китай от ненавистного иностранца - это узнать секрет его военной мощи. В первую очередь необходимо было изучить западное образование, и тогда они могли бы надеяться, что смогут противостоять западным расам, как Япония с лихвой противостояла русским.

Я считаю, что битва под Мукденом станет одним из поворотных моментов в мировой истории. Мало кто из нас представляет себе горечь унижения Китая. Люди говорят о том, что Россия была унижена, но, по моему опыту, русские смотрели на весь этот вопрос как на колониальную войну, в которую втянуло их страну неумелое правительство, - войну, которая, если и показала неспособность их офицеров, то доказала мужество их солдат. Но унижение Китая было очень сильным. Если вспомнить, какое положение занимает император в Китае, если вспомнить о благоговейном отношении к предкам, то становится ясно, что должно было значить для китайцев то, что место, где находились гробницы их императоров, стало ареной титанической борьбы между Востоком и Западом. Но результатом этого унижения стал урок, что Япония выбрала правильный курс, и что, как бы ни были ненавистны западные пути, они необходимы, и что каждый любитель Китая должен сделать все возможное, чтобы внедрить их в империю.

Конечно, есть много китайцев - нет, я думаю, подавляющее большинство, - которые намерены сохранить для Китая основные положения конфуцианской цивилизации; они хотят принять западные идеи только в той мере, в какой они необходимы для борьбы с Западом. Некоторые, несомненно, восхищаются Западом, но большинство стремится к компромиссу; они хотят сохранить Китай с его обычаями, с его основной мыслью, но укрепить его иностранными знаниями и иностранной военной системой. Точная степень того, что должно быть сохранено в Китае и что должно быть уничтожено и заменено западными инновациями, различается в зависимости от возраста и темперамента мыслителей, но принцип наиболее общепринятый - западная мысль должна быть привита к восточной цивилизации. Вспомнив о размерах Китая, мы можем задаться вопросом, какое влияние эта политика окажет на остальной мир. Сейчас у нас период размышлений, но как долго он продлится, мы не можем сказать. Задача сварить Восток и Запад в единое целое на практике оказывается трудной, и в настоящее время очень часто это приводит к неудаче; но, имея перед собой успешный пример Японии и угрозу национального исчезновения и иностранного господства, китайцы не могут отказаться от этой попытки; и каков бы ни был точный результат, я думаю, можно утверждать, не рискуя, что он не только коренным образом изменит весь Китай, но и через Китай повлияет на весь мир.

Подробно описывая причины, породившие национальное движение, которое сейчас побуждает Китай прилагать все усилия для совершенствования своей защиты от иностранной агрессии, мы не должны забывать, что у пробуждения Китая есть и более высокая сторона, которую мы можем прямо или косвенно приписать христианству. Влияние христианства можно проследить вплоть до седьмого века, когда в Тибет и Китай прибыли миссии христиан-несториан; они, правда, не оставили после себя новообращенных, но их влияние, вероятно, ощущалось благодаря власти, которую ламаизм имел над значительной частью восточного мира. Один знающий японец, рассуждая на эту тему, сказал, что никто не

может изучать ламаизм и буддизм, не осознавая, насколько тесно они соприкасались с той или иной формой христианства. Позже великие римско-католические миссии, инициированные святым Франциском Ксаверием в тринадцатом веке, начали работать в Китае и медленно, но верно вырастили многочисленное население, которое было христианами на протяжении многих поколений. Их миссии прерывались гонениями, но с переменным, а в последнее время все возрастающим успехом они продолжали свою деятельность и по сей день. В 1807 году пионер протестантских миссий, доктор Моррисон, начал свою работу и перевод Библии на китайский язык. Работа росла, за его миссией последовали другие миссии, которые проводили политику, еще более влиятельную на изменение мнения о Китае; они не только с большим героизмом проповедовали Евангелие в каждой провинции Китая, но и предприняли два действия, которые повлияли на Китай в особой степени.

Сначала американские миссии приложили максимум усилий, чтобы найти умных китайцев, как христиан, так и нехристиан, и обучить их западным знаниям, чтобы они могли понять, насколько тесно христианство связано с христианской мыслью. Результатом их усилий стало появление значительного числа просвещенных китайских дворян, которые либо являются христианами, либо с большой симпатией относятся к христианской стороне западной цивилизации. Иногда они обучали этих людей в Китае, иногда убеждали их отправиться за образованием в Америку; и там они вступали в контакт с интенсивным, но довольно узким христианством Новой Англии. Я имел честь встретиться со многими из этих людей в Китае и убедился, что они играют не последнюю роль в его пробуждении.

Английские и американские миссионеры под руководством доктора Уильямсона начали вторую политику, которая привела к далеко идущим результатам, вызвав изменения в Китае. Было создано Общество христианской литературы, которое снабжало китайцев переводами лучших произведений западной литературы. За ними последовали китайские подражатели, которые также были христианами, и основали китайскую коммерческую прессу. Эти две организации передали Китаю огромное количество западной литературы, первая - по филантропическим соображениям с определенным намерением распространить христианство, вторая - на коммерческой основе, но с намерением представить своим соотечественникам более чистую и прекрасную сторону западной мысли. Издания этих двух организаций доходят, как мне сказали, до каждого образованного человека в Китае. Если унижения публичных событий заставили китайцев изучать западную цивилизацию, то именно эти люди предоставили им средства для изучения и понимания лучших сторон этой цивилизации.

Но, пожалуй, больше всего для того, чтобы дать китайцам правильное представление о христианстве, сделали Библейские общества, особенно Британское и Иностранное библейское общество. С тех пор как в 1814 году с оптимизмом веры был опубликован перевод Писания доктора Моррисона, они распространяют христианские Писания по всему Китаю, от Монголии до Тонкина, и мне говорят, что эти Писания читают люди, занимающие самые высокие посты и имеющие самое консервативное происхождение во всей империи. Не приходится сомневаться, что косвенные плоды их работы действительно очень велики. Китай, благодаря деятельности этих организаций, был приведен в тесный контакт с христианской мыслью и, наконец, осознал истинную природу нашей религии.

И наконец, влияние тех, кто погиб за христианскую веру во время многочисленных гонений, которым подвергалось христианство и которые достигли кульминации в Боксерских гонениях. Если Германия своими действиями в Шантунге создала в Китае ложное и наиболее отталкивающее представление о христианстве, то героические страдания мучеников-

миссионеров, как желтых, так и белых, представили христианство удивленному миру в его чистом виде. После того как тысячи христиан пострадали в Шань-си, внутренние органы, особенно Китайская внутренняя миссия, отказались брать какую-либо компенсацию за кровь, пролитую во имя Евангелия. Тогда китайцы убедились, что немецкое представление христианства - не единственное; если Германия могла смотреть на христианство только как на преследующую лошадь, за которой она могла подкрасться к своей добыче, то англоязычные расы могли преподать более святой идеал, который был более созвучен словам Основателя нашей религии. Страдания христиан были тяжелы, их героизм велик, но результат оказался соизмерим с их усилиями, и пробуждающийся Китай обращается к нашим странам не только для того, чтобы научить ее искусству войны и убийства людей, но и для того, чтобы научить ее великим мыслям и великой религии, которая на ее глазах оказалась способной породить таких благородных мужчин и женщин.

Пробуждение Китая имеет два аспекта. С одной стороны, Китай пробуждается к осознанию ценности науки и искусства Запада; с другой, Китай пробуждается к осознанию того факта, что на Западе есть сила, которая исходит от добра, и это добро имеет корень в христианской вере. Именно этот двойной аспект пробуждения Китая так важно иметь в виду, потому что, если он хочет участвовать в нашей цивилизации в будущем, наш долг и наш интерес - следить за тем, чтобы это великое мировое движение развивалось в своем высшем направлении.

ГЛАВА II

ЧТО КИТАЙ ЗНАЧИТ ДЛЯ МИРА

Прошел тот день, когда кто-либо в Европе, будь то христианин или нехристианин, мог оставаться равнодушным к тому, что происходит в Китае. Христианин, конечно, уже давно осознает важность этих событий, но обычный гражданин, не имеющий твердых религиозных взглядов, обычно не проявляет и не чувствует никакого интереса к стране, отделенной от нас столькими милями и такой непроходимой пропастью в мышлении и языке. Если христианин подчеркивал важность китайских миссий, его соседи в ответ спрашивали, почему он не может предоставить китайцев самим себе и их собственной религии. Какой бы справедливой ни казалась противникам миссий эта точка зрения в прошлом, сейчас они не могут утверждать, что китайский вопрос - это вопрос, который может быть поставлен на одну сторону любым вдумчивым человеком. Движения этой огромной массы человечества, составляющей четверть населения Земли, не могут не оказывать реального и жизненно важного влияния на весь цивилизованный мир.

Революция, происходящая в Китае, приводит Европу и Америку в тесный контакт со страной, равной Европе по размерам и не сильно уступающей ей по производительной силе. Еще несколько лет назад Китай был так далек, что кроме как в качестве торговой точки он мало кого интересовал. Путешествие занимало много месяцев и считалось опасным из-за опасных берегов и тайфунов в китайских морях. Теперь поезд класса люкс за две недели

перевозит путешественника через всю Азию в Пекин, и если жилье на китайской части железной дороги не совсем роскошно, путешественник помнит, что оно намного лучше, чем на первых железных дорогах, открытых в нашей стране. Конечно, путешествие утомительно, но тот факт, что деловые люди на севере Китая говорят о том, что всегда будут проводить свои летние каникулы в Англии, показывает, насколько близок теперь Китай к Европе. Не будет преувеличением сказать, что, считая расстояние по времени, которое требуется для завершения путешествия, Китай ближе к Англии, чем Лондон к Шотландии во времена доктора Джонсона, а с точки зрения комфорта и удобства нет никакого сравнения. Путешествие из Лондона в Пекин в настоящее время намного проще, чем из Лондона в Эдинбург во времена знаменитого путешествия Джонсона на Гебриды.

Если таким образом мы сближаемся с Китаем, то еще больше мы сближаемся в мыслях. Мы больше не можем говорить о пропасти, отделяющей нас от Китая. С каждым годом английский становится все более и более языком образованных людей на Востоке; даже если мы не можем читать их книги, они читают наши либо в переводах, либо в оригинале. Япония подала пример повсеместного преподавания английского языка в своих средних школах, и теперь ее примеру следует Китай. Один иностранец, говоря об эсперанто, заметил: "Что толку создавать универсальный язык? Английский, во всяком случае, на Востоке, является универсальным языком". Этот варварский патуа, "пиджин" или деловой английский, до сих пор живет в Китае. Он состоит из английских корней, расширенных за счет добавления португальских слов, переложенных на китайскую идиому и произносимых на китайский манер. Но "пиджин" быстро уступает место чистому английскому, на котором чаще всего говорят с заметным американским акцентом.

Если эта растущая близость Китая привлекает внимание цивилизованного мира, нетронутые богатства его минеральных ресурсов и дешевизна его труда возбуждают алчность западного капиталиста, и с каждым днем становится все более очевидным, что Китай должен стать центром международной политики, то степень его влияния на остальной мир должна быть предметом тщательного рассмотрения. Индия, как утверждается, уже давно контактирует с Европой, и ее влияние на Европу невелико. Почему же должна быть какая-то разница, когда другая восточная раса окажется в непосредственной близости от Европы? Если оставить в стороне тот факт, что Индия, как в торговле, так и в политике, оказала очень большое влияние на Англию, то можно ответить, что существует существенная разница между смуглыми жителями Индии и желтой расой. Первые в силу религии или обычаев не могут приспособиться к условиям западной цивилизации; вторые же показали себя такими адептами в принятии западной жизни, что превзошли белого человека, к его огромной досаде, в его собственной цивилизации. Китайцу, которому запрещено въезжать в Америку, Австралию и Южную Африку, отказывают в приеме не потому, что он не был испытан, или потому, что он был испытан и признан недостаточным, а потому, что он был испытан на трех континентах и признан всеми, кто его испытывал, чрезвычайно эффективным - настолько эффективным, что если бы ему позволили продолжать жить в этих странах, он бы вскоре сделал ненужным присутствие белого поселенца. Он был опробован в трех справедливых балансах и был признан настолько ценным, что белые избиратели единодушно требуют его исключения. Но даже самый агрессивный сторонник исключения китайцев вряд ли может надеяться исключить его из своей собственной страны, и китаец, который остается дома, вероятно, лучший человек, чем китаец, который уезжает за границу.

Можно ожидать, что западная цивилизация будет развиваться в Китае с той же скоростью, что и в Японии. Очевидно, что Япония - это прецедент, которому Китай будет следовать, а не Индия, будь то индуистская или магометанская.

Еще несколько лет назад человека, осмелившегося предсказать, что Россия будет побеждена Японией, сочли бы чудачком. Когда Япония говорила о войне с Россией, Россия смеялась. Кто может сказать, как мы будем говорить о Китае через несколько лет? Ведь Япония по численности населения сравнима с Великобританией, а Китай в восемь раз больше.

Китай может повлиять на Европу тремя способами. В военном отношении она может угрожать ей своими огромными армиями, набранными из ее огромного населения. В коммерческом плане она может дать выход нашей торговле, гораздо больший, чем мы имеем в настоящее время, и, возможно, стать конкурентом в торговле и местом, куда будут вкладываться капиталы Европы. В моральном плане она может либо угнетать, либо возвышать нашу общественную мораль. Возможно, читатель будет склонен улыбнуться при мысли о том, что Китай находится в более высоком моральном состоянии, чем Европа, и сможет благотворно повлиять на нее, но случаются и более странные вещи; и если Европа последует примеру Франции в деградации, а Китай продолжит развиваться с той же скоростью, то Китай может легко превзойти Европу в моральном плане.

Давайте сначала рассмотрим этот вопрос с военной точки зрения. Военные авторитеты, знающие китайцев, похоже, одинаково разделились во мнениях; многие уверены, что они - невоинственная раса, другие утверждают и приводят доказательства того, что под руководством компетентных офицеров они обладают отличными военными качествами.

Несколько лет назад, например, развитие военной мощи Китая рассматривалось как возможная опасность для всего мира, и особенно для Англии или России. Указывалось, что в далеком будущем Китай может легко с огромной армией обрушиться на Индию или повернуть свои руки на север и завоевать обширные районы Сибири. Сейчас популярна обратная точка зрения, и военная мощь Китая рассматривается как вещь, не способная к большому развитию. Один японский дипломат, с которым мы обсуждали этот вопрос, высмеивал идею "желтой опасности" и с улыбкой отнесся к предположению, что Китай когда-нибудь сможет стать великой нацией в войне. Конечно, ее нынешнюю военную мощь можно смело игнорировать, за исключением Маньчжурии; способна ли эта мощь развиваться - спорный вопрос. Верующие в военные возможности Китая указывают на то, что фактически Китай по праву завоевания является сюзереном таких воинственных рас, как тибетцы и гурки, и что его империя простирается вплоть до Туркестана. В ответ на это утверждается, что победителями были не китайцы, а завоеватели и нынешние правители китайцев, северные маньчжуры; которые, пока их не поглотила китайская цивилизация, говорили на другом языке и писали другим шрифтом.

Маньчжуры еще далеки от вымирания, хотя за годы чувственных наслаждений они утратили свою мужественность; но религиозная дисциплина или чрезвычайные обстоятельства могут восстановить воинственные качества расы. Только в 1792 году китайцы под командованием Сунд Фо победили гурков, и мы должны признать, что раса, способная победить этих доблестных солдат, должна быть искусной и храброй в войне. С другой стороны, меня заверили, что маньчжуры, так далеко не проявившие храбрости в войне с Японией, первыми обратились в бегство, и что они ничем не отличаются от китайцев, кроме того, что они пенсионеры и ездят на лошадях. Те, кто не верит в мужество китайцев, говорят, что китайцы никогда не отличались мужеством, кроме пассивного порядка; что они готовы терпеть страдания против любой расы на земле, и что вся их история говорит об этом; что они поочередно подчинялись монголам, кинам и маньчжурам; И что период правления династии Мин, когда они были свободны, наступил только потому, что монголы подчинили себе все народы в радиусе многих тысяч миль, а затем они сами стали жертвой, но не

непосредственно китайского оружия, а усыпляющего и разрушительного воздействия китайской цивилизации, которое сделало их абсолютно неспособными к борьбе.

Те, кто рассуждает подобным образом, указывают на великую особенность китайского пейзажа - крепостную стену. Великая китайская стена, взбирающаяся на холмы и склоны, была построена для того, чтобы северные и воинственные племена не беспокоили миролюбивых и трудолюбивых китайцев. За этой стеной находятся крепость за крепостью; каждый город обнесен стеной, и эти стены рассказывают свою историю. Воинственная раса никогда не живет в городах, обнесенных стенами. Когда путешественник попадает в Японию после посещения Китая, первое, что его поражает, - это отсутствие городов, обнесенных стенами. Деревни и города лежат вдоль дорог, как в нашей стране, а не теснятся за высокими и мрачными стенами Китая. Те, кто утверждает, что китайцы никогда не будут воевать, указывают на то, что им никогда не удавалось усмирить две дикие расы, живущие прямо в их среде, - майо и лоло. Один преданный миссионер, который потратил много лет своей жизни на неблагодарную работу, пытаясь приблизиться к этим диким лоло, дал нам интересный отчет об отношениях между лоло и китайцами, который, конечно, не показывает, что китайцы обладают большим военным мастерством. Лолосы - это своего рода горные гусеницы, которые живут в горах на западе Китая и время от времени совершают набеги на миролюбивые китайские деревни. В ответ китайцы собирают большие силы, которые наступают на страну лоло и сжигают их деревни. Лоло редко оказывают прямое сопротивление, поскольку понимают, что их безнадежно меньше, но пользуются случаем, чтобы совершить набег на очередную деревню и вырезать сотни беззащитных китайцев. Если силы примерно равны, лоло будут сражаться, и даже иногда, когда силы совершенно не равны. Однажды семь лоло и две женщины обратили в бегство три сотни китайских солдат, убив сорок и ранив гораздо больше. Поэтому китайцы живут в большом страхе перед этими горными варварами, чьи яростные крики и дикий натиск вызывают абсолютную панику в их войсках.

Офицеры, командовавшие китайскими войсками, похоже, в целом верили в их возможности. Гордон, например, в самых высоких выражениях отзывался о солдатах, составлявших его "вечно победоносную армию", а английские офицеры, командовавшие Вэйхайвэйским полком, и те, кто командовал китайскими добровольцами при осаде Пекина, одинаково хорошо отзывались о своих людях. Сообщается, что китайские солдаты при осаде Тяньсина выносили раненых из-под обстрела, когда не находилось европейских солдат, готовых выполнить эту опасную задачу, но подтверждения этой истории из первых рук мне найти не удалось. Но независимо от того, создадут ли китайцы в грядущие времена эффективную армию или нет, самые компетентные судьи утверждают, что военное величие китайцев всегда будет способствовать миру; что они никогда не будут вести агрессивную войну; и что, не будучи угрозой для всего мира, они окажутся гарантом мира на Дальнем Востоке. На самом деле именно сохранение военной слабости Китая, а не рост его военной мощи, скорее всего, нарушит политическую атмосферу. Китай - слишком богатый приз, чтобы быть в безопасности без охраны, и приобретение его богатств всегда будет соблазном для его нуждающихся соседей.

Целостность китайской империи по многим причинам является наиболее желательной, и эта целостность может быть лучше всего сохранена путем увеличения военной мощи Китая.

Одна из причин, по которой этого так хочется, заключается в коммерческом влиянии, которое Китай может оказать на остальной мир. Если огромные массы ее замечательных рабочих будут эксплуатироваться державами, которые не думают ни о своем, ни о мировом благосостоянии; если потное логово иностранцев будет угрожать здоровым условиям жизни

рабочего в Лондоне; если политика таких филантропов, как лорд Шафтсбери, была хоть сколько-нибудь полезна для мира в целом, то внезапное появление сотен тысяч плохо оплачиваемых, но эффективных рабочих на великом западном рынке окажет пагубное влияние на социальные условия цивилизованного мира. Очевидно, что гораздо проще привезти фабрики в Китай, чем привезти китайцев на фабрики, и это будет сделано беспрепятственно, если над Китаем будет развеяться флаг иностранца. Огромные преимущества, которые Китай может предложить в виде дешевой рабочей силы, дешевого угля и дешевых перевозок, в сочетании с безопасностью европейского флага, будут иметь эффект привлечения в Китай очень большого числа мировых промышленных предприятий. Если это будет происходить постепенно, так, чтобы внутренний рынок Китая увеличивался пропорционально, это не принесет никакого вреда другим странам. Китай будет участвовать в мировом богатстве, будет одновременно крупным производителем и крупным потребителем; но если до того, как западная цивилизация будет усвоена рабочими классами, в Китае начнут широко применяться западные фабрики, то результатом будет одно из тех смещений социальных условий, которые мы объединяем под названием "потение".

Западные условия труда в западных странах некоторые могут считать тяжелыми, но никто не может сомневаться, что если западные условия труда навязать населению, которое их не понимает, то они будут иметь тенденцию стать определенно деспотичными. Боюсь, что китайский кули будет так же мало способен противостоять иностранному подрядчику, поддерживаемому оружием иностранной державы, как уроженец Конго отстаивает свои права против бельгийского угнетателя; и если у западных держав не хватит гуманности и мудрости противостоять тем из своих народов, которые будут стремиться заработать на китайском труде, западное господство в Китае не будет желанным для западных наемных работников.

HANKOW, THE CHICAGO OF CHINA

RIVER AT LOW WATER, 600 MILES FROM THE SEA

HAN-YANG IRONWORKS

ХАНЬКОУ, КИТАЙСКИЙ ЧИКАГО. РЕКА В МЕЖЕНЬ, 600 МИЛЬ ОТ МОРЯ. ХАНЬ-ЯНСКИЙ
ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД

Одна из самых впечатляющих достопримечательностей Китая - металлургический завод Хань-Ян. На них работает три тысячи человек, а владеет ими группа китайских капиталистов. За последние два-три года они сочли нужным утроить свой завод, и вряд ли стоит удивляться, когда понимаешь, что, хотя рабочим платят по очень высоким китайским меркам, они получают всего шесть пенсов в день, и даже если допустить, что для выполнения работы одного англичанина требуется три китайца, что выше, чем принято считать, очевидно, что владельцы завода получают очень большую прибыль. Следует отметить, что в настоящее время китайцы не смогли произвести ни одного местного инженера; шестнадцать европейцев разных национальностей управляют и контролируют работы, хотя они принадлежат китайцам, но квалифицированную работу выполняют все китайцы. Например, мы видели человека, который выпрямлял рельсы паровым молотом; это была очень квалифицированная работа, и мне сказали, что он зарабатывал 7 или 8 д. в день. Если у любого социального реформатора, если у любого человека, заинтересованного в положении рабочих классов, найдется время, чтобы рассмотреть этот вопрос и освободиться от того приходского ума, который так искажает значение вещей, он увидит, что положение рабочих классов в Европе будет в большей степени зависеть от правильного развития социальных условий в Китае, чем от любого фактора внутри страны. Если говорить коротко, то если четвертая часть рабочей силы этого мира живет в условиях потогонного труда, то остальные три четверти могут считать себя счастливыми, если их доход не сократится на 25 процентов.

С другой стороны, если развитию Китая будет позволено идти своим нормальным путем, а образование и просвещение будут продвигаться наравне с материальным благополучием, то коммерческие условия Китая, отнюдь не вредные, окажутся полезными для всего мира. Внутренний рынок, с одной стороны, будет стремиться идти в ногу с китайской продукцией. Если Китай экспортирует, он также будет импортировать; объем торговли, несомненно, значительно увеличится, и эта торговля принесет процветание как Китаю, так и другим странам, которые торгуют с ним. Ее народ постепенно привыкнет к западным условиям, и, если Китай сохранит свою независимость, эти условия не станут слишком обременительными для бедных слоев населения. Богатство другой страны не наносит ущерба ее соседям, скорее, им вредит ее бедность. Всегда существует опасность, что более бедная страна будет выкачивать капитал из более богатой страны, и что богатая страна станет жестокой по отношению к бедной стране так же, как кредитор жесток по отношению к должнику; Конечно, было бы очень нежелательно, если бы внезапная промышленная экспансия в Китае парализовала многие промышленные предприятия в Англии, лишив их капитала, необходимого для расширения, и было бы столь же нежелательно, если бы любое промышленное предприятие в Китае контролировалось советом директоров в Лондоне, единственной целью которого было бы увеличение дивидендов, и которые не знали бы и поэтому были бы безразличны к ущербу, который может быть случайно нанесен благосостоянию тысяч китайцев, попавших под их власть.

И это подводит меня к третьему вопросу о том, как Китай может повлиять на остальной мир. Она может, и скорее всего так и будет, ухудшить моральный тонус Европы. С другой стороны, вполне возможно, что она будет действовать как моральный тоник. Мы едва ли осознаем природу цепей, связывающих одну часть нашей цивилизации с другой. Если послушать разговоры людей, то можно предположить, что главными факторами в управлении человечеством являются законы и постановления, принимаемые королями и народными собраниями; но более глубокое исследование должно показать, что только меньшая часть жизни человека контролируется законом, большая же часть контролируется обычаями или модой, которые навязываются, если использовать технический термин, санкцией

общественного мнения. Возьмем, к примеру, обычаи одеваться, или манеры, или часы, которые мы соблюдаем, или то, как мы относимся к вещам, или даже сами наши мысли - все они подчинены этой власти; государство, как правило, не предписывает никакой определенной одежды, однако существует большая и все возрастающая степень единообразия в одежде. Вы можете проехать от Азии до Америки, от Ванкувера до Владивостока, и вы увидите единообразие в правилах одежды. Это единообразие тем более примечательно, что его законы, вместо того чтобы быть фиксированными и неподвижными, постоянно изменяются; действительно, по сравнению с властью моды, власть величайшего самодержца или самого эффективного государственного учреждения - ничто. Самодержец может отдать приказ; государственная канцелярия с ее бесконечными клерками и формами, с ее многокилометровой волокитой может попытаться добиться выполнения этого приказа, но, вполне возможно, потерпит неудачу. Но у моды, издающей свои капризные приказы, нет ни канцелярии, ни клерков, ни печатных форм, которые нужно заполнить, чтобы добиться послушания, и тем не менее ее подданные так охотно служат, что они со всех сторон ищут информацию о природе ее приказов, а узнав их, не считают ни деньги, ни комфорт важными по сравнению с послушанием своей госпоже. Мир, удивляясь собственной покорности, увеличивает или уменьшает свою одежду, меняет головные уборы, а в дальнейшем даже меняет свои манеры, речь и мысли. Последняя книга мод - это всего лишь преувеличение мировой силы; той самой силы, которая заставляет женщин подтягивать юбки и расширять шляпы, заставляет их мужей говорить о социализме и отмечать День империи. Сила моды заключается в том, что, хотя все подчиняется, никто не осознает трудности подчинения; цепи, которыми мода связывает этот мир, могут быть настолько крепкими, что самая сильная натура не может их разорвать, но они настолько легки, что самые чувствительные натуры не осознают их сдерживания.

Но у этой великой силы моды есть свои границы, и это границы нашей цивилизации. Мандат портнихи может простираться от Сибири до Перу, но он не имеет силы в магометанских, индуистских или конфуцианских землях; турецкая леди все еще закрывает лицо, индуист все еще придерживается своей касты, конфуцианец до сих пор хранит свою очередь и свой синий халат, но если Китай примет нашу цивилизацию, это должно измениться. Современный китаец одевается по западной моде; свободные струящиеся одежды Китая служат своего рода барометром, по которому можно проверить степень европейского давления; в стране они такие же свободные, как и раньше, но в Шанхае, где китайская одежда еще сохранилась, она стала тесной. Изменения, характерные для того, что может произойти, если союз между цивилизациями произойдет без какого-либо руководства, можно увидеть сейчас на улицах Шанхая; платье женщин формируется по китайской моде, они носят традиционное пальто и брюки, но покрой этих одеяний оскорбляет и Восток, и Запад своей большой эксгибиционностью.

Каждый согласится, что западная мода или, во всяком случае, мужская мода, должна в значительной степени повлиять на Китай, но есть и более глубокая мысль; западная мода повлияет не только на китайскую одежду, но и на китайскую мысль, и когда она приобщит китайскую мысль к западной цивилизации, когда завоевание будет завершено и Китай и Запад станут одним целым, произойдет реакция, и то, что подчинило Китай игу западной моды, в свою очередь даст Китаю силу контролировать западный мир. Ни на секунду не предполагая, что пекинская мода заменит парижскую или что у англичанина вырастет коса, я все же считаю, что в истории есть много прецедентов, позволяющих ожидать, что такая моральная сила, как китайское почитание родителей, или такая аморальная позиция, как китайское презрение к рабочему человеку, не останется без влияния на западный мир. Снова и снова миссионеры и правительственные чиновники отмечают, что сила Китая

настолько велика, что она подчиняет своей мысли любого, кто долго живет в ее стране. Если случится так, что западный мир пренебрежет китайцем, когда у него будет возможность учить и направлять его, жаждущего познать западную цивилизацию, наказанием Запада станет то, что в последующие годы он будет подвержен дурному влиянию могущества великой Поднебесной. Если же, напротив, Восток обратится к христианству и, наученный им, научится жить более высокой жизнью, то пример ее веры и ее нравственности через много лет окажет благотворное влияние на западный мир.

ГЛАВА III

ВОСТОЧНЫЙ И ОКЦИДЕНТАЛЬНЫЙ

Запад не может ни по праву, ни из корыстных побуждений игнорировать проблему, которую приходится решать Китаю. Из самой консервативной страны в мире он превратился в страну, в которой происходят стремительные перемены. Вся цивилизация этой огромной страны с населением 400 000 000 человек претерпевает коренные изменения в результате импорта в нее идей и мыслей, которые не являются для нее родными, и которые были созданы системой религии и историей, принадлежащей народам, сильно отличающимся от нее. Вся сложность проявляется только после некоторого размышления. Проблема сильно отличается от той, что стояла перед человечеством в других частях света. Китай пытается принять западную цивилизацию, но есть опасность, что это произойдет без христианства. Я знаю, что многие европейцы, живущие в Тяньсине и Шанхае и мало задумывающиеся о стоящих перед ними проблемах, несколько смутно надеются, что в ближайшем будущем Китай станет европейской нацией; но небольшое размышление должно убедить всех в том, что это невозможно. Мы также уже показали, что Китай твердо намерен - фактически, у него нет альтернативы - не оставаться старой консервативной страной, живущей на древних традициях, оглядывающейся на две тысячи лет назад для обучения искусству управления.

Поэтому, если Китай не хочет ни стать западным, ни остаться таким, какой он есть, ему придется смешать две цивилизации и взять часть от каждой из них. Сами китайцы, с бескорыстием, на которое у них нет никаких оснований, уверены, что это легкое дело. Они говорят, что хорошо все обдумали и полностью видят свой путь. Они намерены выбрать из Европы только то, что выгодно расе, и рассчитывают без труда вплести эти несочетаемые элементы в свою собственную, очень полную систему мышления. Государственные деятели всерьез говорят, что три-четыре месяца дополнительного обучения позволят образованному китайцу узнать все, что необходимо для западной цивилизации, а затем те, кто приобрел эти знания, смогут вернуться в Китай и обучать своих соотечественников; и невозможно убедить китайцев, что объединение двух различных систем мышления - дело чрезвычайно трудное и, можно добавить, чрезвычайно рискованное. Приятная мечта о том, что можно произвольно выбрать положительные стороны Запада и Востока и сплести их в единое целое, прямо противоположна истине. Естественным образом происходит прямо противоположное. Существует тенденция сохранять то, что плохо, а не то, что хорошо в двух различных системах мышления, когда они объединяются в одну. Причина, вероятно, в том, что,

поскольку плохое имеет общее происхождение в порочности человеческой природы, оно принадлежит обеим системам мышления, и поэтому и китаец, и западный человек встречаются на общей почве, когда они сталкиваются в пороке или порочности. С другой стороны, добродетели обоих народов являются результатом нравственного воспитания, опирающегося на авторитеты, которые не признаются ни теми, ни другими. Поэтому существует тенденция отказываться от всех моральных обязательств как от основанных на спорных основаниях. Какова бы ни была причина, результат очевиден: западный восточный человек, если только он не христианин, как правило, лишь на одну ступень лучше восточного западного.

Хотя беспечный мыслитель в целом надеется, что из союза двух народов выйдет что-то хорошее, он, как правило, опасается, как бы в ком-то из тех, кто ему нравится, не возникла тенденция к смешению западной и восточной мысли. Один из ведущих людей в Тенцине, восхваляя здоровый климат этого места, рассказал, что держит там своих детей с самого их рождения. Его друг из дома, не знавший о жизни в китайском порту, с благодарностью сказал: "Как, должно быть, приятно, что ваши дети умеют говорить по-китайски; полагаю, вы поощряете их к изучению этого языка?" Житель Китая в гневе повернулся к нему и сказал: "Слава Богу, мои дети не знают ни слова по-китайски; я бы завтра же отправил их домой, если бы застал их за изучением хоть одного предложения". Этот энтузиазм по поводу незнания языка великой нации необычайно трудно понять, пока не осознаешь опасность смешения восточной и западной мысли. Опыт научил тех, кто жил в Китае, что лишь немногие могут пройти невредимыми через ужасное испытание, связанное с необходимостью жить в двух моральных атмосферах.

Одна из самых поразительных книг, которые когда-либо были написаны, - "Непристойные письма из Пекина". Книга удивительна тем, что способна представить читателю те ужасные сцены во время осады Пекина, но гораздо более удивителен характер, который она приписывает гипотетическому рассказчику - характер, типичный для человека, который в равной степени чувствует себя как дома в Англии и в Китае; и в этом характере изображена правдивая, но любопытно неприятная картина особенностей обеих рас. Рассказчик обладает храбростью льва; он абсолютно лишен чувства чести. Он стреляет в противника под флагом перемирия. Он злоупотребляет маньчжурской женщиной, которая в ужасах разграбления бросается ему на милость. Он потворствует нарушению солдатом торжественно данного им слова чести. Характер не перегружен; такие характеры обычны в смешанном мире, и вполне естественно, что англичане опасаются, что их дети вырастут столь неискоренимо мерзкими. Но если англичанин боится за своего ребенка, должен ли он пренебрегать благосостоянием страны, в которой живет, и можем ли мы обойти стороной всю эту проблему как нечто, нас не касающееся; ведь то, чего он боится за своего ребенка, случится со всей китайской нацией.

Слияние Востока и Запада может быть достигнуто с легкостью, на которую рассчитывает китаец, но не так, как хотелось бы ему или кому-либо другому. Оно может быть достигнуто путем искоренения всего хорошего в обеих расах на общей почве порока и греха, зла и жестокости; если, конечно, не будут поддержаны усилия тех, кто сейчас трудится над тем, чтобы соединить все хорошее, что есть в обеих цивилизациях. Трудность сохранения положительных сторон и высоких качеств китайской мысли сравнима только с трудностью внедрения великолепных традиций Запада и прививания их китайскому народу. То, что усилия тех, кто трудится таким образом, увенчались успехом, скорее можно отнести на счет интенсивности их усилий, их искренней цели, их готовности к самоотречению, чем на счет легкости или простоты их задачи.

Ни один человек, обладающий хоть какими-то чувствами или совестью, не сможет равнодушно пройти мимо одного человека, который ест ягоды смертоносного растения, не сознавая, что они являются ядом. Что же мы скажем, если позволим не одному человеку, а четвертой части населения Земли есть смертельный яд, который лишит их всякого счастья и жизни, который обрекает их миллионами на страдания самой черной тьмы, где единственными мотивами являются эгоизм, похоть, гордыня и жестокость, ибо именно это, несомненно, произойдет с Китаем, если он примет материализм Запада.

Западная мысль очень сильна. То, как она господствует над силами природы, придает ей огромный престиж. Когда китаец узнает о паре и электричестве, о телефоне, летательном аппарате, ради и тысяче других западных изобретений, он не может не быть впечатлен, он должен признать, что эти люди обладают знаниями. Не ни на мгновение представить, что после такого просветления он сможет вернуться к трудам Конфуция и заново выучить старые изречения, многие из которых антипатичны западной мысли - да, даже более антипатичны западной, чем христианской. Как, например, он будет читать осуждение Конфуцием войны, когда японцы, немцы и русские кричат ему в уши: "Войной вы будете жить, и только войной".

В одном из интервью, которое я брал у великого государственного деятеля Тонг-Шао-И, он сказал: "Мы уважаем Конфуция, потому что он никогда не учил никого заблуждаться". В отличие от христианского учения, Конфуций проповедует, что критерием истины является мирской успех, и поэтому его проповедь будет проверена материалистом и признана несостоятельной. Материалист скажет: если Конфуций никогда не учил людей заблуждаться, то как получилось, что западные народы, не знающие его учения, преуспели, а Китай, который значительно превосходит их по численности и который после многих лет воспитания, обучения и верного следования его учению, потерпел неудачу? Как же так, спросят они, что она настолько бессильна, что если бы не европейская ревность, она не смогла бы и дня простоять перед наименее воинственными из этих западных народов? Конфуцианец ответит: "Он учил нас презирать войну, и поэтому мы слабы". Материалист, конечно, ответит: "Так он научил вас заблуждаться". Конфуцианство должно пасть перед западным материализмом. Я не говорю о буддизме, потому что он падает так быстро, что его влияние, можно сказать, почти исчезло. Китай останется лишенным религии, лишенным своих старых идей и не облеченным в новые, блуждающим во всех страданиях и унижениях, которые порок и грех могут навлечь на человечество, пока проклятие миллионов его страданий не обрушится на суровый и бесчувственный Запад, который мог оставить ее слепой и беспомощной без поводыря.

Призыв велик. Те, кто обладает знаниями, не имеют права держать их при себе. Христианин и конфуцианец согласны в этом, как и во многом другом: все знания должны быть общими. Одна из целей этой книги - обратить внимание моих читателей на то, как важно предпринимать какие-то действия. Если бы у них была возможность поехать в Китай и увидеть все своими глазами, я бы попросил их только подумать; но поскольку у многих такой возможности нет, я попытаюсь показать им переходное состояние, через которое проходит Китай, опасность того, что это состояние закончится катастрофой, масштабной, как сам мир. Я надеюсь показать им, что делается в настоящее время, чтобы вывести Китайскую империю на безопасный путь и осветить ее высочайшими знаниями Запада. Было предпринято много усилий, и есть большой успех. Я рад публично свидетельствовать о героическом и самоотверженном характере миссий, но наибольшего успеха добиваются те, кто откровенно говорит, что Китай никогда не будет управляться инопланетянами.

Ни одна раса не любит чужаков, и чем дальше чужак от нее по крови и языку, тем меньше его любят; поэтому китайцы меньше всего подходят для того, чтобы ими руководил европеец, поскольку они отличаются от него по большинству расовых характеристик. Если они хотят, чтобы ими руководила их собственная раса, то и руководить ими должна их собственная раса. У них должны быть лидеры, которые понимают все западные знания и смогут взять то, что истинно, и оставить то, что ложно. Один японский мыслитель сказал на днях: "Наш народ совершил большую ошибку - он взял ложную и оставил истинную часть западной мысли". Будем надеяться, что Китай удастся уберечь от такой ошибки, что он сможет усвоить западные знания так тщательно и так хорошо, что сможет отличить хорошее от плохого, прекрасное от мерзкого в нашей системе мышления.

ГЛАВА IV

ВНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ

Невозможно изучать какой-либо китайский вопрос и игнорировать отношения Китая с иностранными державами. Они всегда любопытны и, как правило, уникальны. Безусловно, любого, кто отправляется в Китай с целью изучения вопроса о миссиях, не может не поразить необыкновенное количество договорных прав, которыми обладают миссионеры. В большинстве стран учитель религии не имеет никаких особых прав. Современное государство, увы, чаще притесняет его, чем благоволит ему, даже если это государство признает себя благосклонным к религии. Поэтому естественно ожидать, что в Китае, где христианство, как известно, не любят, тем, кто его преподает, придется столкнуться со всеми формами ограничений, которые может наложить враждебное государство.

Когда осознаешь, что в этой стране противоречий гонимый миссионер пользуется весьма своеобразными привилегиями, на ум приходит чувство изумления. Обычный иностранец, например, не может путешествовать по Китаю иначе как по любезности правительства - любезности, в которой ему никогда не отказывают; но миссионер может путешествовать свободно. Обычный иностранец не имеет права останавливаться в любом городе Китая, за исключением договорных портов; миссионер может останавливаться там, где ему нравится. Обычный человек не может покупать землю; миссионер имеет право покупать землю с целью обучения христианству.

Так случилось, что, когда мы были в Китае, консул Его Величества, имея за спиной всю мощь Англии, не смог купить подходящий участок для строительства дома, куда он мог бы привезти свою жену. Он жил в храме, а храмы в Китае не очень удобны. Непосвященным я должен объяснить, что при каждом буддийском храме есть комнаты для гостей - китайские комнаты, состоящие в основном из деревянных ширм; и эти храмы сдаются в качестве резиденций людям, чья вера не так сильно влияет на их привязанности, как их кошелек. Дамы, как правило, не готовы жить в доме с бумажными перегородками в климате, где зимы очень холодные; поэтому консул попросил одного миссионера купить участок земли, на котором он мог бы построить подходящий дом, и ему это почти удалось, когда китайское правительство

узнало, что земля не предназначена для миссионерских целей, и отказалось разрешить продажу. Ситуация кажется странной, если вспомнить, что если бы этот консул оставил свой пост и присоединился к миссионерской организации, он мог бы купить землю и удобно поселить свою жену в четырех прочных каменных стенах, но поскольку он был представителем Англии, а не миссионером, ему пришлось дрожать между деревом и бумажными ширмами, и это в стране, которая, как считается, ненавидит миссионеров.

Объяснение этой любопытной ситуации на самом деле двоякое. Во-первых, ненависть, которую чиновник питает к миссионеру, не настолько сильна, чтобы побудить его оказывать очень упорное сопротивление миссионерам, желающим купить землю; а во-вторых, миссионеры имеют особые права, закрепленные за ними рядом договоров, одних из самых любопытных в истории дипломатии.

В 1844 году американцы получили по договору право на свободное исповедание христианской религии в открытых портах. Это право, достаточно примечательное само по себе, часто оговаривалось государством для своих граждан, проживающих в чужой стране, но я сомневаюсь, что когда-либо прежде было известно, чтобы страна настаивала на праве проповедовать религию для чужих граждан. Очевидно, что это было вмешательством в суверенные права Китая.

В 1860 году он был еще более усугублен. Французы и англичане только что завершили разграбление "Летнего дворца", и какой бы ни была справедливость или несправедливость войны, Китай получил свой первый большой урок унижения от рук западных держав и был не в состоянии сопротивляться любым их требованиям. Англичане и французы заключили договоры, большинство из которых касались торговых и военных вопросов, о которых нет необходимости беспокоить читателя, и французы выдвинули условие, которое было вполне разумным: китайцы должны восстановить все здания, разрушенные во время поздних беспорядков; формулировка этого пункта была настолько расплывчатой, что его можно было применить, и он был применен, к любому зданию, которое было разрушено в любое предыдущее время в истории Китая, но самая примечательная часть этого пункта требует дальнейшего объяснения. В качестве переводчика у французов был очень способный иезуит, пьер Деламарр, а поскольку французский министр не умел читать по-китайски, ему пришлось довериться своему переводчику в отношении китайской версии, и этот человек вставил в договор еще два положения, одно из которых гарантировало христианам право на свободное исповедание своей религии на всей территории Китая, а другое - право французских миссионеров арендовать землю во всех провинциях империи, покупать и строить дома. Когда этот благочестивый обман был раскрыт, французский министр считал бесполезным обличать своего переводчика, и поэтому договор рассматривался французами как обязательный и никогда не подвергался сомнению китайцами; другие державы извлекали из него выгоду в соответствии с пунктом о "наиболее благоприятствуемой нации".

Римские католики несколько лет спустя довели формулировку этого договора до крайности. Их миссии работали уже 150 лет или более, и они могли доказать большое количество конфискаций, которые должны были возместить китайцы. Как раз в это время во Франции Наполеон III пытался утвердить сомнительный титул с помощью Папы Римского, и его политика заключалась в том, чтобы всячески отстаивать интересы римских католиков. Китай ощутил на себе тяжесть европейских армий и не смог противостоять этим притязаниям, поэтому получилось так, что та самая страна, которая сейчас является центром свободной мысли, стала средством принуждения китайцев к христианству через страх перед ее вооруженной силой.

Можете ли вы удивиться ответу, который я получил, когда спросил одного китайского государственного деятеля, который, как я знал, симпатизировал учению христианства, почему Китай, который всегда исповедовал и в значительной степени практиковал терпимость, должен преследовать христианство? Его ответ был таков: китайцы не ненавидят христианство и действительно терпимы к миссиям, но они все равно их недолголюбивают, потому что христианство - это религия военных рас, и у них есть историческая традиция, согласно которой продвижение христианства было связано с войной.

Эта плохая репутация усугубилась действиями немцев. Ни один здравомыслящий человек не может осуждать немцев за желание расширить и развить свою торговлю. Мы можем понять патриотически настроенных немцев, говорящих, что долг Германии - установить хорошее правительство в Шантунге, но очень трудно понять, как кто-то может оправдывать захват Кяучау на том основании, что некоторые немецкие миссионеры были убиты. Взятие Кяучау немцами завершило дело, начатое французами. Христианство и внешние отношения Китая неразрывно связаны друг с другом, и каждый китаец до недавнего времени считал, что христианство - это религия, которая привела иностранных народы на его землю. "Сначала миссионер, затем торговец, и наконец, канонерская лодка", - так слишком часто звучал порядок продвижения. Я с радостью могу сказать, что американцы и англичане приложили немало усилий, чтобы отмежеваться от этого зла, и стараются избегать любой видимости такой связи. Мне рассказывали, что в Шанси, благодаря тому, что компенсация за убийства миссионеров была оставлена в Китае и потрачена на основание университета, а не принята миссиями, протестантские миссии очень популярны. "Вам стоит только сказать, что вы английский священник, - сказал мой китайский информатор, - и перед вами откроются все двери".

Нынешний аспект внешней политики стремится разрушить прискорбную связь между христианством и иностранной агрессией. Две великие державы, чьи армии встретились в Маньчжурии, ни одна из них не заинтересована в миссиях. У России никогда не было миссий в Китае. Она запретила их, как я понимаю, потому что они могли втянуть ее в ненужные войны. У Японии, конечно, их нет. У немцев, которые сделали убийство миссионеров поводом для агрессии, в Китае не так много миссионеров, принадлежащих к их национальности. Китай, таким образом, начинает смотреть на христианство как на не столь опасную вещь, как это казалось, когда оно было по сути религией французов и англичан, чьи армии и флоты тогда держали Китай в страхе. Тем не менее политическая ситуация не может не представлять большого интереса для миссионера. Даже радуясь тому, что внешние отношения Китая и его работа не так тесно связаны, как раньше, он должен спросить себя, каков будет результат моей работы, если в великой мировой борьбе верх возьмет Япония или Россия? В настоящее время он боится Японии больше, чем России; и его опасения разделяют, но по другим причинам, китайцы.

Японии приписывают самые дикие и амбициозные замыслы, и я не могу сказать, насколько это соответствует действительности. Ее кошелек пуст, но она обладает гораздо большим мужеством и мастерством в войне, чем большинство наций. Если бы она завладела хотя бы частью Китая, она могла бы увеличить свое богатство до такой степени, что ни одна раса не осмелилась бы противостоять ей, а если бы она управляла Китаем, ее армии, поддерживаемые богатством этой могущественной империи, могли бы угрожать стабильности Европы. Сообщается, что у нее есть два полка, которые работают как частные лица на Фукиене, и она готова захватить провинцию в случае каких-либо беспорядков. Тот факт, что в провинции много японцев и что все они - обученные солдаты, придает этому предположению некоторую наглядность. Фукиенцы говорят на другом диалекте, чем

остальные жители Китая, и у них есть естественная географическая граница, которая позволит японцам удержаться там, если они однажды там закрепятся.

Опять же, последние события показали, что они готовятся осуществить суверенные права над китайской территорией в Маньчжурии. С другой стороны, Россия вооружается; она прокладывает двойную железную дорогу от Санкт-Петербурга до Иркутска и снова готовится к борьбе в Маньчжурии; среди офицеров ходят слухи, что будет война; русские ни на минуту не считают себя побежденными; они думают о последней кампании просто как о "досадном инциденте".

Но самым важным событием в российской политике является предлагаемая железная дорога через Монголию, которая даст России выход на запад Китая и в Пекин. Трудно представить, как в случае наступления по этой линии Япония сможет оказать какое-либо сопротивление России; вся широта Китая будет лежать между ними. Тем временем восточные немцы усовершенствовали железнодорожную систему, которая превращает Кяучау из заштатного местечка, о котором никто не заботился, в дверь в самое сердце Китая. В коммерческих кругах Китая сообщается, что комендант гарнизона Тяньсина предположил, что целью строительства германского флота было не столько завоевание Англии, сколько обеспечение того, чтобы Германия могла сохранить свои позиции на Дальнем Востоке и в полной мере использовать Кяучау как путь, по которому ее армии могут войти в Китай. Когда смотришь на карту и видишь, как Китай окружен этими державами и как они давят на него, понимаешь, почему китайцы считают, что западное образование - это абсолютная необходимость, и что если они хотят сохранить свою независимость, они должны постигнуть военное искусство. Один великий вице-король, как сообщается, сказал, что он откровенно ожидает, что Китай будет завоеван и научится у своих завоевателей западным искусствам, которые, в свою очередь, позволят ему доминировать на Западе; так было в ее истории в прошлом, так может быть и в будущем, и я думаю, что нации, которые намереваются завоевать ее, поступят мудро, если подумают, каким может быть результат ее влияния на них.

Китай пытается защитить себя, строя флот и создавая армию. Военно-морской флот - это скорее *opéra bouffe*; время от времени она говорит о том, что у нее есть корабли; представители всех судостроителей мира прилетают в Пекин и всячески пытаются склонить Китай к покупке флота, который они предлагают предоставить в кратчайшие сроки, но на данный момент у нее его нет. В качестве практического шага она создала школу подготовки офицеров. Она состоит всего из 140 человек, а преподают в ней два британских офицера, которых ей предоставил наш флот. Они заявили, что добиться от китайцев практических навыков очень сложно; в конце концов они убедили правительство предоставить в их распоряжение старый корабль. Долгое время им отказывали, а когда предоставили, это было воспринято как удивительное и оригинальное решение. Китайский способ подготовки морских офицеров заключался бы в том, чтобы обучать их литературным предметам, поощрять их писать эссе и стихи о море. Взять их с собой на корабль по Янцзы и показать им, как управляется корабль, было совершенно новой идеей, которую, однако, одобрили под влиянием современной моды делать все в соответствии с западными традициями.

Что касается армии, то ее внешний вид, конечно, не привлекает внимания; далеко не самая боеспособная ее часть была создана Юань-Ши-Кеем в Маньчжурии, и китайцы очень хотят показать ее проезжающим путешественникам. Оба раза, когда мы проезжали через Маньчжурию, на каждой станции стояли вооруженные охранники, и в одном случае их инспектировал генерал, ехавший в нашем поезде. Офицеры отсалютовали ему на китайский манер, что представляет собой видоизмененную форму "кив-кив" и, по сути, является реверансом. Было очень забавно наблюдать, как офицеры, возглавлявшие охрану, делали

реверансы, когда мы въезжали на станции. Внизу, в Нанкине, армия была гораздо менее умной - фактически, она выглядела как очень беспорядочный сброд; как я понимаю, когда императрица умерла, это считалось такой опасностью, что власть имущие поставили широкую Янцзы между ними и возможным мятежом.

Реальная опасность для Китая в плане внешних отношений заключается в том, что плохие финансы или отсутствие дисциплины могут привести к внутренним беспорядкам, которые вынудят иностранные державы вмешаться. В прошлом году это едва не произошло. Два полка взбунтовались и захватили город на Янцзы; они прекратили все сообщения с внешним миром и, по всем признакам, были готовы начать восстание. Рядом с ними находилось еще несколько полков, от которых можно было ожидать, что они бросят свой жребий вместе с ними, и положение было очень критическим. Миссионеры, находившиеся в городе, боялись за свою жизнь, и им с трудом удалось связаться с британским консулом и рассказать ему о своем бедственном положении. Он приказал спустить на воду канонерскую лодку, и ее присутствие устранило мятежников. В то же время губернатор города проявил удивительное мужество, объехав весь город и утихомирив толпу. Власти смогли перебросить в город два других полка, которые не симпатизировали мятежу. Мятежники были разоружены, и инцидент был исчерпан. Но подобный инцидент может произойти в любой момент. Состояние страны таково, что в любом месте может вспыхнуть восстание, а разгоревшийся огонь будет трудно потушить; результатом пожара должно стать вмешательство держав для обеспечения безопасности своих граждан.

В целом бедный Китай находится в опасном положении в отношении своих внешних связей; вокруг него раздаются крики: "Вы должны реформироваться или исчезнуть". Каждая проложенная железная дорога, каждый привлеченный заем, каждая открытая торговля накладывают на Китай все большую ответственность в его внешних отношениях. Если она своим правильным управлением и готовностью к реформам сможет показать, что способна поддерживать порядок на своей земле и предоставлять иностранцам безопасность, равную той, которую они имеют в любой другой стране, ее империя может просуществовать многие сотни лет; Но если она окажется несостоятельной в настоящее время и коррупция ее чиновников сделает ее неспособной поддерживать порядок в своей стране или выполнять свои финансовые обязательства, наступит новый этап в истории Китая, который, как я полагаю, будет представлять чрезвычайную опасность для Европы; Китай уступит военной мощи Запада только для того, чтобы снова подняться и доминировать над теми, кто доминировал над ней.

Миссионер, который смотрит на эти мрачные тучи, окружающие Китай, страну, где он родился, чувствует, что есть только один путь, а именно тот, который он выбирает, - попытаться создать в Китае высокий нравственный тон, основанный на религии, который позволит ей принять необходимые реформы и идти в ногу с другими народами.

ГЛАВА V

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ - ЕЕ СЛАБАЯ СТОРОНА

Не думаю, что у нас есть хоть какое-то представление о том, сколько страданий сейчас происходит в Китае. В первый раз, когда мы были в Китае, я имел честь встретиться с мистером Эде, который только что вернулся с раздачи продовольствия в районе, охваченном голодом, и его описание было поистине ужасным; молодые люди ушли и нашли работу в других районах, но старики и дети вынуждены были остаться. То, что вызвало голод в этом случае, было характерно для нереформированного Китая; "китайское горе", река Хоанхо, сделала то, что она всегда делает, то есть затопила район. Когда вы проезжаете по ней, она выглядит вполне безобидно. Как правило, она не в состоянии заполнить свое обширное русло, которое покрыто восхитительным песком, больше всего напоминающим морской берег во время отлива; Но именно этот песок и делает ее опасной, потому что это не хороший тяжелый английский песок, а легкий песок, который называется "лёсс", и когда река спускается в половодье, то есть когда в Тибете стоит дождливая погода или солнце чрезмерно освещает гималайские снега, этот песок уносится вместе с водой, и утверждается, что река состоит больше из песка, чем из воды; Когда река спадает, песок откладывается, и русло заполняется, в результате чего следующее наводнение, застав китайцев врасплох, выходит из берегов и доводит до нищеты огромный район; они не могут засеять свои поля, потому что не видят их. Конечно, власти не должны быть застигнуты врасплох, и берега должны быть укреплены, а каналы прорублены, чтобы отвести воду в случае наводнения; один просвещенный китайский инженер уверял меня, что у него есть схема повышения уровня огромных районов Китая с помощью этого особого характера Хоанхо и превращения его песка и воды в наводнение на голых местах, и он утверждал, что результаты были удивительно успешными, и что районы, которые были неплодородными раньше, когда хорошо промывались и покрывались этим лёссом, становились плодородными. И все же, как бы ни было полезно наводнение для земли в конечном счете, его непосредственным результатом является голод населения, оказавшегося в зоне затопления, поскольку у него нет запасов пищи.

В случае, о котором мы уже говорили, страна долгое время находилась под водой, потому что канал, который должен был отводить воду, не был очищен. Деньги были заплачены, но, как это часто бывает в Китае, работа не была выполнена. Действия, предпринятые властями, были характерны для китайского правительства. В Китае существует система внутренних таможенных постов - система, которую самый дикий сторонник тарифной реформы вряд ли хотел бы увидеть в Европе; эти таможенные посты называются "ликин" и являются источником одновременно большой прибыли для провинций и раздражения для всех торговцев. Китайцы использовали эти таможни для создания рисового угла, благодаря которому область нехватки продовольствия чрезвычайно увеличилась, а несколько чиновников сколотили значительные суммы денег; по закону Китая запрещено экспортировать рис даже из одной провинции в другую; этот закон был введен в действие, и поставки риса прекратились; в то же время в начале голода некоторые богатые люди свободно скупали рис, в результате чего он подорожал до очень высокой цифры, так что вокруг области голода и запустения образовалась область нехватки и дефицита.

В фонды помощи голодающим было отправлено большое количество продовольствия со всего мира, но было очень трудно убедить чиновников разрешить ввоз продуктов в голодающий район. Они были полны всевозможных угрызений совести. Они боялись, например, что пароходы, буксирующие баржи с продовольствием по каналу, который еще не был открыт для пароходов, могут вызвать враждебность населения; они были вежливы,

дипломатичны, но препятствовали, и так получилось, что в то время как в одном районе Китая был голод, в других районах были очень большие излишки, которыми было трудно распорядиться. Все это не вызвало ни малейшего удивления у тех, кто знал Китай. Когда нам рассказали эту историю, все старые знатоки Китая лишь сказали: "Как похоже на Китай" или "Совсем как у них". Это было наше первое понимание того, что означает цивилизация Китая, и поэтому мы впервые осознали проблему, стоящую перед миром, - проблему, которую миссионеры с великой преданностью пытаются решить.

Китайская цивилизация не является, как многие думают, просто вежливым названием для государства, которое в действительности лишь на градус отстоит от варварства. Многие из моих скромных прихожан, например, когда мы отправились в Китай, считали китайцев чем-то очень близким к каннибалам, и я не думаю, что они были бы ничуть не удивлены, узнав, что мы были зажарены и съедены туземцами. Китайцы имеют, пожалуй, больше прав называться цивилизованными, чем мы на этой стороне света; их цивилизация берет начало в эпохах, которые мы привыкли называть библейскими. Конфуций и Эзра представляют современные идеи - идеи, которые не полностью отличаются друг от друга. В то время как на другой стороне земного шара цивилизация передавалась от народа к народу, и цивилизованная раса становилась варварской, а варварская - цивилизованной, китайцы, не добиваясь особых успехов, неуклонно шли по пути прогресса, и в настоящее время они обладают очень тщательно организованной системой общества. На бумаге все выглядит идеально: император во главе, наместники над каждой провинцией, под ними префектуры, и так вплоть до деревенской общины в деревне или торговой гильдии в городе. Система управления настолько совершенна, что, по их утверждению, они способны обнаружить любого разыскиваемого человека среди этих 400 000 000 китайцев, если только его маскировка не будет очень совершенной. Когда мы беседовали о революционерах и рассказывали о некоем докторе, который, рискуя жизнью, уклоняется от поездок в Китай и обратно, я сказал, что удивляюсь, как это вообще возможно для человека, выросшего в деревне и странствующего, где ему вздумается, и меня заверили, что организация китайского правительства такова, что они могут наложить руку даже на самую отдаленную деревню на любого, если он им понадобится, и что единственный способ, которым революционер может надеяться избежать ареста, - это самая совершенная и полная маскировка.

С этой великолепной организацией связана большая солидарность. Китайская раса по сути своей едина. Если бы вашим долгом было изучать отчеты, поступающие из Китая, как это делал я, то первое, что вас поразило бы, - это его сущностное единство; вы не найдете больше различий между разными частями Китая, чем между Англией и Ирландией. Я ни на секунду не хочу сказать, что между китайцами нет различий - это было бы неправдой; но вы не найдете таких различий, которые можно было бы ожидать от разнообразия географических условий. Цивилизация по сути своей схожа. Это цивилизация с большими достоинствами. Население трезвое, трудолюбивое и, пожалуй, честное, все любители Китая, конечно, согласятся с этим; но если вы, как и я, пишете людям, которые никогда не выезжали за пределы Англии, думаю, вам придется уточнить эту фразу словами "честные по сравнению с другими восточными народами" или "честные по сравнению с японцами".

Они также чрезвычайно послушны; их представления об уважении, которое следует оказывать власти, намного превосходят те, что преобладают на этой стороне земного шара. Думаю, мы можем с уверенностью добавить, что многие из них очень лояльны к своим работодателям. Но когда все это уже сказано, следует добавить о темной стороне их цивилизации - она по сути своей развращена и жестока; понятия чести, чистоты,

милосердия слишком мало изучены. Миссионеры уверяли нас, что не существует слова "чистота", которое можно было бы применить к человеку, в то время как одно и то же слово обозначает честность и глупость.

И все же эта нация во многих отношениях хорошо приспособлена к механическому веку, в котором мы живем. Владельцу фабрики нужен трудолюбивый, трезвый и послушный человек, и он не хочет, или, по крайней мере, не осознает, что хочет, благородного, чистого и милосердного человека. Китаец будет в своей стихии на фабрике; долгие часы монотонного труда не будут ему неприятны; он всегда трезв - фактически, он по природе и культуре идеальный фабричный рабочий; и все же именно в этом заключается его опасность. Он будет стремиться привнести в Европу те пороки, которые сейчас опустошают его собственную страну, если, конечно, европейский учитель не поможет ему искоренить эти пороки.

Я дал вам некоторое представление о его испорченности, рассказав историю в начале этой главы, но мы слышали много других подобных историй. Мыплыли вверх по Янцзы на одном из судов китайских торговцев со старым шведским капитаном, которому нравились китайцы и скорее не нравились миссионеры, так что его свидетельства не были предвзятыми из-за желания доказать, что наша цивилизация более совершенна, чем китайская. Мы спросили его, почему именно он, европеец, должен быть капитаном корабля, который принадлежит китайцам и в основном используется ими. Он рассказал нам, что китайские купцы однажды попытались взять капитана-китайца, но как только судно достигло первого порта Янцзы, на борту появились таможенники, которые стали рыться здесь и там. Очень скоро на корабле было обнаружено большое количество контрабанды, помещенной туда с ведома капитана. В результате корабль был оштрафован и задержан. Они снова и снова пробовали китайских капитанов с тем же результатом, и поэтому им пришлось нанимать европейцев, чтобы получить достойных офицеров". Он, однако, вынужден был признать, что китайцы не доверяют трезвости европейских офицеров, и заверил нас, что старый компрадор на борту, одной из обязанностей которого, видимо, было присматривать за пассажирами и брать у них билеты, на самом деле был шпионом за ними.

Возможно, лучшим примером коррупции китайцев являются их действия в отношении валюты. В старые добрые времена валютой Китая был серебряный башмак или слиток, который не имел точного веса и поэтому должен был взвешиваться при каждой сделке. Ниже была медная валюта, которая не имела никакого фиксированного отношения к серебряной валюте, а только отношение меди к серебру. Медные деньги, таким образом, отражали только их реальную стоимость в меди. Естественно, это была самая громоздкая монета. В старых книгах о путешествиях по Китаю приводятся печальные картины того, как путешественник едет с огромными связками медных денег, едва не раздавив их своим весом. Когда белые начали торговать в Китае, они ввели мексиканский доллар с его вспомогательной монетой, и до нескольких лет назад он был общей валютой во всех портах; но когда китайцы начали западничать, они сочли несовместимым со своим достоинством не иметь собственной монеты. Под руководством японцев и при содействии нескольких фирм, чьей специальностью было строительство монетных дворов и чеканка монет, они основали монетные дворы по всей стране и продолжали их работу с самыми *забавными* результатами. Для начала они отчеканили доллар в подражание мексиканскому, но даже в этом монетные дворы не сошлись во мнениях. Некоторые доллары очень легкие, некоторые немного ниже стоимости, а некоторые почти настоящие. Первое, что ощущает путешественник, - это то, что у него в кармане набор монет, которые никто не примет, разве что с большой скидкой. Но путаница идет дальше. Было очень выгодно чеканить легкие монеты, но еще выгоднее было

делать это в более низких номиналах. Китайцы считали, или предпочитали считать, что внутренняя стоимость 10-центовой монеты не имеет значения, пока на ней написано 10 центов. У них нет ни одного банка или почтового отделения, где вы имели бы законное право получить доллар за десять 10-центовиков, и поэтому результатом бездумной чеканки базовых 10-центовиков стало не только их обесценивание по отношению к доллару, но и неопределенность их стоимости, так что почти каждое утро вы должны идти в обменники и спрашивать курс обмена доллара на мелкие серебряные монеты.

Разумеется, на каждом шаге на этом нисходящем пути соответствующие чиновники делали большие деньги; следующим шагом было то же самое с медной монетой, так что теперь нет никакого фиксированного соотношения между медной и серебряной монетой, между большой и малой медью, и это еще больше запутывает дело, поскольку в провинциях с разными монетными дворами доллары имеют разную стоимость. А теперь я слышу, что они начали делать деньги, обесценивая старую серебряную монету для обуви, которая, хотя и продавалась на вес, имела определенный стандарт чистоты, и они выпустили наличные деньги, которые вообще не имеют внутренней ценности и не представляют собой долю монеты, имеющей какую-либо внутреннюю ценность. Результатом этого валютного "прогресса" стало то, к чему всегда приводит коррупция, - повсеместная нищета. Все жульничают. Начальники станций по всей линии уверяют европейских суперинтендантов, что плата за проезд всегда взимается в самой дебетовой монете, и очень трудно отрицать вероятность этого. Но, разумеется, начальники станций заботятся о том, чтобы, если им в руки попадет какая-нибудь неразменная монета, произвести небольшой обмен за свой счет.

Если китайская цивилизация порочна, она также жестока, но не с дикой, бурной жестокостью дикаря, а с жестокостью цивилизованного человека, который сразу же использует человеческие страдания как лучший двигатель человеческого управления и никогда не заботится об их лечении, если только не преследует какие-то материальные цели. Китайцы привыкли к боли, и некоторые люди утверждают, что они не чувствуют ее в той же степени, что западные народы. Несомненно, ощущение боли усиливается у людей с высокоразвитой нервной организацией, а у китайцев нервная организация очень спокойная. Помню, когда мы только высадились в Гонконге, меня ударил китаец, выбравший в качестве постели для полуденной сиесты обычный кусок гранитного бордюра; а когда вы едете в поезде, в каждом товарном вагоне, мимо которого вы проезжаете, кто-то спит, чтобы защитить его от грабежа, и грузовик с углями или груз камня явно рассматривается как самое удобное место для отдыха. Некоторые врачи утверждали, что такова вся их нервная система - они нечувствительны к боли; другие говорили, что боль, как и все остальное, - это вещь, к которой можно привыкнуть, и что боль играла такую большую роль в их жизни, что они привыкли к ней и поэтому не боятся ее. Возьмем, к примеру, связывание ног женщинам; каждая семья в Китае должна привыкнуть слышать рыдания и плач маленьких девочек, когда они проходят через первые стадии связывания ног. Или снова возьмем публичную порку; все рабочие классы Китая должны быть вполне привычны к мысли, что за определенные проступки мужчин пороли до тех пор, пока их плоть не становилась похожей на желе. Один врач, описывая состояние, в котором мужчины попадают в больницу после таких порки, сказал, что избежать наступления смертельной болезни очень трудно, и вылечить их можно только при очень осторожном обращении, так как вся плоть должна отслаиваться, будучи абсолютно раздавленной и избитой.

Однако этот странный народ настолько равнодушен к этим ужасам, что даже те, кто страдает, смеются на фоне своих страданий. Нам рассказали следующую историю, правдивую или нет, я не могу сказать. Одного человека пороли за какой-то проступок, и он

удивлял чиновников тем, что все время смеялся; чем больше его пороли, тем сильнее он смеялся, пока наконец те, кто его наказывал, не остановились и не спросили его о причине его смеха. "Вы взяли не того человека", - сказал он. Всегда приятно обладать острым чувством юмора.

Я не думаю, что есть что-то более ужасное, чем описания безразличия к страданиям, которое демонстрирует средний китаец. Я помню историю, рассказанную мне одним моряком. Во время погрузки на корабль пришел человек, явно находившийся на грани смерти, и попросил работы, но не получил ее. Вскоре его заметили слоняющимся по кораблю, а ночью нашли лежащим между тюками. Его выгнали, но он постоянно возвращался, сначала в одно место, потом в другое, и в конце концов матрос хорошо узнал его лицо. Однажды, когда моряк сходил на берег, его внимание привлекла небольшая толпа, которая на что-то смотрела, и это оказался бедняга в предсмертной борьбе, лежащий в канаве с водой. Он обратил на него внимание китайского полицейского. Китайский полицейский объяснил, что он уберет его, когда тот будет мертв, поскольку у него есть приказ убирать все трупы, но он не может убрать его, пока он жив.

Доктор Маклин из Нанкина рассказывал нам историю за историей о том, как китайцы оставляют людей в предсмертном состоянии на дороге. Недавно он заехал в старый храм и увидел там человека, который, по-видимому, спал, но, присмотревшись к нему внимательнее, он увидел, что его глаза широко открыты и мухи гуляют прямо по его глазным яблокам, показывая, что он совершенно бесчувственный. Он подозвал одного или двух человек и попросил их помочь ему отнести бедного страдальца в какой-нибудь ближайший дом, но они не смогли или не захотели найти дом, где его можно было бы оставить, и в конце концов доктор Маклин решил отвезти его прямо в Нанкин, что он и сделал. Там он ввел очень большую дозу хинина подкожно, в результате чего мужчина вскоре показал признаки возвращения сознания. Это был случай злокачественной малярии, и если бы его не нашел доктор Маклин, мужчину, должно быть, был бы съеден дикими собаками или умер от болезни; но он выздоровел и оказался трудолюбивым молодым фермером, который искал работу, поскольку его дом был разрушен местным неурожаем. По всей видимости, он заразился малярией, и из-за его бедности и плохого питания она почти не проходила вместе с ним.

CHINESE CIVILISATION

ITS BAD SIDE—AN OLD BEGGAR

ITS GOOD SIDE—A GARDEN

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЕЕ ПЛОХАЯ СТОРОНА - СТАРЫЙ НИЩИЙ. ЕЕ ХОРОШАЯ СТОРОНА - САД

Но историю за историей нам рассказывали одну и ту же - что качество милосердия у китайцев не слишком высоко ценится. Обращение нищего к вам, когда он бежит за вами, - это старый буддийский призыв, который, в конце концов, по сути своей эгоистичен, поскольку он умоляет вас "приобрести заслугу", помогая ему; мы должны помнить, что даже эта причина милосердия презирается дворянами и литераторами Китая как по сути своей принадлежащая буддизму. Пожалуй, самые жуткие истории, которые мы слышали, происходили вверх по реке. Одна пришла из страны лоло. Китайцы собирались воевать с лоло, и миссионер увидел, как они несут красивого молодого человека, привязанного к доске так, что он не мог пошевелиться, - так привязанного, что его голова была откинута назад. После определенных церемоний они перерезали ему горло и разбросали кровь по флагам; это было своего рода человеческое жертвоприношение. Еще одну историю мы услышали от преданных францисканских сестер в Ичанге. Они уверяли нас, что если мать находила своих детей слабыми и теряла одного или двух, она принимала решение, что причина их болезни в том, что злой дух затаил на нее злобу. Тогда она брала одного из оставшихся детей и, надеясь умиловить злого духа, сжигала его заживо. Мы не могли поверить, что эта история правдива; но в тот вечер мы встретились с несколькими трудолюбивыми пресвитерианскими дамами, здравомыслящими шотландками, и они заверили нас, что это чистая правда.

ГЛАВА VI

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ - ЕЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ

Можно было бы составить очень ложное представление о китайцах, если бы не подчеркнуть положительные стороны их цивилизации. У них много прекрасных качеств, и не в одном пункте они превосходят номинальное христианство некоторых западных стран. Первое, что, пожалуй, поражает иностранца, когда он вступает в контакт с китайцами, - это их большая вежливость; их литераторы - такие нежные люди. Даже менее культурные люди обладают самыми изысканными манерами; никто никогда не бывает грубым; и одна из вещей, которую они не могут понять, - это как мы можем уважать грубого, откровенного, честного человека. Известен случай, когда они не назначили некоего англичанина на коммерческую должность, предпочтя ему человека с гораздо меньшими способностями и гораздо меньшим стажем, потому что тот был груб. Этого было достаточно. Бесполезно было говорить им, что его честность вне подозрений, что он надежный бизнесмен, что он очень трудолюбив, что у него за плечами много лет тяжелой службы; они все это свободно допускали, но пожимали плечами и говорили: "Правда в том, что он такой грубый парень, и он нанесет такую большую обиду своими плохими манерами", поэтому они его не принимали.

Когда посетитель входит в ямэн, он понимает, что его манеры должны быть манерами самого отточенного дипломата. Перед ним идет слуга, который держит в руках визитную карточку. На самом деле у человека должны быть специальные китайские карточки, напечатанные на

красивых листах красной бумаги, на которых причудливыми иероглифами обозначены его ранг и имя. Однако в наши дни, когда Запад восхищен, наши маленькие беленькие карточки считаются вполне достаточными. Вице-король или чиновник встречает гостя, с энтузиазмом пожимая ему руку - китайское приветствие - и низко кланяясь; конкретная дверь, у которой он встречает гостя, свидетельствует о степени уважения, которое он хочет ему оказать, и поэтому имеет определенное значение. В моем случае, когда хозяин был благосклонен к высшему образованию, меня приняли во внешнем дворе. У каждой двери шло вежливое соревнование, кто первым войдет в нее, и наконец мы оказались в комнате, где были предложены чай, десерт, шампанское и сигареты, хотя двух последних я был недостоин. Затем началась беседа. Я обнаружил меньшую скованность, когда объяснил, что пришел узнать мнение о схеме образования. По окончании величественной беседы состоялся не менее торжественный проводы.

Хотя методы ведения бизнеса китайцев могут раздражать западного человека, для которого время - деньги, и который хочет, чтобы они немедленно пришли к какому-то решению, они неизменно восхитительны и вежливы во всех своих переговорах. Эта вежливость - прямой результат конфуцианского учения. Там делается упор на вежливое поведение, возможно, даже до такой степени, которая может показаться западному путешественнику абсурдной. Эта вежливость, как я понимаю, распространяется даже на людей более низкого ранга. Ваш слуга в разговоре с другим называет его братом, и ничто не заставляет слугу так презирать своего хозяина, как видеть, как он выходит из себя: для него это признак нашей дикости.

Китайцы обладают более высокими достоинствами, чем вежливость. По своей сути они трудолюбивы. Достаточно взглянуть на огород китайца, чтобы понять, насколько он обладает этим качеством. Я уверен, что те люди, которые гордятся культурой своих огородов, были бы удивлены и пристыжены, если бы могли сравнить их с огородами китайцев. Мимо одного сада за другим проходят ряды растений, расположенных на равном расстоянии друг от друга, и каждое растение находится на правильном расстоянии от этих рядов, а на всем участке не видно ни одного сорняка. В ремесленном производстве та же индустрия; в таком месте, как Чанша, вы купите китайскую вышивку за песню. Никто не скажет вам, что китайцы когда-нибудь возражали против продолжительности рабочего дня; они идеальные люди для работы, требующей аккуратности и точности.

И снова они очень терпеливы. Монотонная работа не доставляет им никакого удовольствия. Один остроумный французский наблюдатель использовал слово *routinière* для описания этой характеристики. Даже в интеллектуальной работе проявляется эта любовь к монотонному повторению. Один из врачей рассказал нам, что ему было очень трудно заставить своих учеников не повторять его самые непринужденные жесты во время демонстрации. Например, преподавая бактериологию, он время от времени бессознательно клал инструмент на стол и просто прикасался к нему снова. Спустя месяцы он обнаруживал, что один из его учеников, проводя тот же эксперимент, повторял все случайно сделанные им жесты, тщательно подражая им. Было ясно, что ученик монотонно продолжал отрабатывать эти жесты не по какой-либо другой причине, а потому, что видел, как их делает его мастер. Все те слова, которые наши писатели на социальные темы так любят приводить в адрес современной фабричной системы, не имеют для китайца никакого значения. Жалобы на то, что долгие часы механической работы делают рабочего не лучше машины, несомненно, справедливы для белой расы, но в применении к китайцам они совершенно не имеют значения. Если китайцу хорошо платят на фабрике, он скорее предпочтет, чтобы работа была механической, чем наоборот; он не будет возражать, если часы будут долгими.

И снова он весел и доволен в самых неблагоприятных обстоятельствах. Когда нас гребли на лодке по Янцзы, и люди напрягали все нервы против течения, а их охлаждал моросящий дождь, не было слышно ни слова недовольства; они всегда были бодрыми и яркими, добродушными и веселыми.

Их высшее качество - послушание, что является результатом их конфуцианской культуры. Главная добродетель этого учения - послушание родителям, и они придерживаются этой доктрины в такой степени, которая для западного ума кажется преувеличенной. Один из взрослых сыновей китайского священника совершил поступок, который он считал неподобающим для христианина; к удивлению миссионера, тот без колебаний отвесил сыну крепкую взбучку, которую молодой человек принял без малейшего сопротивления, и в этом поступке священника поддержало общественное мнение общины. Это качество придает Китаю огромную силу, и оно же является одним из пунктов, в которых наблюдается наибольшее расхождение между учениями Запада и Востока. Любой китаец укажет вам на то, как мало западные люди заботятся о своих родителях. Я помню, как один китайский джентльмен в покровительственной манере объяснял другим китайцам, что, как это ни странно, он знает, что одна из заповедей нашей религии действительно состоит в том, что мы должны почитать своих родителей.

Если бы не этот принцип послушания, заложенный в сознание каждого китайца, правительство Китая едва ли продержалось бы и дня; но его с ранней юности учат слушаться отца, не так, как учат на Западе, потому что ребенок не способен думать и понимать, так что послушание родителям - это добродетель, которая должна выйти из употребления по мере роста знаний, а как абсолютный долг, долг, одинаково обязательный как для сорокалетнего мужчины, так и для четырехлетнего ребенка. Этот принцип распространяется и на гражданское правительство; местный чиновник, по их причудливому выражению, "отец и мать своего народа", и послушание родителям, которому учат в детстве, поэтому распространяется и на тех, кто управляет. Ни один китаец не сомневается, что первый долг человека - это повиновение власти. Будем надеяться, что эти качества сохранятся надолго.

Что может произойти, и, увы, боюсь, происходит в настоящее время, так это то, что две цивилизации могут настолько слиться воедино, что качества каждой из них будут утрачены, а присущие ей добродетели уничтожены при сохранении характерных пороков. Забываются такие великие качества, как послушание родителям, вежливость по отношению к незнакомцам. Китаец, получивший образование в Штатах, груб и резок; он воображает, что он западный и деловой. Каждый китайский джентльмен, с которым я разговаривал, признавал, что одним из худших результатов западного обучения стало то, что вестернизированный китаец стал менее послушным и почтительным по отношению к своим родителям. С другой стороны, вестернизированный китаец не приобретает особых добродетелей англичанина.

Поверхностный китайский мыслитель хочет, чтобы Китай усвоил только материальную сторону нашей цивилизации, чтобы он извлекал выгоду из нашего механического совершенства, не усваивая ничего из нашей этики. Он считает, что Запад безнравственен, но богат; он рассматривает Европу как место, где нет никаких принципов, кроме поклонения деньгам, и поэтому утверждает, что если вы хотите сделать Китай западным, вы должны презреть мораль и стремиться к деньгам. Чан-Чи-Тун озвучил эту мысль, сказав: "Западное образование практично, китайское - нравственно". Если вы попытаетесь поспорить с легкомысленным китайцем, который, возможно, никогда не покидал Китай и чей единственный опыт западной жизни - это то, что он видел в порту, вы обнаружите, что его трудно убедить в том, что западное образование вырабатывает высокий моральный тон. В

конце концов, мы можем быть в определенной степени виноваты в том, что они не ценят мораль Запада, потому что слишком часто мы показываем китайцам очень деградирующую сторону нашей цивилизации; и хотя я не думаю, что Шанхай в настоящее время заслуживает того, что пятьдесят лет назад к нему применяли термин "моральная раковина", все же, несомненно, договорные порты, как по своей конституции, так и по своему географическому положению, собирают очень неприятные образцы белой цивилизации. Есть определенное количество людей, которые проводят большую часть своего существования, будучи депортированными из Шанхая в Гонконг и из Гонконга в Шанхай.

Одна из комедий в трагедии об уничтожении независимости Кореи является иллюстрацией к этому моменту. Император Кореи слышал, что западные расы гораздо надежнее восточных, и, опасаясь покушения после убийства королевы, решил набрать корпус европейцев в качестве телохранителей; он отправил офицеров в Шанхай с приказом набрать европейцев. К несчастью для себя, он не позаботился о том, чтобы отправить с ними кого-нибудь из Запада для помощи в отборе людей. На взгляд корейцев, все западники выглядят одинаково, а поскольку они предлагали хорошую плату, то вскоре их корпус был полностью укомплектован; они вернулись в Сеул, и корпус был снабжен подходящей формой, а также, увы, винтовками и боеприпасами. Как только корпус получил жалованье, большая его часть напилась, и в течение следующих нескольких часов Сеул был явно нежелательным местом для проживания, заполненным пьяными мужчинами всех национальностей, кричащими, визжащими и безрассудно стреляющими из заряженных ружей во все стороны. Бедный император дрожал, глядя из окон дворца на своих телохранителей, выходящих на пьянку, и решил, что лучше воспользоваться разумным шансом быть убитым японцами, чем подвергаться опасности быть под охраной этого опьяневшего отряда западников. С помощью консула телохранители, протрезвев, вернулись в Шанхай, и, будем верить, китайцы, услышав эту историю, убедились, что, принимая западную цивилизацию, они должны быть осторожны, чтобы избежать западных пороков.

В Чанше я услышал похожую историю, но с трагической стороной, которая, как мне показалось, оправдывает китайцев за то, что они довольно недоверчиво относятся к морали нашей цивилизации. Чанша, должен пояснить, считается одним из самых фанатичных городов в Китае; даже в настоящее время белым женщинам советуют не ходить по улицам. Хунаньцы обладают смелым независимым характером, который делает их довольно враждебными по отношению к любому иностранцу или чужим устоям, и я боюсь, что история, которую я собираюсь повторить, укрепит их в убеждении, что иностранцы нежелательны. Двое белых мужчин, принадлежащих к одной из южноевропейских рас - кажется, греки, - поселились в Чанше вопреки договорным правам и сразу же открыли игорный ад. Очень скоро они научили китайцев, которые как раса очень пристрастны к азартным играм, новым и самым пагубным формам этого ненавистного порока. Губернатор пожаловался консулу; консул послал своего офицера в сопровождении полиции арестовать греков; личный секретарь губернатора сообщил консулу о последовавшей за этим трагедии. Консульский офицер предупредил греков, что они должны бросить свое игорное заведение и вернуться в Ханькоу. Они ответили, что не собираются этого делать. Он сказал им, что если они откажутся, то он их арестует, посадит в лодку и силой отправит в Ханькоу. Они все еще отказывались, и он пошел вперед, после чего один из греков застрелил офицера. Китайские полицейские, как водится, исчезли, а личный секретарь губернатора, по его собственному признанию, большую часть времени беседы провел под столом. Греки, видя, что берег чист, и понимая, что месть должна свершиться, вышли на открытую местность. Китайцам было велено арестовать их, если удастся. Конечно, найти их не составило труда, но арестовать - совсем другое дело. Они мобилизовали два или три полка и, окружив дом, в котором

укрылись греки, продолжали стрелять с большого расстояния, пока, судя по отсутствию признаков жизни, не решили, что , должно быть, убили их. Затем они унесли тела, но сочли за лучшее описать этот инцидент в официальном документе как случай самоубийства, опасаясь ареста, чтобы их не привлекли к ответственности за смерть этих убийц. Следующие греки, поднявшиеся по реке, были отправлены вниз с охраной из сорока человек, и китайцы были так напуганы, что им пришлось отправить их первым классом, поскольку ни один китаец не осмелился бы путешествовать с ними.

В Чанше было рассказано еще несколько подобных историй. Европейец, которого китаец видит в подобных местах, слишком часто оказывается одним из тех никчемных людей, которые сочли свою страну невыносимой для жизни и надеются, что их пороки и преступления могут остаться незамеченными в далеком Китае. Можно ли удивляться тому, что китайцы склонны неправильно понимать Запад, и если бы не святая жизнь многих миссионеров, высокий характер и строгая справедливость наших консулов - да, и восхитительная дисциплина и управление такими великими предприятиями, как Баттерфилд и Свайр, - зло было бы неизлечимым; но хотя есть много примеров плохого, есть также не мало людей, которые своей жизнью свидетельствовали перед китайцами о величии наших социальных и моральных традиций и религии, которой они вдохновлены.

ГЛАВА VII

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ И РЕКИ

Реки и железные дороги Китая образуют очень яркий контраст. Реки представляют собой старые средства сообщения, а железные дороги - новые, и сравнение рек и железных дорог позволяет путешественнику сопоставить новый и старый Китай, осознать происходящие в нем большие перемены и переходный характер этапа, через который проходит страна.

Древний Китай, по сравнению с древней Европой, был самой прогрессивной страной, и это очень важно помнить, когда мы должны рассмотреть, как китайцы будут относиться к современному прогрессу. Теоретически они всегда были прогрессивными; практически они прошли через эпоху прогресса и достигли другой стороны. Эта эпоха прогресса очень сильно улучшила их средства коммуникации. Китай от природы богат реками, и эти реки были бесконечно расширены системой каналов. Гранд-канал - самый совершенный пример. Путешественник не может проплыть по Большому каналу, посмотреть на каменные стены этого великого сооружения или на высокие мосты, перекинутые через него, и не понять, что в свое время это было из величайших сооружений, которые когда-либо видел мир. Этот канал, типичный для современного Китая, сейчас находится в запустении, но дух людей, построивших его, не исчез; тот же самый дух сегодня приветствует железные дороги по всему Китаю.

Величайшая из естественных водных артерий Китая - Янцзе-Кианг; она проходит через центр Китая от моря до Чунгкинга и далее; у нее много важных притоков, которые ведут через

большие озера и обеспечивают очень полезное сообщение с обширными районами Центрального Китая.

По этой великой реке на протяжении шестисот миль летом могут плавать корабли самых крупных размеров; линкоры, хотя и не самого крупного класса, могут подниматься до Ханькоу. За Ханькоу река значительно мелеет, и зимой сообщение с Ичангом часто прерывается из-за отсутствия воды. В тысяче миль от моря начинаются те удивительные ущелья Янцзы, которые относятся к величайшим чудесам света.

До Ичанга Янцзы - это все еще большая, довольно скучная желтая река, огромная заросшая Темза, масса песчаных отмелей, протекающая по почти неизменно неинтересной стране; но после этой тысячи миль она превращается в нечто вроде огромного Рейна. Река все еще желтая, но она течет через зеленые горы и серые скалы. Временами она несется по маслянистой поверхности, изрытой то тут, то там водоворотами, свидетельствующими о затонувшей скале; временами серые скалы сближаются, и желтая Янцзы вспенивается, пытаясь протиснуться сквозь оставленное узкое отверстие. В более спокойных местах реки можно грести или плыть на лодке-домике или лубане. Гребля довольно резвая, плавание восхитительное, и поэтому путешествие путешественника проходит приятно и без происшествий; но когда лодка достигает порогов, единственный способ провести ее через них - буксировка.

Всегда есть соблазн отложить отправку людей на берег для буксировки - соблазн, который закончился тем, что наша лодка натолкнулась на скалу.

Наш капитан (в Китае его называют "лоуда") ловко придумал, как, пробираясь вдоль берега реки под укрытием выступающих скал, а затем уклоняясь от них, все кричали и вопили, налегая на весла, чтобы избежать необходимости буксировки; Но более злобный водоворот, чем остальные, закрутил нас, пока весла с одной стороны лодки не смогли грести, потому что зацепились за камни, а затем другой закрутил нас боком на подводную скалу, и там течение держало нас, пока полицейская лодка, которую китайское правительство предоставляет иностранным путешественникам, любезно не вытащила наш канат на берег, и мы были отбуксированы, не понеся никакого ущерба.

Эти полицейские лодки, или "красные лодки", являются большой особенностью путешествия по Янцзы. Прежде всего, они придают огромный художественный эффект, поскольку оснащены художественным голубым парусом, который порадовал бы сердце художника, но нервный путешественник относится к ним с более теплыми чувствами, чем те, которые вызывает их эстетический эффект. Они гарантируют если не сохранность лодок и грузов, то, по крайней мере, безопасность его личности среди страшных порогов реки. Если его лодка потерпит крушение, а вещи станут достоянием рыб, он знает, что "красная лодка" бросится в пороги и благодаря своей особой конструкции и мастерству лодочников сможет спасти и вернуть его, омытого и благодарного путешественника, в Ичан.

Прохождение порогов вызывает сильное волнение. Приятно наблюдать с берега за тем, как кто-то другой проходит через них; еще более волнительно, но менее приятно находиться в этот момент в самой лодке. Волнение во многом зависит от размера лодки, отсюда и мудрость брать маленькую лодку, даже если она менее комфортабельна. Наблюдать за тем, как восьмидесятитонную джонку тащат через узкий проход с пенящейся водой, очень волнительно. Это очень непросто из-за скалистого характера как канала, так и берега.

Янцзы поднимается и опускается на несколько сотен футов в год, а в межень берега представляют собой массу неровных скал, которые напоминают скорее море, чем реку.

Люди, которые буксируют лодку, называются треккерами, и им приходится карабкаться по этим скалам, натягивая канат, а некоторые из них, раздетые догола, стараются держать канат подальше от камней, которые постоянно запутывают его как на берегу, так и в воде. Великолепно наблюдать, как эти люди перебираются со скалы на скалу, чтобы отсоединить канат от какого-нибудь выступа, или как, прыгая в поток, они переплывают на отдельные камни и освобождают его из всевозможных безвыходных ситуаций. Тем временем джонка дюйм за дюймом поднимается вверх, порой почти не двигаясь, пока вода проносится мимо нее и создает на носу волну, которая не помешала бы торпедному разрушителю на полном ходу. Горе джонке, если канат оборвется, несмотря на все усилия этих людей, ведь тогда она окажется во власти течения, а если случится так, что ветра не будет, моряки на борту не смогут управлять ею, и ей придется дрейфовать по воле случая, пока не будет достигнута более спокойная вода. Конечно, при попутном ветре они могут поднять парус, и тогда, хотя они будут спускаться по течению задом наперед, они сделают это с достоинством и в безопасности. Мы прошли мимо джонки, которая занималась этим. Ее канат, по-видимому, оборвался, огромные паруса были поставлены на тугой ветер; если смотреть на нее с воды, казалось, что она плывет вперед с хорошей скоростью; если смотреть с суши, то она двигалась вниз по течению с хорошей устойчивой скоростью. Если она не сможет поднять парус из-за неблагоприятного ветра, то будет мчаться назад, не справляясь с тремя огромными веслами странного вида. То, что находится в носовой части судна и управляется шестью мужчинами, может крутить его, как зубочистку, так что, когда оно мчится вниз по течению, капитан может выбирать, какой частью удариться о подводные скалы, что, в конце концов, является лишь слабой привилегией, если вспомнить, что восемьдесят тонн деревянной конструкции, ударившейся о массивную гранитную скалу, должны быть разложены на составные доски, какой бы частью она ни ударила о скалу первой. Два других весла еще менее полезны. Если за каждое из них возьмется восемь человек, они смогут двигать лодку со скоростью около трех миль в час; но что толку, когда поток несет джонку к гибели со скоростью двадцать миль в час. Если веревка оборвется, это скорее вопрос удачи, чем хорошего руководства. Если на пути нет скалы, джонка счастливо плывет вниз и поднимается в более спокойных водах ниже порогов. Если на пути есть скала, джонка прибывает к концу порога в состоянии, которое порадует сборщиков дров, но не кого-либо другого. Те из команды, кто умеет плавать, выбираются на берег, а тех, кто не умеет, либо подбирает "красная лодка", либо, если таковой нет, они исчезают; их тела находят через несколько дней ниже по реке. С точки зрения китайцев, все это мелочи; важно то, что потеряна джонка с ценным грузом. Эти потери настолько часты, что на грузы, идущие выше Ичанга, требуют пятипроцентную страховку.

GORGES OF THE YANGTSE

AN AWKWARD MOMENT

JUNK NEGOTIATING RAPIDS
(Notice coils of bamboo rope)

УЩЕЛЬЯ ЯНЦЗЫ: НЕЛОВКИЙ МОМЕНТ. ХЛАМ, ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ ПОРОГИ. (Обратите внимание на катушки бамбуковой веревки)

Пожалуй, стоит сказать пару слов о канате, от которого зависит безопасность джонки. Он сделан из плетеного бамбука, который необычайно легкий и не истирается, хотя и настолько жесткий, что ведет себя как канат. Его огромная легкость позволяет использовать веревки огромной длины. Я не думаю, что будет преувеличением сказать, что некоторые из них имеют длину в четверть мили. Они очень прочные и поэтому могут быть очень узкого диаметра, но, как видно, служат недолго, и каждая лодка снабжена катушкой за катушкой бамбукового каната, готового на все случаи жизни. Ужасный случай происходит, когда из-за плохого управления треккеров сносит назад с узких уступов, врезанных в поверхность обрывов, которые иногда окаймляют реку, так что они падают в порог.

Они привлекательные люди, эти следопыты. Они перепрыгивают через самые невероятные пропасти в скалах, карабкаются по обрывам, как кошки, тянут, как черти, в то время как один хозяин подбадривает их ударами в барабан на борту джонки, а другой избивает их на берегу куском бамбуковой веревки, которая отлично заменяет березовый прут, и все равно они бодрь. Когда идет дождь или снег, они мокрые насквозь; когда солнце жаркое - а Янцзы находится на одной широте с Северной Африкой - они подставляют свои согнутые спины палящему солнцу; но, как видно, они никогда не ропщут, а коротают часы своего труда за веселой песней. Когда они легко гребут или тянут, песня представляет собой странное антифонное пение - кажется, что иногда это соло и хор, иногда два одинаково сбалансированных хора; но когда работа становится тяжелой, песня переходит в дикое рычание, и они смеются диким смехом, напрягаясь и потея до предела. В завершение описания скажу, что их представления о приличиях соответствуют представлениям Адама до грехопадения и что они сохраняют силы, питаюсь рисом и бобами с горстью капусты в качестве приправы. Ночью они спят на палубе джонки на своих грубых китайских подстилках, накрывшись лишь циновкой, чтобы уберечься от дождя. Наблюдая за их жизнерадостным поведением, я как никогда убедился в том, что природные добродетели китайцев на самом высоком уровне.

Пожалуй, я должен сказать пару слов о красоте ущелий. Я думаю, что в двух отношениях они превосходят друг друга. Во-первых, по высоте массивных скал, сквозь которые Янцзы прорезала свой путь, как нож; размеры реки и скал настолько соразмерны, что орел, кружащий над ущельем, похож на ласточку, а толпа следопытов - на потревоженный муравейник. Другой способ, которым ущелья превосходят по красоте, - это окраска; в одном месте она была особенно примечательна: скалы были красными, горы, когда мы их видели, - пурпурными, и пурпур и красный, гармонируя со свежей зеленой листвой начала лета и глубокой желтизной реки, создавали богатое сочетание оттенков в пейзаже, которое вряд ли можно превзойти. Характерно, что в настоящее время в Китае разрабатывается план строительства железной дороги, которая, несомненно, превратит ущелья Янцзы в безмолвное шоссе, и вместо дикой песни следопыта или диких ударов том-том, одинокий орел будет кружить над безмолвной рекой, по которой в будущем будет плавать только рыбацкая лодка.

Все планы по укрощению дикой и свирепой Янцзы явно невыполнимы. Река с огромной скоростью поднимается и опускается более чем на сто футов, и ни одна человеческая рука не сможет перебросить плотину через эту массу бурлящей воды. Возможно, ее можно использовать в качестве источника энергии для электрических работ, но гораздо вероятнее, что для этой цели будут выбраны более мелкие реки, впадающие в Янцзы. Этот район может стать туристическим курортом, и жители равнинного Китая могут искать прохлады и красоты на одном из скал, нависающих над рекой; современный отель может расположиться рядом с древним буддийским храмом; но дни реки как великого торгового пути Китая сочтены, как

только будет завершено строительство железной дороги, связывающей дальний запад Чечуани с остальной частью Китая. Одна из диких схем предлагает, чтобы железная дорога шла из России прямо вниз из Чечуани, и в этом случае, более чем вероятно, Чечуань полностью попадет под влияние российского правительства.

Одним из результатов вестернизации Китая должна стать промышленная революция. Все те люди, которые, например, зарабатывают на жизнь, прыгая с утеса на утес, со скалы на скалу, плавая, борясь, гребя по реке Янцзы, потеряют свою жизнь. Но железная дорога не только сделает бедными тех, у кого была компетенция, она должна сделать богатыми тех, кто раньше был беден. В этом случае, например, все те товары, которые сейчас чрезвычайно дороги в Чечуани из-за стоимости транзита, упадут в цене, и наступит период, когда между стоимостью импорта и обычной ценой, которую люди привыкли платить, будет большая разница в прибыли, и те, кто живет торговлей, разбогатеют.

То, что произошло на Западе, должно произойти и на Востоке. Внедрение пара не сделало чиновничьи классы или даже рабочие классы сразу же богатыми. Люди, которые сразу же выиграли от улучшения средств производства и коммуникации, были большим средним классом; затем, когда рабочий класс осознал, что маржа прибыли позволяет увеличить заработную плату, они заставили хозяев поделиться с ними этими преимуществами. Так, вероятно, произойдет и в Китае. Вместе с железной дорогой появится богатый средний класс, который станет фактором, имеющим все большее значение в будущем Китае.

Большой контраст между Янцзы и ее дикими ущельями составляет великая магистраль из Пекина в Кантон, которая проходит под прямым углом через Янцзы на север и юг и должна сделать Ханькоу, место, где она пересекает Янцзы, одним из величайших городов во всем мире. Железная дорога достроена только до Ханькоу. Она проходит от Пекина прямо через равнины Китая, которые так пустынно весной и так плодородны летом, и плодородие которых зависит от июльских дождей. На каждой станции возводится большой китайский постоянный двор - , то есть большой двор с комнатами вокруг. Поначалу, конечно, торговля была невелика; китайская деревенская община мало что хочет купить или продать; каждая община в значительной степени обеспечивает себя сама. Один фермер, как мне сказал китайский чиновник, считал, что если он заработал 30 с. в год, то его дела идут хорошо. Это не значит, что он жил на 30 сотен в год, хотя в стране, где мужчинам платят три пенса в день, в это почти можно было бы поверить; но это значит, что у него было пятнадцать долларов в год, которые он мог потратить на вещи, не относящиеся к его ежедневному питанию. Его ферма снабжает его едой и питьем, а также его порочной роскошью - опиумом; его женщины шьют ему одежду; ему остается только покупать материал для одежды и те мелочи, которые они не могут сделать, кроме соли. За те немногие вещи, которые он покупает, он расплачивается, вероятно, опиумом, который он производит, или в Маньчжурии бобами; но торговля была микроскопических размеров из-за трудностей транзита.

Когда железная дорога проложена, он находит в железнодорожном трактире китайского купца, готового купить и продать все, чем он готов торговать. Сначала в обмен на шелк или опиум продаются такие вещи, как швейная вата и сигареты, затем появляются китайские лекарства и минеральное масло, и так начинается торговля, и вскоре китайский трактир превращается в рынок, а по железной дороге начинают перевозить товары.

Конечно, полное развитие железнодорожной системы должно зависеть от питающих линий, и в том, что мы имели в Европе до железнодорожной системы, и чего нет у китайцев, питающих дорог. В Маньчжурии - поскольку Китай, как и Англия, более продвинут на севере, чем на юге, - они уже движутся в этом направлении. Русские железные дороги, которыми

сейчас владеют японцы, очень заняты перевозкой бобов в Дальний, и скоро японские линии от Мукдена до Антунга будут так же заняты, а линия от Мукдена до Тяньцина также будет перевозить этот урожай. В Мукдене сейчас рассматривают вопрос о том, как организовать питающую систему легких железных дорог, с помощью которой можно будет подвести к железной дороге большую площадь земли. Чтобы дать некоторое представление об энергии и прогрессивном характере чиновников в этих местах, я могу упомянуть, что они уже наводят справки о монорельсовой системе для таких железных дорог.

Китайцы приняли решение приветствовать железные дороги, и хотя они предпочли бы, чтобы они были построены на китайский капитал, они вынуждены принимать европейский капитал, так как их соотечественники хотят получить очень высокие проценты за свои деньги. Немцы в полной мере воспользовались стремлением китайцев к железным дорогам и связали Кяучау с железнодорожной системой Китая.

Эффект от всего этого должен быть очень далеко идущим. Прежде всего, это изменит влияние иностранных держав. После завершения строительства железной дороги Кяучау станет гораздо более важным центром, чем сейчас. Если железная дорога, связывающая Пекин с Нанкином, или, если быть точным, с городом на Янцзы напротив Нанкина, будет перерезана железной дорогой из Кяучау, то в результате Кяучау станет ближайшим незамерзающим портом для огромного района Китая. Это не может не усилить немецкое влияние, а немецкое влияние, как мы уже объясняли, слишком сильно связано с той политической стороной миссий, которая вызывает недоверие к ним со стороны миролюбивых китайцев. Китайцы будут спрашивать себя, не произойдет ли вскоре миссионерский инцидент, который оправдает дальнейшую агрессию Германии вдоль железной дороги, которая так удобна для военного продвижения, и они будут с подозрением относиться к любым миссионерским усилиям Германии в этом квартале.

Но последствия строительства железных дорог гораздо более масштабны, чем любые случайные преимущества, которые они могут дать различным державам, будь то Германия в Шантунге, Россия или Япония в Маньчжурии, Франция в Юньнани или Россия в Сечуане. Это будет иметь два основных эффекта. Прежде всего, он должен поставить весь Китай в такое же положение, какое сейчас занимают Шанхай и Тяньцин, то есть превратить его в смесь восточной и западной цивилизации. Можно возразить, что реки Китая уже послужили средством тесного контакта Востока и Запада друг с другом, и все же Китай остается отдельной и отличной от договорных портов страной.

Ответ заключается в том, что, во-первых, река сравнительно недавно была открыта для иностранной торговли, а в договорных портах достигнут огромный прогресс, настолько значительный, что один человек из таможенной службы, живущий у ущелий Янцзы, описал разницу между договорными портами и остальным Китаем, сказав: "Человек, который видел только Шанхай и Ханькоу, никогда не видел Китая". Во-вторых, железная дорога имеет большой образовательный эффект. Когда железная дорога только открывается, китайцы толпятся, чтобы посмотреть на нее; они встают на пути локомотива, их сбивают, они обвиняют его во вредоносных силах, а потом приходят к выводу, что это всего лишь машина, и охотно соглашаются путешествовать по железной дороге.

Например, железная дорога от Тяньсиня до Маньчжурии уже полностью изменила условия культуры на севере. Благодаря ей огромное количество рабочих ежегодно мигрирует для

возделывания плодородных, но ледяных районов Маньчжурии, так что можно наблюдать, как грузовик за грузовиком, как скот, едут с юга в северные районы по цене три доллара за двадцать два часа пути.

Железная дорога не только доставляет тяньцзинских рабочих на грузовиках на маньчжурские бобовые поля, но и везет первоклассного китайского купца, который купит урожай бобов с выгодой для фермера и для себя. Китайцы богаты торговцами, и такая возможность никогда не будет упущена. С каждым годом будет появляться все большее число богатых китайских купцов, многие из которых очень невежественны как в отношении западных, так и восточных знаний, но, вероятно, некоторые из них испытывают уважение к тем знаниям, недостаток которых они ощущали пропорционально собственному невежеству, ибо нет человека, более склонного к созданию образовательных учреждений, чем тот, кто в молодости ощущал в них потребность.

Сейчас Китай нуждается в помощи, чтобы основать университет, где преподаются западные знания. Когда он будет создан, есть все основания полагать, что он будет финансироваться тем же классом, который финансировал подобные учреждения в нашей стране.

ГЛАВА VIII

Города Китая

Нигде переходный период, через который проходит Китай, не проявляется так явно, как в китайских городах: многие города все еще полностью китайские, но по мере приближения к портам в них появляется все больше и больше западной застройки. Контраст между городами очень заметен. Шанхай или Тяньсин - это западные города и центры цивилизации; разница между ними и такими городами, как Ханьжоу или Ичан, очень велика. Настоящий китайский город не лишен красоты - более того, во многих отношениях это прекрасное и удивительное место. Но чтобы оценить ее, нужны только глаза, а нос - это беда. Улицы представляют собой чрезвычайно узкие проходы, которые с обеих сторон окаймлены самыми привлекательными магазинами, особенно на главной улице. Незнакомец жаждет останавливаться и покупать вещи на ходу, но трудность заключается в том, что это занимает много времени; он должен быть готов либо заплатить вдвое больше стоимости нужных ему вещей, либо провести несколько часов в переговорах. Из этого правила есть одно любопытное исключение: шелковая гильдия в Шанхае не позволяет своим членам торговаться, поэтому в шелковом магазине настоящую цену говорят сразу.

Владельцы магазинов очаровательны, а продавцы - те, кто не прочь угодить. Заходить в эти магазины восхитительно, если не сказать коварно; и можно с уверенностью сказать, что если бы в Лондоне был открыт магазин китайского шелка, где шелк продавался бы по китайским ценам, у магазина было бы много покупателей. Качество китайского шелка намного превосходит качество шелка Запада. Один китайский джентльмен в качестве

примера этого превосходства упомянул, что одно из его платьев было сшито из французского шелка, и оно порвалось и испортилось через два или три года; но у него уже двадцать или более лет есть платья из китайского шелка, которые так же хороши, как в день их покупки, и что он положил их на одну сторону только потому, что мода на мужскую одежду меняется в Китае так же, как в других местах на женскую. Тот же джентльмен рассказал много интересного о торговле шелком. Качество шелка определяется шелковой гильдией. Это гораздо больше похоже на гильдии в средневековой Европе, чем на то, что мы имеем сейчас, и именно поэтому Китай не экспортирует больше шелка, чем сейчас. Эти шелковые гильдии в определенной степени мешают китайцам обслуживать европейских покупателей, поскольку они не позволяют или, во всяком случае, поощряют производство шелка, который мог бы занять европейский рынок. У Запада много недостатков, как и достоинств, и один из них заключается в том, что он больше не заботится о товарах, имеющих высокую стоимость, которые служат долго и за которые нужно платить высокую цену, а радуется привлекательным товарам низкого качества по низкой цене. Следует опасаться, что Запад может испортить некоторые из великих китайских товаров, как он испортил великие искусства и производства Индии.

Но вернемся к китайским улицам. Следующим после магазина шелка будет магазин серебра. И здесь работа заслуживает восхищения. В таком месте, как Киукианг, можно провести час или даже больше, торгуясь и наблюдая за удивительным мастерством серебряных дел мастеров, создающих прекрасные серебряные украшения. Приятно бродить по городу, заглядывать в лавки и рассматривать странные вещи, которые продаются - рыбу разных видов в одной лавке, рис и зерно в другой, странные овощи, маленькие кусочки свинины, сплюснутые утки; или взглянуть на одежду и шубы, вывешенные на вешалках, многие из которых ярких цветов. Вывески над магазинами и имена торговцев сами по себе являются достопримечательностью, они подсвечены яркими оттенками красного и золотого, начертанные этими удивительными символами, столь полными загадки для иностранца.

В провинциальном городе путешественник практически вынужден передвигаться по городу в кресле. Здесь нет никаких колесных средств передвижения, кроме тачек, а лошади, за исключением маньчжуров, совершенно неизвестны. Ходить пешком для европейца крайне неприятно, так как во время прогулки его постоянно толкают носильщики, несущие груз на бамбуке через плечо; или раздаются крики, и мимо проносится китайский мандарин, наклонившись вперед и выглядывая из своего кресла, возможно, с улыбкой презрения к иностранцу, который может так унизиться, чтобы идти пешком, как обычный кули; А может быть, это дама, у которой кресло плотно прикрыто, и лишь мельком можно увидеть огрубевшее и напудренное лицо, ибо китайские женщины красятся до чрезмерности, как часть своего обычного туалета. Далее следует водонос, спешащий мимо с двумя ведрами воды; или, может быть, это какая-то зловонная ноша, которая заставляет западного человека желать лишиться обоняния. Но в кресле поездка по китайскому городу просто восхитительна; охлаждающие кресла проносятся мимо пеших пассажиров, которые принимают свои буфеты с величайшим спокойствием, и со сравнительно возвышенного положения путешественник может смотреть вниз на толпу.

Но когда китайский город оказывается рядом с портом, все это начинает меняться. На смену стулу приходит рикша, и хотя во многих отношениях она менее удобна, чем стул, рикша, в конце концов, положила начало господству Запада, будучи трудосберегающей машиной. Один или максимум два кули могут быстро и легко перетащить человека туда, где при использовании кресла потребовалось бы три или четыре носильщика. За пределами старого

города будет построен новый туземный город, а новый туземный город строится по европейскому образцу, со сравнительно широкими улицами. В договорном порту можно увидеть завершённый образец переходного этапа, через который проходит весь Китай. Шанхай - восхитительный город, хотя тем, кто в нем живет, он кажется обыденным, но незнакомцу он представляется местом, полным противоречий и эксцентричности. Первое, что бросается в глаза в Шанхае, - это то, что никто из местных жителей не знает ни одного названия улиц. Правда, они написаны крупными буквами как на английском, так и на китайском; но поскольку ни один из кули не умеет читать, они не имеют ни малейшего представления о том, что это название улицы - они называют ее совсем по-другому; а поскольку они говорят на языке, отличном как от языка образованного китайца, так и от языка англичанина, нет никаких причин, чтобы они когда-либо узнали названия, данные ими. Привычный способ управления рикшей - своего рода пантомима, и всегда есть большая неуверенность в том, что он доберется до места назначения даже с самым старым жителем, если тот сам не знает дороги. Я прибыл в Тяньсин и попытался зайти к доктору Лавингтону Харту, чей колледж известен во всем Китае, можно сказать, во всем мире, но китайский носильщик не смог объяснить кули, где он находится, и мы некоторое время блуждали по городу, пока кули не устал и не посадил меня напротив дома, который, к счастью, оказался домом японского джентльмена. Я вошел в дом и был удивлен тем, что встретивший меня китайский слуга, похоже, не ожидал меня увидеть; но поскольку он не говорил по-английски, а я не говорил по-китайски, невозможно было узнать, все ли в порядке. Я как раз размышлял, почему доктор Харт должен жить в японском доме, когда дверь открылась и вошел японский джентльмен. К счастью для меня, он хорошо говорил по-китайски и по-английски, так что после объяснений я снова отправился в путь и обнаружил, что доктор Лавингтон Харт ждет меня за ужином и интересуется, как я заблудился. Тогда он сказал мне, что я должен был спросить не его колледж, а больницу напротив, и что я должен был спросить не улицу, а китайское имя доктора этой больницы, который умер десять или пятнадцать лет назад.

Во всем этом есть своя мораль: это показывает, в каком состоянии находится путаница как в малых, так и в больших вещах. Я спросил нескольких англичан, почему они не принимают туземные названия улиц; они ответили, что кули не могут их прочесть; когда я предположил, что, согласно здравому смыслу, улицы должны называться именами кули, ведь именно так первоначально называлось большинство улиц в Англии, это предложение не встретило одобрения. Такие мелочи показывают, какая огромная пропасть лежит между представлениями о двух расах. Если бы кули были итальянцами, немцами или русскими, их имена были бы приняты, или их заставили бы выучить новые названия.

Еще одним примером того, как трудно уловить детали городской жизни, может служить обычное зрелище в Шанхае. На многолюдных улицах вы видите небольшую толпу полицейских. Группа состоит из трех великолепных мужчин, типичных для трех разных цивилизаций. Сначала идет английский полицейский; рядом с ним - чернобородый мужчина, крупнее первого, сикх, в каждом жесте и действии которого видны воинственные черты его расы; завершает группу китаец в синей форме, в очелье и круглой китайской шляпе как знак должности. Путешественник недоумевает, зачем нужна эта троица, пока не увидит их в действии. По одной дороге мчится автомобиль, по другой - рикша, а по третьей медленно движется китайская тачка с шестью сидящими на ней женщинами. Все три транспорта управляются китайцами, и когда они встречаются, все кричат и визжат во весь голос; никто не соблюдает правила дорожного движения, в результате чего тачка расшатывается, рикша прижимается к стене, а моторная машина замирает. Тогда в дело вступает полиция. Китайский полицейский громко ругается и безразлично всем сигнализирует; сикхский полицейский тут же начинает бить китайского кули; тем временем английский

полицейский наконец-то переводит движение на правильную сторону дороги, успокаивает своих подчиненных, следит за тем, чтобы справедливость восторжествовала, и восстанавливает порядок. Возможно, если бы дело было предоставлено китайскому полицейскому, он бы в конце концов все уладил; движение в Пекине полностью контролировалось китайскими полицейскими и было довольно хорошо налажено.

Необыкновенный пример того, что китайцы не заботятся о своих чувствах, можно в общественных садах Шанхая. Там висит объявление, содержащее, среди нескольких правил, во-первых, что "собаки и велосипеды не допускаются"; во-вторых, что "китайцы не допускаются, за исключением слуг, обслуживающих иностранцев". Учитывая, что эта земля принадлежит китайцам, нельзя не удивиться, что кто-то из тех, кто имеет дело с китайцами, позволил вывесить такое невоспитанное объявление. Ни один китайский джентльмен не стал бы возражать, если бы объявление гласило, что нечистые люди и нищие должны быть исключены из сада; но исключать культурного китайского торговца, который ничуть не менее чист, чем его западный сосед, или респектабельных людей среднего класса, чье благопристойное поведение не вызывает подозрений, столь же неразумно, сколь и прискорбно.

Опять же, в муниципалитете Шанхая нет ни одного китайского представителя, хотя большая часть населения - китайцы, в результате чего время от времени они сталкиваются с китайскими предрассудками и совершенно неоправданно раздражают население, которым управляют. Китайцы придерживаются принципа, что женщина должна быть публично наказана только за прелюбодеяние и открытое бесстыдное воровство; ее "лицо" или достоинство должно быть сохранено, и поэтому ее никогда не следует заставлять отвечать за свои преступления в открытом суде, ее муж или отец должен нести ответственность за ее поведение и за ее наказание. Правильно поступать с женщиной, обвиненной в правонарушении, так же, как мы поступаем в Англии в отношении детей, - вызывать в суд не ее, а тех, кто несет ответственность за ее поведение. Один китайский чиновник заверил меня, что неприятности, вылившиеся в беспорядки в Шанхае, возникли из-за пренебрежения этим принципом. Отказ шанхайского муниципалитета иметь в своем составе китайских представителей тем более примечателен, что в Гонконге мне сообщили, что такие представители у них есть, и они находят их весьма полезными в деле содействия управлению китайцами. Неудивительно, что Шанхай - это город, о котором дипломатично не упоминать в разговоре с китайским джентльменом.

Можно еще многое сказать в пользу недоверия к китайской почте и продолжения любопытной системы, по которой каждая нация имеет свое собственное почтовое отделение. Ничто так не раздражает путешественника в Шанхае, как проблемы с получением писем. Если так случилось, что у него есть корреспонденты во многих странах, ему приходится обращаться в каждое из многочисленных почтовых отделений в Шанхае, а они расположены в разных частях города и в местах, которые очень трудно найти. Есть Императорский китайский почтамт, куда он обращается в первую очередь и где найдет письма от любого корреспондента в Китае; затем с величайшим трудом он добирается до английского почтамта; после чего вспоминает, что некоторые из его друзей могут быть в отпуске во Франции, поэтому он должен пойти во французский почтамт, и так далее. Когда он спрашивает, почему нельзя доверять китайской почте, ему отвечают, что сами китайцы не доверяют своей почте, если там не будет европейского чиновника, и что старая китайская система, по которой письма пересылаются частными компаниями, все еще сохраняется во многих частях Китая, хотя там есть отделения Императорской китайской почты. И все же путешественник в конце дня пути с усталостью думает о том, что без излишнего доверия к

другой национальности и без ущерба для национального престижа в таком городе, как Шанхай, с его огромным количеством путешествующих людей, можно было бы организовать международный почтовый офис.

Шанхай с его смешением рас, с его национальными антипатиями и ревностью - действительно один из самых привлекательных, но и самых странных городов во всем мире. Здесь встречаются представители всех рас, и, прогуливаясь по Нанкинской дороге, не устаешь наблюдать за национальностями, которые толпятся на этой улице. Здесь ходит высокий бородатый русский, толстый немец, толкается, возможно, миниатюрный японский офицер, весь вид которого говорит о том, что он считает себя представителем расы завоевателей, смилившей огромную мощь Европы; есть стройные китайцы в западных экипажах, есть худые американцы в восточных рикшах; Мотоцикл пронесется мимо, едва не столкнувшись с тесным креслом, в котором сидит китайская дама, или великолепный индеец в желтом шелковом халате получает удар по лицу шляпой француза, который считает тротуары Шанхая слишком узкими для своего размашистого приветствия; слышится гортанный немецкий язык, чередующийся со сленгом кокни; парижские туалеты видны рядом с полуголыми проститутками; пара моряков на tandemном велосипеде чуть не сбивает двух японских красавиц, которые шаркают ногами; одетый в серое буддийский священник толкает локтем бородатого римского миссионера; русский магазин, где патриотизм, а не любовь к наживе побуждает владельцев скрывать характер своих товаров, используя русский алфавит над головой, стоит напротив японского магазина, который на не слишком совершенном английском уверяет весь мир, что их головы могут быть отрезаны дешево; Английская леди с недоумением смотрит на обтягивающую одежду своей китайской сестры, а китайская сестра удивляется, как белая раса может терпеть непристойность, позволяющую женщине демонстрировать свои формы и носить прозрачные рукава.

Да, Шанхай в весенний полдень - интереснейшее место; и все же, когда вы обращаете свой взор к реке и видите темно-серый военный корабль, вы понимаете, что под всем этим миром и оживленной торговлей скрывается страх перед мрачной реальностью войны. Китай может ассимилировать западную жизнь, но он никогда не примет западную. Расовая пропасть, разделяющая их, слишком глубока. Она может быть временно преодолена героизмом миссионера; энтузиазм христианства может сделать тех, кто принимает его, братьями; но чувство любви не выйдет ни на дюйм за пределы влияния религии; и те, кто размышляет о будущем, наблюдая за проходящей мимо разношерстной толпой, должны все больше и больше убеждаться, что будущее Китая принадлежит только китайцам; и как бы они ни были готовы учиться у Запада, как раса, они будут вести только свой собственный народ. Можно нанять западного человека, можно изучать западное преподавание, можно носить западную одежду, но, как сказал один китайский профессор, "носитель одежды все равно будет китайцем".

ГЛАВА IX

ОПИУМ

В городах Китая, какими мы их видели во время двух наших визитов, было одно заметное отличие - это изменения, произошедшие в вопросе курения опиума. В 1907 году курение опиума было настолько распространенным пороком, что людей, курящих его, можно было увидеть у дверей своих домов. В 1909 году курение опиума скрывалось, а те, кто курил, курили тайком или, во всяком случае, менее демонстративно. Сомневаюсь, что в какой-либо стране, особенно в последние годы, произошли столь значительные перемены.

У каждой расы есть свой порок; на самом деле, мы можем пойти дальше, мы можем сказать, что это замечательный факт, что большая часть человечества настаивает на приеме той или иной формы яда; на самом деле, лишь незначительное меньшинство полностью воздерживается от этой практики. Яды, используемые человечеством, имеют разное действие и разную степень токсичности, но причина их использования заключается в том, что они каким-то образом стимулируют или успокаивают нервную систему. Опиум, алкоголь, табак, чай, кофе, гашиш - вот примеры этой широко распространенной привычки человечества; но эти разные наркотики оказывают самое разное влияние на благосостояние человека. Некоторые из них кажутся полностью безвредными, если не сказать полезными, а другие - абсолютно губительными и не приносят ничего, кроме зла; более того, можно сказать, что разное приготовление одного и того же наркотика или разный способ его приема приводят к разным результатам. Еще более любопытно то, что, хотя все люди согласны принимать те или иные яды, существует выраженная расовая тенденция принимать один конкретный яд и ненавидеть другие, и порой кажется, что привычка принимать один яд достаточна для того, чтобы другой не имел никакой привлекательности.

По пути в Китай мы проезжали через Суэцкий канал и слышали, каким проклятием был гашиш в Египте, и как египетское правительство пыталось добиться полного запрета на употребление этого отвратительного наркотика, что оказалось невозможным из-за огромного количества контрабанды, которой способствовали обширные пустыни, окружающие Египет.

Когда мы прибыли в Сайгон (мы путешествовали французской почтой), мы впервые столкнулись с ужасным пороком китайцев. Доктор указал нам на одну француженку и попросил обратить внимание на странный стеклянный взгляд ее глаз, напряженную сдержанность ее манер и презрение, которое она выказывала к истине, и сказал, что все это симптомы порока курения опиума, которым она заразилась от общения с аннамитами. Французы по какой-то загадочной причине кажутся более склонными к этому пороку, чем наши соотечественники, потому что, хотя в 1907 году он был широко распространен в Южном Китае, никто никогда не предполагал, что кто-то из англичан курит опиум в Гонконге.

Когда мы подходили к Кантону, толпы людей курили опиум на китайской палубе, и когда мы забрели туда, они не возражали против того, чтобы мы стояли и наблюдали за ленивым процессом окунания иглы в смесь, похожую на патоку, поворачивали ее, пока не образовывалась бусинка, затем опускали ее в лампу, чтобы зажечь, а затем перекладывали в опиумную трубку, когда после трех взмахов или около того процесс нужно было начинать снова.

Первый эффект от курения опиума - сделать человека умным и приветливым. Именно по этой причине курение опиума - так нам объяснили китайцы - широко используется в бизнесе. Когда дела идут трудно, и вы не можете договориться с тремя или четырьмя людьми, достают

трубку с опиумом, и после двух-трех затяжек раздражительные люди становятся разумными, а люди, чье достоинство задето, прощают, и дела идут легко и быстро. Следующая стадия курения - глупость. Когда вы наблюдаете за курильщиком опиума в таком состоянии, он приветливо кивает вам с довольно имбецильным видом. Последняя стадия - тяжелый бессмысленный сон. Привычный курильщик опиума редко проходит первую стадию, и его кажущееся благотворное влияние представляет собой опасность. Каждый человек говорит себе: "Я никогда не буду употреблять его в избытке; я буду просто использовать его и не злоупотреблять им; он делает жизнь сладкой для меня, а бизнес легким".

Я всегда считал, что те, кто осуждает опиум, склонны доказывать слишком многое в своих аргументах. Если бы можно было доказать, что последствия употребления опиума неизменно пагубны, было бы очень трудно понять, как этот порок мог так прочно закрепиться в китайской расе; если бы молодые люди регулярно видели, что пожилые люди доведены до безумия и смерти употреблением опиума, они бы сами боялись заразиться этим пороком, и он не распространился бы так быстро, как это произошло. Порок по сути своей современный. Опиум выращивают в Китае всего семьдесят или восемьдесят лет, а импортируют его в больших количествах лишь в течение не столь длительного периода времени. Один житель Шанси рассказывал, что, хотя все курили опиум и это было страшным проклятием, его отец помнил, как его ввели. Опиум, конечно, пагубно влияет на моральные устои расы, и во многих случаях он приводит к смерти и несчастьям; но есть определенное количество случаев, когда его употребление не приводит к очевидным дурным последствиям, - случаев, когда человек, как правило, хорошо питается, поскольку он наиболее пагубно действует на пищеварительные способности человека. Люди, которые хорошо питаются, лучше переносят действие препарата, так объяснил один доктор из миссии, и их сравнительная невосприимчивость побуждает других следовать их примеру. Люди не сразу понимают, к какому злу это приведет, и поэтому его использование распространяется семимильными шагами. Китайское правительство теоретически всегда противостояло этому, но его действия были затруднены тем, что оно не могло запретить его ввоз. В течение многих лет партия сторонников опиума в Китае использовала договорные обязательства, согласно которым Китай был обязан разрешить импорт опиума, как причину для прекращения любых усилий по искоренению этого порока в стране. В стране всегда было не только большое количество людей, занимающих высокие посты и прираствившихся к этому пороку, которые, естественно, не желали лишать себя возможности наслаждаться им, но и огромное количество людей, которые быстро приобретали большой материальный интерес как в поддержании, так и в расширении этой торговли.

К несчастью для человечества, опиум был не только очень вреден, но и чрезвычайно портативен, поэтому в стране с плохими средствами коммуникации он стал очень полезным предметом обмена. Крестьянин выращивает на своей маленькой ферме большую часть продуктов, которые потребляет он сам и его семья - в большинстве случаев это самообеспечивающаяся община, - но должно быть определенное количество вещей, которые ему нужно купить и за которые он должен что-то отдать в обмен; это что-то должно быть портативным. Во многих случаях единственный способ доставить свой товар на рынок - это нести его на собственной спине. Опиум, увы, образует на подходящих для него почвах очень выгодную культуру. Весь урожай с нескольких полей можно легко перенести на спине человека и отправить на рынок, где он найдет готовый сбыт, а вырученные от продажи деньги будут вложены в товары, в которых нуждается фермер и его семья.

Не только фермеры, но и торговцы, как китайские, так и европейские, находят в нем самый выгодный источник торговли. Трудно было, да и сейчас трудно, убедить европейского торговца в том, что это вредно для Китая, и чтобы понять причину этого, мы должны вернуться к мысли, высказанной в начале главы, а именно: очень сомнительно, что английская раса имеет какую-либо естественную тягу к этому пороку, в то время как совершенно очевидно, что китайцы имеют особую национальную склонность к этой форме распутства. Когда люди сами не испытывают желаний к интоксиканту, трудно убедить их в том, что другие могут испытывать желание, которое, возможно, не поддается никаким ограничениям. Представители торгового класса мало общаются с китайцами, а люди, с которыми они контактируют, как правило, материально заинтересованы в торговле опиумом, и поэтому у них нет ни свидетельств китайцев, ни собственного искушения, чтобы убедить их в коварном и опасном характере этого порока для китайской расы.

Англичане давно знакомы с опиумом. В виде лауданума он свободно продавался в восточных графствах. Я слышал, как много лет назад люди описывали, как старухи с болот вокруг Лоустоффа, или болота, как их там называют, в базарный день заходили к аптекарю за обычным запасом лауданума, который они принимали в количестве, достаточном для того, чтобы любой обычный человек быстро уснул. Его использовали, как и во многих других странах, в качестве профилактического средства против аги. Сейчас врачи отрицают, что он оказывает какое-либо благотворное воздействие, но люди в восточных графствах раньше думали иначе. Но когда я был викарием в Ярмуте, я не мог найти никаких следов этого порока; очевидно, он был истреблен не какими-либо социальными реформами или движением за нравственность, а превосходной привлекательностью алкоголя; и в мое время Ярмут и окрестности были ужасно зависимы от национального порока несдержанности. То же самое я заметил в Шанхае. Англичане знают опиум; большинство из них из любопытства пробовали трубку; и они описывают эффект как пустяковый или очень неприятный. Один человек сказал, что ему показалось, будто все его кости превратились в желе; другой - что он как будто парит между небом и землей; третий - что он вообще не нашел в этом никакого удовольствия, но на следующий день у него "мерзко болела голова". С другой стороны, если вы зайдете в Шанхайский клуб, то сразу увидите, что является привлекательным пороком для европейца в Шанхае; вся одна сторона вестибюля представляла собой не что иное, как бар заросшего публичного дома. Вы услышите историю за историей, в которых рассказывается одна и та же старая история о том, что алкоголь, особенно в его сильной форме, является самым большим удовольствием и самой страшной опасностью для англичанина за границей, как и дома.

Если опиум непривлекателен для белого человека, то, с другой стороны, алкоголь столь же непривлекателен для желтого человека; на самом деле их относительное положение во многом совпадает. Желтый человек знал об алкоголе с самых ранних времен. Доктор Росс цитирует вторую оду "Книги поэзии", показывающую, насколько хорошо китайцам было известно пьянство: "До того, как они выпили слишком много, они были величественны и серьезны; но с избытком выпитого их достоинство сменилось непристойностью, их серьезность - грубостью; дело в том, что, когда они напиваются, они теряют всякое чувство порядка. Когда гости слишком много выпили, они кричат, бранятся, нарушают порядок расстановки блюд, неустойчиво танцуют, их шапки надеты небрежно и грозят свалиться, они танцуют и не знают, когда остановиться. Если бы они вышли из дома, прежде чем выпить так много, и хозяин, и гость были бы счастливее. Пьянство дает настоящее счастье только тогда, когда его принимают в меру и в соответствии с правилами".

Пьянство, похоже, было изгнано из Китая тем же путем, что и употребление лауданума в восточных графствах, а именно: оно уступило место более увлекательному пороку - курению опиума. Меня заверили, что тибетцы не разделяют с китайцами этого предпочтения к опиуму, и это тем более примечательно, что в силу своего географического положения они всегда находились в тесном контакте с Индией, которая, очевидно, является родиной порока опиума, но при этом они упорно придерживаются порока пьянства. Китайцы свободно торгуют напитками; у них нет законов о лицензировании; любой может продавать алкоголь в любое время суток и в любом месте, где ему заблагорассудится; и все же у алкоголя так мало приверженцев, что вы едва ли увидите пьяного человека из одного конца Китая в другой.

Если английский торговый мир с недоверием относится к опасности опиума для китайцев, то китайский мир - нет. Вам скажут, что восточные люди любят соглашаться с вами во всем, что бы вы ни говорили, но я слышал, как британский вице-консул категорически возразил китайскому чиновнику, когда тот выразил сомнение в опасности этого порока, и должен сказать, что китайский спорщик подкрепил свое возражение аргументом, который показался мне совершенно неопровержимым. Он сказал: "Посмотрите на японцев; они беспристрастно наблюдают за пороком алкоголизма и курения опиума; они знакомы с самыми худшими формами алкоголизма, которые могут показать им белые люди. Хорошо известно, что белые моряки - большие нарушители в этом отношении. В каждом японском порту знают, что такое увидеть пьяного матроса, пробирающегося к своему кораблю. Они также знакомы с таким пороком, как курение опиума. Они тесно общаются с китайцами; они знают и о недавнем происхождении этого порока, и о его ужасных бедствиях; и что же они делают? Запрещают ли они оба порока одинаково? Нет; они настолько убеждены, что опиум гораздо опаснее алкоголя, что не позволяют ввозить его в свою страну для курения, а контрабандиста наказывают пятью годами каторги. Но к такому пороку, как алкоголизм, они относятся как к чему-то, что, хотя и вредно, но никогда не может угрожать их национальному существованию".

Возможно, мы, страдающие от порока алкоголизма гораздо больше, чем от курения опиума, склонны думать, что японцы правы в опиумном вопросе, но они поступают неосмотрительно, позволяя алкоголизму так сильно завладеть их народом; но правы они или нет, не может быть сомнений, что на стороне китайского чиновника была справедливость, когда он указал, что для японского ума зло, которое курение опиума причинило Китаю, имело самый серьезный характер.

Его превосходительство Танг-К'ай-Сун выразил мнение китайцев, когда в своей красноречивой речи на Шанхайской конференции рассказал об ужасном опустошении, которое опиум приносит его земле. Но нет необходимости приводить мнения отдельных китайцев: они практически единодушны в этом вопросе. Достаточно указать на то, что сделал Китай, чтобы показать две вещи. Во-первых, что проклятие опиумного курения было гораздо сильнее и ужаснее, чем все, что мы пережили на этой стороне земного шара; во-вторых, что в китайском характере скрыты сила и энергия, которые, когда их призывают к действию, презируют все препятствия и действуют так эффективно, что мир теряется в изумлении. Осознайте, что натворил Китай. Китай пристрастился к пороку, который завладел им гораздо сильнее, чем алкоголизм завладел нами; он решил, что в течение десяти лет этот порок должен исчезнуть. Производство мака должно быть сокращено до полного исчезновения; курильщики опиума должны подвергаться публичному презрению; опиумные притоны, которые на самом деле являются эквивалентом наших публичных домов, должны быть закрыты; все чиновники, принимающие опиум, должны быть уволены из правительства;

единственное исключение сделано для стариков, и это исключение было совершенно неизбежным. Правительство приняло столь энергичные меры, что мужчины, которые в течение сорока или пятидесяти лет своей жизни принимали опиум, попытались отказаться от него; в результате в нескольких случаях они оказались не в состоянии выдержать физическую нагрузку; наступила тяжелая болезнь, даже смерть; и тогда указ был смягчен; мужчинам старше шестидесяти лет разрешили продолжать курить. Когда все это было опубликовано, все улыбались. Они утверждали, что Китай пытается сделать невозможное. Такой порок, как курение опиума, можно искоренить, но только после многих лет борьбы. Должно смениться поколение, и еще одно поколение должно уйти, прежде чем опиум или любой другой подобный порок заметно уменьшится.

Мы сами небезуспешно боремся с пороком алкоголизма, но вспомните, сколько лет прошло с тех пор, как отец Мэтью впервые выступил против пьянства. Англия, может быть, и становится трезвой, но это происходит медленно, хотя и неуклонно. Китай же надеется за десять лет достичь того, на что у Англии ушло столько лет терпеливого труда. Мысль о том, что Китай может это сделать, большинство жителей Запада считали почти смехотворной. В 1907 году, когда указ был впервые выдвинут, все, с кем мы встречались в Китае, придерживались этого мнения; даже миссионеры, отдавая все должное правительству за его намерения, качали головой и предрекали разочарование. Проезжая в 1907 году по замечательной линии, соединяющей Ханькоу с Пекином и Пекин с Харбином, мы заметили, что страна была прекрасна белыми и розовыми посевами мака, и порой можно было представить, что перед нами сцена преображения в лондонском театре, а не земля Китая, и, помня, что нам говорили, мы также с уверенностью ожидали провала указа, требующего уничтожения стольких миль этой пагубной, хотя и прекрасной культуры.

В 1909 году, когда мы снова путешествовали по той же стране, нам не удалось увидеть ни одного цветка мака; мало того, мы приложили все усилия, чтобы найти хоть одно поле. В Ичанге мы прошли двадцать миль по стране, где никто не мог ожидать появления иностранца, и нашли лишь одну крошечную россыпь мака, да и ту, на которой безжалостная рука закона выкорчевала растущий урожай. Поднимаясь по ущельям Янцзы, мы осматривали склоны холмов с сильным стеклом, и ни разу на этих славных горах мы не увидели никаких признаков выращивания опиума. Мы спросили о чиновниках; правительство не только следило за исполнением закона, согласно которому чиновники должны отказаться от курения опиума, но и предпринимало более эффективные меры: оно требовало, чтобы все, кто собирался стать чиновником, провели некоторое время под надзором, чтобы убедиться, что они не курят опиум. Могла ли какая-нибудь западная держава надеяться совершить такой подвиг? Разве самый крайний реформатор умеренности предложил бы закрыть все публичные дома, ежегодно уменьшать количество ячменя, пока в течение десяти лет его не перестанут выращивать, и чтобы все правительственные чиновники, начиная с премьер-министра и ниже, в течение этого срока стали бы полными воздержанниками? Причина столь энергичных действий Китая и его нынешнего успеха кроется в двух вещах: во-первых, в ужасном и очень реальном национальном страхе, что этот порок уничтожит нацию, как он уничтожил бесчисленные семьи и отдельных людей; во-вторых, в огромном запасе энергии, который позволяет Китаю принимать новые идеи и энергично действовать в соответствии с ними.

Происходящая великая революция мысли вызвала эту энергию. Вчерашний Китай был вялым и непрогрессивным. Китай, который появляется в результате этой революции мысли, энергичен, хотя, возможно, и непрактичен. Старые традиции управления не утрачены, и они ждут только человека и часа, чтобы Китай мог действовать так же энергично, как в прошлом.

Ее действия в опиумном вопросе могут быть непродуманными в некоторых деталях; они могут даже провалиться; но они показали всему миру, что Китай настроен серьезно и что он может действовать с такой энергией, которая вызовет удивление и зависть на этой стороне света. Каждый миссионер сообщает, что даже высокопоставленные чиновники приходят с просьбой вылечить их от опиумной привычки. Миссионеры основали приюты, где принимают и лечат тех, кто готов пройти через ужасные испытания, ведь их страдания очень сильны. Рекламируется множество шарлатанских лекарств. Некоторые из них безусловно губительны; например, шприц с морфием стал обычным предметом продажи в некоторых частях Китая. Некоторые из них могут быть полезны. Нет сомнений, что движение против опиума - это великое национальное движение, и оно не является результатом действий какой-то маленькой или фанатичной партии. То, что сделал Китай, доказывает, что это так.

В заключение этой главы позвольте мне привести цитату из самого выдающегося из иностранных представителей в Пекине, сэра Джона Джордана. В письме к сэру Эдварду Грею он пишет "Верно, что китайское правительство в последние годы осуществило ряд далеко идущих изменений, среди которых отмена старой системы экзаменов является, пожалуй, самым ярким примером; Но смести за одно десятилетие привычки, которые росли не менее века и прочно закрепились за 8 000 000 взрослого населения империи, - задача, которая, как мне кажется, редко пыталась быть успешной в ходе истории; и эта попытка, надо помнить, предпринимается в то время, когда центральное правительство в значительной степени утратило власть навязывать свою волю провинциям. Авторы движения, однако, уверены в успехе, и Китай заслужит и, несомненно, получит большую поддержку в любых серьезных усилиях, которые она может предпринять, чтобы искоренить это зло".

ГЛАВА X

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Стремление к радикальным переменам никогда не вызывает такого ужаса, как в случае с домашней жизнью нации. Эта тихая жизнь, которую восточные расы так часто скрывают из-за ее святости, как и все остальное в Китае, нарушается внедрением западной цивилизации, и ни в какой другой части человеческой жизни две ее разные стороны не проявляются так явно. Западная цивилизация без христианства разрушит домашнюю жизнь, как она разрушает большинство восточных вещей, которых она касается, и мало что сделает для создания новой жизни на месте той, которую она разрушает. Японцы жалуются, что западная цивилизация разрушила и скромность, и религию их женщин, а христианство пока не смогло в значительной степени воссоздать на основе истинной религии новые идеалы женской жизни. Поэтому китайцы, при всем их энтузиазме по отношению к западной культуре, несколько нервно смотрят на то, что, по их мнению, произошло в Японии. Они говорят, что их домашняя жизнь не является сейчас некрасивой; даже те, кто склонен признать, что жизнь западной женщины основана на более высоких идеалах, чем их собственные, не допустят, что их национальная домашняя жизнь заслуживает

безоговорочного осуждения. Все согласны с тем, что бесцеремонное разрушение законов, регулирующих жизнь женщин в Китае, может привести к ужасным последствиям при неразумном внедрении западной цивилизации, особенно если она будет выглядеть как цивилизация без религии. Миссионеры видят в этом кризисе необходимость энергичных действий; выражая благодарность за движение, они осознают ответственность, которую оно возлагает на христиан за то, чтобы это движение было разумно направлено. В меморандуме, направленном домашним церквям на столетней конференции в Шанхае в 1907 году, они пишут: "В 1907 г.

"Изменившееся отношение Китая к женскому образованию и месту женщины возлагает на нас огромную ответственность. Возвышение женщины - это первая необходимость в нравственном возрождении народа, и это одна из тех вещей, в которых христианство имеет совершенно иной идеал, чем тот, который поощряется религиями Китая. Нынешнее изменение национальных настроений по этому вопросу - одно из косвенных, но не менее ярких изменений, к которым привело медленное, но неуклонное распространение христианских идей в Китае в течение последнего столетия. Однако следует помнить, что для успеха и плодотворности этого процесса необходима христианская движущая сила".

У самих китайцев довольно сложно получить информацию о положении женщин. Они очень не любят обсуждать эту тему; фактически, у мужчин даже не считается хорошим тоном интересоваться здоровьем жены своего самого близкого друга; и всю информацию, которую мы могли получить, леди Флоренс Сесил по большей части пришлось добывать через женские источники. Однако в целом мы можем утверждать, что положение женщин в Китае не столь низко, как в Индии или у магометан, и ни в коей мере не столь высоко, как в западных странах. Женщина полностью подчинена мужчине; до замужества она подчиняется отцу, после замужества - мужу, а если муж умирает, она подчиняется сыну, и редко выходит замуж повторно. Это так называемые три послушания. Как правило, она не получает образования, поскольку и общественное мнение, и китайская философия считают ее умственно гораздо ниже мужчины. Позже мы объясним, как в китайской мысли все делится на доброе и злое начало - ян и инь. Женщина явно относится к Инь. Поэтому она необходима мужчине, но в то же время ниже его.

Что касается вопроса о полигамии, то ее положение занимает промежуточное место между открытой полигамией мусульманских стран и плохо поддерживаемой моногамией многих латинских стран. В Гонконге китаец объяснил мне эту позицию так: когда женщина стареет, она считает своим долгом найти вторую жену для удовольствия мужа и спутницу для себя - спутницу с чувством рабства в ней. Если это делалось упорядоченно, то это абсолютно одобрялось китайским общественным мнением. Если же, с другой стороны, муж, пренебрегая правами жены, выбирал себе вторую жену и поселял ее в другом доме, то его отношение уважаемые китайцы расценивали как явно сомнительное. Точно так же, если чиновник будет назначен на дальнюю должность, он, вероятно, не подумает навязывать своей жене с ее деформированными ногами боль и неудобства долгого путешествия; скорее всего, он возьмет женщину с естественными ногами, которая по этой причине будет рабыней; на самом деле, один джентльмен зашел так далеко, что сказал, что он думает, что сжатые ноги имеют большое отношение к этому институту вторичной жены, поскольку он заметил, что вторичные жены всех чиновников, когда они путешествовали, были женщинами с естественными ногами.

Второстепенная жена редко бывает женщиной хорошего сословия; допускается, что она занимает более низкое положение. С другой стороны, если она родит своему мужу сына и

этот сын будет признан, все отношения этого сына, а значит, и все отношения его матери, станут отношениями отца.

Любопытный клубок, к которому приводит такая позиция в соприкосновении с христианской идеей, можно проиллюстрировать на примере этой истории. У богатого китайца было три жены. От законной жены у него было девять детей, от двух других - ни одного; но его вторая жена была женщиной с очень сильным характером, и с миссионерами ее свела китайская жена европейца. Она, очевидно, правила домом с добротой, перед которой склонялись все остальные. Она все делала энергично и энергично, изучала христианство, пока не убедилась в его истинности, и тогда потребовала крещения. Возникла большая трудность: прежде чем креститься, она должна была оставить своего мужа. После долгих проволочек она приняла это условие, но сопротивление исходило не только от мужчины, но и от двух других жен. Они не могли жить без нее, они были как сестры, и ей нужно было позволить вернуться в дом. Она отказалась, хотя давление было очень сильным. Мужчина сказал, что обещал своим предкам, что никто из его детей не должен быть христианином, и что его собственная мать не простит ему этого, но женщина держалась, и в конце концов ее крестили. Ее лицо было прекрасным, когда она принимала христианство и отказывалась от всего, что делало жизнь сладкой для нее. Муж был так тронут ее стойкостью, что подписал бумагу, в которой обещал не приставать к ней, но при этом содержать ее отдельно, чтобы она не нуждалась.

На Шанхайской конференции, что любопытно, было много женщин, которые хотели, чтобы христианская организация признала существующее многоженство среди китайцев. Одно из предложений предложенной резолюции гласило, что "вторичные жены могут быть приняты в члены Церкви, если они, очевидно, являются истинными христианками". Мистер Арнольд Фостер воспротивился включению этих слов, и они были упущены. Несомненно, Конференция поступила мудро, приняв эту линию. Очень важно поддерживать чистоту домашней жизни, и трудности, возникающие при желании вторичных жен присоединиться к христианской церкви, не могут быть очень важными, поскольку подавляющее большинство китайцев моногамны.

Серьезное зло, которое порождает этот обычай, - женское рабство. Как в Японии, так и в Китае одним из ужасных наказаний за бедность является то, что мужчина иногда вынужден продавать своих детей женского пола. Этих маленьких девочек покупают предусмотрительные китайцы, сначала в качестве служанок для своих жен, а затем в качестве второстепенных жен для своих сыновей, чтобы предотвратить их уход в другие страны. Иногда их похищают мужчины, которые регулярно занимаются этим жестоким бизнесом. Рассказывают, как целые лодки с этими детьми спускали по Янцзы, прятали под палубой и запугивали, чтобы заставить их замолчать, когда на их глазах убивали одного из них. Однажды миссионер вдруг увидел руку, просунутую сквозь доски палубы, и, проведя расследование, обнаружил дюжину детей, спрятанных внизу, а поскольку оказалось, что они были похищены, а не куплены, ему удалось добиться их освобождения. Эти рабы являются абсолютной собственностью своих хозяев, и многие рассказывают о жестоком и небрежном обращении, которому они подвергаются. В Шанхае китайская полиция сообщает о таких случаях, и поэтому дамы из этого поселения основали замечательное учреждение, куда их можно привозить. Приют для рабынь заслуживает всяческой поддержки. Там маленьких девочек учат и заботятся о них, а также помогают забыть ужасные переживания, через которые некоторые из них прошли. Как ни печально признавать, многих из них приходится сначала отвозить в больницу, чтобы вылечить от последствий жестокого обращения, которому они подверглись. У одной бедняжки начались конвульсии, когда в палате зажгли

огонь; трудно было понять причину, но когда это случилось снова и бедное дитя произнесло бессвязные призывы о пощаде, выяснилось, что, по ее мнению, огонь зажгли, чтобы раскалить опиумные иглы, которыми ее будут пытать. Ее организм был слишком разрушен для восстановления, но многие другие вполне выздоравливают и представляют собой приятное зрелище за работой и игрой в ярком веселом приюте, со счастливой упругостью молодости забывая о травмах, которые в некоторых случаях оставили на них неизгладимые шрамы. Но я боюсь, что система рабства продолжает существовать по всему Китаю, и такие филантропические усилия, как Шанхайский приют для рабов, могут затронуть лишь очень малую часть из них. Вероятно, когда маленькие рабыни становятся женами сыновей своих хозяев, с ними обращаются менее жестоко, и они, хотя и работают в качестве домашней прислуги, не ведут активную несчастную жизнь.

Не утверждая, что женщины в целом несчастны, я думаю, не будет преувеличением сказать, что они бесконечно менее счастливы, чем их западные сестры. Многие национальные обычаи препятствуют их счастью. Например, обычай обручения детей обрекает женщину на жизнь в полном подчинении у мужчины, к которому она, возможно, испытывает сильнейшую природную антипатию. Рассказывают истории о том, как невесты кончали жизнь самоубийством, не желая покидать отчий дом и выходить замуж за мужчин, к которым они не испытывают никакой привязанности; однако в целом они принимают свое положение, и у китайки нет ни желания, ни сил быть неверной своему мужу.

И опять же, правление матери мужа очень часто бывает крайне суровым, а жена ребенка мало чем лучше ее прислуги. С другой стороны, когда женщина становится старше, ее положение становится очень прочным. Меня заверили, что они проявляют большой интерес к управлению имуществом своих мужей и часто показывают себя превосходными деловыми женщинами. Положение, которое заняла покойная императрица Китая, показывает, что в силу возраста женщины занимают положение, прямо противоположное низшему.

И вот перед всем этим женским миром сияет западная цивилизация; ее достоинствам завидуют, а законам, сдерживающим женщин, не понимают. Китайки слушают рассказы о западной жизни. Поначалу они верят в такие странные извращения, как то, что на Западе правят женщины. Один миссионер объяснил, что эта нелепая выдумка произошла от правления покойной королевы; другой приписал ее обычаю мужчин, путешествующих по Китаю, ходить пешком, пока их жены остаются в кресле. Для китайца такой обычай допускает только одно объяснение: женщина должна быть больше мужчины, потому что ее несут, пока он идет.

Опять же, в Западном Китае через местную прессу они узнали, что в Англии девочки и мальчики получают одинаковое образование, из чего сделали вывод, что и одежда должна быть похожей, и миссионеры были скорее позабавлены, чем оскандалились, увидев, что в правительственной школе девочек одевают в мальчиков. Нам объяснили, что это далеко не редкий обычай в Китае; девочек-рабынь, которых воспитывали с естественными ногами, принято одевать как мальчиков, и сейчас часто отцы маленьких дочерей с несвязанными ногами избегают неприятных насмешек невежд, позволяя своим дочерям, пока они еще дети, носить мальчишескую одежду.

И все же в целом стремление подражать Западу оказалось очень полезным для китайских женщин, особенно в том, что касается связывания ног. Этот отвратительный обычай выходит из моды среди просвещенных и образованных классов; два или три китайских джентльмена заверили нас, что это так; и в таком месте, как Шанхай, где западное движение очень сильно, количество женщин с несвязанными ногами весьма примечательно; у большего числа из

них, естественно, ноги были связаны, и поскольку связанные с младенчества ноги никогда не становятся совершенно нормальными, у них все еще есть что-то от шатающейся походки, которая раньше была предметом восхищения каждого китайца; фактически, эта шатающаяся походка сохраняется как часть жеманства. Одна дама рассказала нам, что даже в ее христианской школе для девочек не было такой женской слабости. Когда они шли в церковь, то вышагивали размашистой походкой, которой способствовали регулярные гимнастические упражнения и удобная одежда; и вдруг дама увидела, что всю ее школу поразил какой-то паралич, заставивший их сменить легкую походку на походку "тоталитарной лилии", которой ходят китайские мелкопоместные женщины. Причина в том, что школа для мальчиков только что появилась в поле зрения. Боюсь, следует признать, что связывание ног по-прежнему практикуется во внутренних районах среди бедных женщин, которые придерживаются этого обычая, боясь насмешек.

Самым благотворным эффектом восхищения Запада является искреннее стремление китайских женщин к образованию. Это желание настолько сильно, что даже замужние женщины снова становятся детьми и занимают свое место в классе. Мужья, получившие западное образование, очень хотят, чтобы их жены в какой-то мере разделяли их интересы.

Леди Флоренс могла посещать школы для девочек, в которых мужские визиты были бы неприемлемы, поэтому она побывала во многих из них, в том числе в двух довольно необычных в Пекине. Одну из них вела маньчжурская леди, занимавшая высокое положение и связанная с великим маньчжурским князем. Ее отношение к передовому женскому движению в целом оскорбляет ее семью, поскольку она публично читает лекции на актуальные темы. Ее школа небольшая и, увы, не очень эффективная, поскольку она впала в обычное для китайцев заблуждение, полагая, что японская учительница обязательно должна быть эффективной. Тем не менее ее стремление дать образование детям бедняков достойно только похвалы. Она выглядела очень эффектно: крупная красивая женщина, одетая в маньчжурский длинный халат с богато украшенным маньчжурским головным убором. Второй школой, которую видела моя жена, руководила другая маньчжурская женщина, и она казалась более упорядоченной и успешной, чем другая. Эти две школы свидетельствовали о желании улучшить положение женщин. Моя жена посетила множество других школ, некоторые из них принадлежали миссиям различных конфессий, которые привлекали дочерей и даже жен мужчин высшего класса, которые вполне счастливо смешивались с девушками более низкого уровня, будучи объединенными в горячем желании получить образование, которое сейчас в Китае преобладает среди женщин всех классов.

Это стремление к образованию открывает большие возможности для миссионеров, и они красноречиво обращаются за помощью к своим сестрам в Англии в послании, цитату из которого мы уже приводили. "Нам нужно больше школ для девочек и больше посвященных и высококвалифицированных женщин, компетентных вести такие школы и постепенно давать в них все более и более высокое образование. Нам нужно больше учебных заведений для китайских женщин, чтобы они могли работать среди своих сестер, и нам нужны образованные христианки с нашей родины для работы в доме Зенаны. Еще несколько лет назад такая работа была бы невозможна; теперь же визиты таких работниц во многих случаях сердечно приветствуются китайскими женщинами, и часто они возвращаются обратно, поскольку уединение женщин в Китае совсем не такое строгое, как в Индии. До сих пор эта сфера полезной деятельности в Китае была сравнительно мало разработана, но в настоящее время она полна перспектив и благоприятных возможностей".

Трудность обучения, с одной стороны, увеличивается, а с другой - уменьшается из-за того, что многие женщины не умеют читать китайские иероглифы. Была изобретена новая

система, с помощью которой китайский язык может быть написан нашими буквами в том виде, в каком он произносится. Эта система называется "латинизированной". На Шанхайской конференции нам рассказали удивительные истории о том, как за невероятно короткий срок женщины научились читать по этой системе. Одна женщина шестидесяти семи лет научилась за два месяца, а одна дама утверждала, что научила мальчика читать с пятницы по среду, я могу добавить, включительно. Это необычное достижение не так уж невозможно, как в случае с нашими более сложными языками. У китайцев крайне мало звуков, и их язык моносложен по форме. Однако мы не просим наших читателей принять это как нормальный уровень образования; тем не менее об этом стоит упомянуть, поскольку это, возможно, начало большого движения, которое может изменить всю систему образования на Дальнем Востоке. Чрезвычайная легкость, с которой китайский язык может быть написан в наших письмах, может побудить какого-нибудь смельчака пропагандировать его как систему, подходящую для образования бедных, хотя в настоящее время это весьма маловероятно.

Гораздо более мрачной стороной внедрения западного образа жизни является постепенная натурализация социальных пороков Запада. Леди Флоренс имела честь наблюдать некоторые из спасательных работ, проводимых преданными миссионерками в Шанхае. Будучи открытым портом, этот город, как, я полагаю, и другие полузападные порты Китая, имеет очень плохой характер с точки зрения чистоты нравов. Появление иностранцев не принесло ничего, кроме вреда в этом отношении. Как это ни удивительно и ни ужасно, но порочная жизнь в портах существует в основном благодаря иностранцам, которые, похоже, указали путь китайцам. В Шанхае есть улица Фучоу-роуд, где почти открыто происходят ужасные скандалы; вывески, чьи намерения скрыты для постороннего человека из-за незнания китайских иероглифов, смело рекламируют достоинства различных домов и их обитательниц. Раньше этих несчастных девушек даже выставляли на открытых стульях, но теперь это прекратилось, хотя их по-прежнему возят в закрытых креслах. Сцены, происходящие на этой улице с наступлением ночи, являются печальным свидетельством дурного влияния западных идей без христианства. Никогда не следует забывать, что жертвы такого положения вещей являются жертвами в буквальном смысле слова. У них нет выбора в этом вопросе. Их продают родители, даже мужья, в их ужасное положение; и хотя некоторые из них могут жить в роскоши, с большинством из них жестоко обращаются, избивают, пытаются, чтобы предотвратить бегство, и, как доказывает их последующее поведение, они относятся к этой жизни с абсолютным отвращением.

Вдохновленные глубокой жалостью к этим несчастным существам, эти прекрасные дамы основали для них приют с приемным покоем в самом центре этого района, пользующегося дурной славой. В это убежище бедняжки часто бегут даже посреди ночи, навстречу неизвестности, не останавливаемые слухами о злых намерениях иностранцев, которые распускают их хозяева, вместо того чтобы дольше терпеть жизнь в деградации и страданиях, на которую их обрекли. Миссионеры принимают их и передают в "Дверь надежды", приют с соответствующим названием, который возвращает им надежду, мир и счастье. Здесь можно было увидеть около восьмидесяти молодых женщин, живущих простой трудовой жизнью, довольных и веселых, и, похоже, ни на минуту не пожалевших о прекрасных одеждах и ленивой роскоши, от которых многие из них отказались. Дамы обучают их полезным искусствам, наставляют в христианстве и подбирают им в жены китайцев-христиан, которые будут добры к ним, и, прекрасно понимая, что их прежняя жизнь была вынужденной, рады иметь жен с небольшим образованием. Дамы разрешают нехристианкам спариваться с нехристианками, если те обладают хорошим характером; но они не позволяют никому из своей спасенной паствы становиться вторичными женами. В этой работе почти

божественного сострадания примечательны две вещи: рецидивы практически неизвестны, и именно китайцы больше всего способствуют этому - больше, чем иностранцы; китайцы часто сами предлагают "Дверь надежды" этим девушкам и помогают в полицейских случаях спасти их от жестоких хозяев.

Риск, которому подвергается Китай в данный момент в сфере домашней жизни, такой же, как и риск, которому он подвергается во всех остальных сферах своего национального существования. Если материалистическая сторона западной цивилизации является наиболее очевидной, вряд ли возможно, что она не нанесет большого ущерба ее домашней жизни. Один вдумчивый китаец, рассуждая об этом вопросе, высказался за полное принятие западных идей. Он боялся полумер. Он сказал, что, несомненно, женщины на Западе сдерживаются массой условностей, ценность которых они, возможно, не осознают, но которые очень очевидны для тех, кто был воспитан в другой цивилизации. Именно существование этих условностей делает возможной их свободу. Если китайцы хотят принять западную цивилизацию для своих женщин, а он считал это неизбежным, они должны усвоить эти условности; поэтому его решение проблемы заключалось в том, что китайских девочек следует привозить в Англию и воспитывать как английских.

Но многие миссионеры ратуют за противоположную политику. Они заявляют: "Давайте сохраним то хорошее, что есть в китайской домашней жизни, пусть христианство проникнет эту жизнь и сделает ее прекрасной, но не разрушит ее. Китайская домашняя жизнь соответствует китайской расе. Вестернизированная китайская женщина будет сочетать в себе ошибки обеих цивилизаций и достоинства ни одной из них".

Не высказывая своего мнения по этому очень непростому вопросу, мы можем выразить надежду, что политика благоразумия и умеренности будет определять действия тех, кто занимается вопросами женского образования, поскольку степень изменений, которые могут потребоваться в жизни женщин, чтобы сделать их пригодными для восприятия западной цивилизации, будет скорее вопросом эксперимента, чем теории. Во всяком случае, пусть христианство предшествует любым значительным изменениям, ибо только христианство может сделать жизнь западной женщины понятной и последовательной для ее восточной сестры.

ГЛАВА XI

КИТАЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Среди множества способов, которыми нация может выразить свои мысли и показать свою индивидуальность, ни один не является более ценным для человечества в целом, чем ее искусство.

Пожалуй, можно сказать, что каждая цивилизованная нация внесла свой вклад в общий фонд искусства, и Китай, безусловно, внес свою лепту. Фарфор, названный ее именем, свидетельствует о ее превосходстве в керамическом искусстве и должен заставить западных

людей быть осторожными в выражении своего презрения к расе, которая, по общему признанию, является родоначальницей этой индустрии. Я не буду пытаться высказывать свое мнение о тайнах этого искусства, разве что выражу сожаление, что название страны должно быть настолько привязано к этому продукту ее мастерства, чтобы постоянно вызывать путаницу. Когда мой друг архидиакон Моул опубликовал свою интересную книгу "Новый и старый Китай", одна дама написала ему, что не интересуется новым фарфором, но поскольку она коллекционирует старый фарфор, ей бы очень хотелось прочитать его книгу.

Китай внес свой вклад и в другие виды искусства. Ее вышивки и лаковые работы хорошо известны; резьба по слоновой кости и работа по серебру нашли место в каждой коллекции. Ее искусство, как мы можем ожидать от расы, которая много лет находилась в искусственных условиях цивилизации, явно искусственное. В нем виден дух расы, которую на протяжении многих веков учили контролировать себя и избегать естественного выражения своих чувств. Если он искусственен по форме, то приятен по цвету и превосходит по исполнению. Мало кто не согласится с тем, что необходимо приложить все усилия, чтобы сохранить эти искусства от ущерба, наносимого ложным восхищением западными образцами. Единственное возможное исключение - современные вышивки, которые могли бы быть значительно улучшены, если бы в них смешивались более гармоничные цвета.

Китай превосходит других в искусстве, хотя его превосходство не признают ни иностранные жители, ни даже местные студенты. В некоторых формах архитектуры ей нет равных. И все же, когда западный человек приезжает в Китай, он с гордостью привозит с собой западную архитектуру, не обращая внимания на то, подходит ли она к климатическим условиям или красива сама по себе. Возьмем, к примеру, английские церкви в Китае. Может ли какая-либо форма архитектуры быть менее подходящей для такой страны, как Китай, где солнце часто бывает угнетающе жарким, чем готическая архитектура? Большие окна, остrokонечные арки и слабая, открытая, высокоскатная крыша могут быть уместны в такой стране, как наша, где мало солнечного света, и где мокрый снег часто проникает под самую лучшую крышу; но в такой стране, как Китай, где солнце - главная трудность, следует предпочесть какую-то конструкцию, которая делает возможной тяжелую и теплозащитную крышу. Если антипатия к китайцам требует западного типа зданий, можно выбрать итальянскую или даже романскую архитектуру, и здание с массивной крышей, опирающейся на прочные арки, сможет противостоять солнечным лучам. Но почему бы не принять китайскую архитектуру как идеально подходящую для этого климата?

Если христианство должно быть усвоено Китаем и стать частью его национального существования, то здания, в которых оно провозглашается, должны быть по сути национальными. Намерение христианина должно быть ясно написано на лице каждого пейзажа, где новое и красивое китайское здание возвышается для религии, которая, как мы утверждаем, так же подходит китайцам, как и англичанам. Мы поклоняемся не в римских базиликах, а в зданиях, которые северные архитекторы придумали как подходящие и для христианского богослужения, и для нашего климата. Новые китайские церкви не обязательно должны быть копиями китайских храмов; цель строительства другая, поэтому и здание должно отличаться, но есть много других форм, в которых архитектор может выразить в китайской архитектуре вечные истины христианства.

Опять же, почему все школы и колледжи возводятся по западным образцам. Китайцы привыкли и предпочитают свою собственную архитектуру, и с санитарной точки зрения я вряд ли считаю ее ущербной. У среднего западного человека в Китае есть только одна идея, и она заключается в том, что китайцы должны стать похожими на западную нацию или

остаться нетронутыми западной цивилизацией. Он категорически отвергает мысль о том, что архитектура Китая может быть изменена в соответствии с современными условиями.

Говорят, что мысли всех народов написаны в их архитектуре; что в готическом соборе можно увидеть благородство средневековья, а в палладианском фасаде - всю полноту мысли эпохи Возрождения; конечно, на современном китайском городе быстро пишется история смены их мышления, возможно, с правдой, но точно не с красотой. Западный человек, абсолютно презирующий все китайское, отказывается возводить любое здание, сохраняющее хоть какую-то деталь национальной архитектуры; вестернизирующийся китаец в точном подражании возводит западные здания, но с такой разницей; В то время как западные здания имеют некоторую красоту - например, собор в Шанхае является благородным зданием, а Пе-Танг в Пекине не опозорил бы итальянский город, даже дворцы банкиров в Ханькоу не являются недостойными жилищами для торговых принцев - китайские подражания этим западным зданиям имеют мало красоты, и, насколько я могу понять, они действительно менее пригодны, чем настоящие китайские здания.

Ни один европеец, проживающий в Китае, не согласится с тем, что китайские здания красивы или полезны, а если кто-то предложит, чтобы западный дом был построен в китайском стиле, это предложение будет отвергнуто как абсурдное; однако британское представительство в Пекине - это старый китайский дворец, и никто, кто видел его, не сомневается, что это одно из самых красивых зданий во всем Китае, и если это здание было найдено подходящим для представителя Его Величества, несомненно, такое же здание может служить для других, менее высоких чинов.

Что касается духовных идеалов в китайской архитектуре, то кто может сомневаться в них, глядя на некоторые из пагод, созданных под влиянием буддизма. Эти пагоды каждой своей чертой говорят о нации, которая поднялась над простым утилитаризмом к высшим помыслам. Бесплезность пагоды, которая так часто раздражает практичного англичанина, - одно из главных ее достоинств. Она стоит там во всей своей красоте, вызывая к человечеству о любви к красоте ради нее самой и вере в прекрасный мир духов. Вся буддийская мысль тесно связана с любовью к красоте. Когда одного китайского джентльмена спросили, есть ли у китайцев любовь к красоте, он сказал: "Вы заметите, что их храмы всегда строятся в красивых местах, чтобы те, кто в них поклоняется, удовлетворяли свою любовь к красоте".

Даже если пагода рассматривается просто как предмет, приносящий удачу городу, она все равно заслуживает восхищения, ведь должно быть что-то прекрасное в расе, которая верит, что красивая вещь может принести благословение небесных тел на землю. Никто не может изучить детали любой из этих пагод, не будучи уверенным в том, что те, кто их возводил, ставили своей главной целью возведение красивого здания.

Или снова возьмем Храм Неба. Есть ли в мире хоть один памятник, в котором было бы больше чувства красоты? Белый алтарь, лежащий непокрытым, свидетельствует о фундаментальной вере китайцев в то, что на небе есть Бог, который обитает не в рукотворных храмах, а детали резьбы, хотя и демонстрируют определенную однотипность, все же указывают на их веру в то, что Бог должен любить красоту. Увидеть белый Алтарь Неба вместе с храмом с голубой крышей за ним в солнечный день, когда распускаются цветы, а темная зелень сосновой рощи сильно контрастирует со светлой зеленью весенней травы, - одно из тех видений красоты, которые заставляют человека мечтать и снова мечтать о благородном будущем, которое может быть перед расой, имеющей свои святыне места в таком прекрасном окружении.

Поскольку большинство читателей этой книги, возможно, никогда не видели китайских зданий, стоит их описать. Архитектура китайцев отличается от западной почти во всех деталях. Китайский город - это город без дымоходов, и все же отсутствие этих дымоходов, которые архитекторы эпохи Возрождения сделали характерной чертой домашней архитектуры, никогда не упускается, поскольку китайские крыши изогнуты и украшены причудливыми фигурами; они часто цветные, ярко-желтые, если здание императорское, или ярко-синие или синие и зеленые с желтыми линиями, в зависимости от вкуса. Обычные дома не имеют таких богато украшенных крыш, но я говорю о тех домах, которые претендуют на архитектурное совершенство. Эта огромная крыша держится прямо на столбах, так что китайский дом может быть без стен, и такие дома без стен наиболее подходят для страны, где лето жаркое. Массивность крыши препятствует проникновению солнечного тепла, а отсутствие стен позволяет свободно пропускать воздух; если стены и есть, то это, как правило, деревянные ширмы, обклеенные бумагой, и эффект в некоторых старых китайских домах очень красивый.

Для зимней погоды эти дома кажутся нам холодными, но китайцы всегда верили в политику открытого воздуха. Они никогда не отапливают свои дома; они полагаются либо на теплую одежду, либо на обогреваемую дымом кровать ночью; и поскольку они как раса очень подвержены чахотке, вероятно, такая политика лучше всего подходит для их конституции. Во всяком случае, кажется странным, что в то время как мы в Англии пропагандируем школы под открытым небом, лечение под открытым небом и сон с открытым окном, в Китае западное влияние должно уничтожить восхищение великолепной формой архитектуры, особенностью которой было то, что, обладая большой красотой, она также защищала обитателей от сильной летней жары и давала им достаточно свежего воздуха.

Когда некоторых китайских литераторов спрашивали об этой архитектуре, они свободно признавались, что предпочитают родные здания, но, похоже, считали, что западная школа не может быть эффективной, если она не располагается в западном здании. Миссионеры и другие люди, которых допрашивали по этому поводу, утверждали, что западные дома в конечном итоге самые дешевые, но китайцы этого не допускали. Они говорили, что китайский дом будет стоить намного дороже западного, если он будет красиво украшен резьбой, но если он будет построен просто, то обойдется дешевле.

Очевидно, что китайская архитектура - это конструкция, в которой можно использовать железо. Китайское здание, в котором железо заменено деревом, выглядело бы не хуже, ведь они всегда красят свое дерево; это должно быть очень дешевой формой строительства в стране, которая собирается производить железо по очень низкой цене. Правда в том, что китайская архитектура презирается не из-за стоимости или эффективности; она является частью великого движения, которое выражает себя в камне и кирпиче, движения, которое стремится привести восточные страны к нищете, движения, которое насаждает на Востоке все, что является обыденным, все, что отвратительно на Западе, и которое уничтожает все, что прекрасно на Востоке и по мысли, и по цвету, и по форме. Это аналог движения, которое разрушает веру восточных народов и лишь заменяет ее материализмом, деградировавшим на Западе.

РЕЛИГИИ КИТАЯ И МИССИОНЕРСТВО

ГЛАВА XII

РЕЛИГИИ В КИТАЕ

Настоящая сила расы заключается в ее религии; другие мотивы неизбежно ведут к эгоизму, дезорганизации и национальной гибели, и Китай не является исключением из этого правила; сила и слабость Китая заключается в его религии и в ее отсутствии. Немного найдется народов, которые меньше всего заботятся о внешнем соблюдении религии, и в то же время мало найдется народов с большей верой в сверхъестественное. С одной стороны, храмы заброшены или превращены в школы, и считается, что у китайцев нет других мотивов, кроме корысти. С другой стороны, вся жизнь китайцев крутится вокруг отношения человека к духу своих предков и духовному миру, и китаец, очевидно, верит, что душа человека бессмертна и что ее благополучие самым тесным образом связано с благополучием его потомка.

Коммерсант скажет вам, что китайцы - материалисты, люди, у которых нет веры; и при этом с великолепной непоследовательностью объяснит, что трудность использования китайской рабочей силы за границей заключается в том, что даже самый простой кули требует, чтобы его тело было возвращено на родину и лежало в каком-нибудь месте, которое не помешает его сыну совершить сыновнее поклонение его духу. Весь вопрос о том, во что верит раса, становится еще более сложным для понимания западного человека из-за запутанной природы этой веры, и осложняется характерной для китайцев особенностью смешивать все религии вместе, несмотря на их естественную несочетаемость. Мы надеемся, что читатель будет помнить об этом во время следующих объяснений.

Религии Китая обычно классифицируются как три. Не три четко выраженные религии в нашем понимании этого слова, а три элемента, которые имеют тенденцию сливаться в общую религию. Есть и отдельные религии. Например, большое количество китайцев - магометане, и они не женятся и не выходят замуж за других китайцев; есть очень маленькая еврейская община; есть также исконно греческая христианская деревня, которую китайцы до сих пор терпят, и которая была пересажена из Сибири в результате китайского завоевания во времена Петра Великого; есть четверть миллиона христиан, обращенных неримскими миссиями, кроме миллиона, принадлежащего к римско-католической общине. Но христианство, иудаизм и магометанство, вместе взятые, составляют лишь небольшую часть китайского сообщества, а большая часть Китая верит, по мнению всех ортодоксальных толкователей, в три религии - буддизм, даосизм и то, что называют конфуцианством.

Этот конгломерат трех религий состоит, в свою очередь, из составных верований. Буддизм Китая не похож на буддизм Цейлона с его агностическим учением. Буддизм делится на две большие части - "большую" и "меньшую". Меньший путь известен миру как чистый буддизм; "большой путь" содержит множество сект, каждая из которых утверждает, что откровение, данное Гаутаме, было лишь частичным, и что истина была более полно раскрыта тем, кто пришел ему на смену. Это называется ламаизмом, и в Китае он вобрал в себя большую часть идолопоклонства, которое он вытеснил, и, возможно, часть несторианского христианства,

которое его сменило; фактически, буддийский храм в Китае - это не что иное, как храм идолов. Будда Гаутама всегда является главным идиолом; он представлен спокойным, без мыслей и проблем; он сидит, олицетворяя мир и покой; но хотя он может быть первым в буддийском храме, он далеко не одинок; близко позади него в народной оценке идут два других божества, Амита и Кваннин. Амита, Амитоьха или О-ми-то, по мнению некоторых, является отцом Кваннина и одновременно хранителем западного рая и олицетворением чистоты; этому полностью мифическому персонажу приписывается такая добродетель, что одно лишь повторение его имени обеспечивает спасение. В Японии существует секта, утверждающая, что любой буддийский закон может быть нарушен, пока есть вера в Амиту. В Китае делают такие заявления: следовать строгим законам буддизма - значит взбираться на небо, как муха ползет по стене, а достичь спасения, повторяя имя О-ми-то, - все равно что плыть в небеса на лодке, за которой ветер и прилив, со скоростью сто ли в час. По общему мнению, следование строгому буддийскому закону целомудрия, честности, правды, воздержания, воздержания от гнева и безмятежности ума - идеал, который невозможен, во всяком случае, для мирян. Но точный метод избавления от этого бремени в разных сектах различается. Самый популярный - "спасительная вера" в Амиту.

Если происхождение этого божества можно отнести к олицетворению духа чистоты, то происхождение следующего, Кваннина, вероятно, из какого-то источника за пределами буддизма. Она - богиня милосердия, но каково бы ни было ее происхождение, в настоящее время она представляет собой остатки либо несторианского, либо средневекового римского учения. В Пекине есть любопытное ее изображение, которое любой может принять за Мадонну. Дело в том, что в свое время между христианством и буддизмом существовал тесный контакт, когда многие внешние черты христианской религии и некоторые ее доктрины были перенесены. Буддийский храм с алтарем в центре до странности похож на христианскую церковь, а буддийские монахи и монахини с их четками и регулярными часами для песнопений и службы напоминают римско-католические службы; Изображение буддийского ада, которое находится в большом монгольском храме в Пекине, напоминает сцену из "Преисподней" Данте, и среди многих вещей, которые буддисты заимствуют из христианских источников, есть эти две идеи, воплощенные в двух идолах: богине милосердия, которая заступается за человечество, и боге веры, на которого поклоняющийся должен возлагать все надежды и уверенность. Кроме этих богов есть бог войны и бог доброжелательности, вероятно, взятые из старых языческих источников. Опять же, есть сотни будд, или, как мы должны их называть, "святых", чье положение находится где-то между человеческим и божественным, примерно такое же, какое занимают святые в сознании неаполитанского крестьянина.

После буддизма наступает черед даосизма. Даосизм снова представляет собой конгломерат верований. Формально это вера Лаоцзы, который был противником и современником Конфуция. Он учил дуализму, который напоминает западному человеку доктрину манихеев. Опять же, западную и восточную мысль путают; известно, что манихеи существовали в Китае, а вот пришел ли манихейство изначально с Востока или же впоследствии китайская мысль подверглась влиянию манихейства, решить сложно. Во всяком случае, Лаоцзы не утверждал, что его учение оригинально; он был лишь пророком сложившейся школы мысли. Большая часть Китая последовала за его соперником и презирает учение Лаотце, однако дуализм, которому он учил, является частью основной веры Китая, причем частью, наиболее противоположной всему хорошему. Он учил, что добро и зло по сути своей разделены, являются половинками одного целого. Он называл их "Ян" и "Инь" - термины, которые ни в коем случае не ограничиваются теми немногими учениками, которые сейчас следуют за ним. Это разделение между добром и злом составляет тайну мира - свет и тьма, небо и земля,

мужчина и женщина, каждая пара составляет одно целое, разделенное между добром и злом; и поэтому мир за его пределами населен добрыми и злыми духами, "ян" и "инь". Очевидно, что такая вера имеет все те недостатки, которые мы признаем в манихействе, и ее практические недостатки очень велики. Например, низшее положение женщин защищается как неизбежное; они - "Инь". Ни одна шахта не должна быть затоплена или вырублена из страха разгневать духов земли, ибо, поскольку человек - такая же часть мира, как и земля, эти духи земли отомстят за него. Даже такие великие люди и такие добрые конфуцианцы, как Его Превосходительство покойный Чанг-Чи-Тунг, не остались равнодушными к подобному суеверию. Город, которым он управлял, разделял крутой гравийный холм. Западный инженер посоветовал прорубить этот холм, чтобы облегчить доступ из одной части города в другую, и вице-король, всегда готовый принять новые западные идеи, приносящие практическую пользу, немедленно приказал осуществить это предложение. Вскоре после этого на его шее образовалась большая вена, и, утверждая, что злой дух земли, который первоначально создал гравийный холм, был так разгневан его разрушением, что решил вновь создать его на шее преступника, губернатор заделал вырез, и он стоит там по сей день, свидетельствуя о злом влиянии, которое может оказывать злая религия на величайших людей нации. Сейчас у даосизма мало приверженцев, но есть много даосских священников, поскольку они считаются особенно эффективными в борьбе со злыми духами, в которых так верит даосизм.

Третью религию обычно называют конфуцианством, и это может легко привести к большому недоразумению, поскольку под термином "конфуцианство" подразумеваются две совершенно разные вещи. Во-первых, это вера в философию Конфуция. Это по большей части находится за пределами того, что мы привыкли называть религией, и у нас еще будет повод поговорить об этом позже. Во-вторых, что более характерно, это духовные убеждения тех, кто называет себя конфуцианцами и, в силу его молчания о религии, вынужден искать другие авторитеты для своей веры. Иногда они утверждают, что их вера совпадает с верой Конфуция, что на основе его философии была создана религия, в которую они верят, но чаще всего они принимают ее без всяких сомнений. Эту религию обычно смешивают и с буддизмом, и с даосизмом, но ее основная доктрина очень отчетлива и имеет большой вес в Китае, а именно: духи умерших людей живут и имеют влияние на жизнь своих потомков. Один китайский христианин сказал мне, что религиозный китаец из низшего класса никогда не выходит на улицу, не сжег палочку ладана для скрижали своего отца, и никто не может пройти через китайские города, не будучи впечатленным количеством людей, которые в этой бедной стране постоянно заняты работой, производя деньги для сжигания в пользу родителей и предков.

Миссионеры считают, что это учение - самое трудное для христианства; и не мало тех, кто, отчаявшись в успехе, предлагает переломить ситуацию, христианизировать поклонение предкам и принять его как неотъемлемую часть веры человека. Логичный западный ум сразу же хочет знать, что стоит за предком; если предок должен обладать силой, он может обладать ею, говорит логичный западный человек, только будучи в контакте с какой-то высшей силой. Один из величайших миссионеров, которыми обладает Китай, отвечает на эту трудность, говоря, что китайский ум - это не западный ум; что он не очень-то беспокоится об отдаленных спекуляциях; У него нет того зудящего желания использовать слово "почему", которое одновременно является славой и трудностью западного ума, и поэтому он смотрит на духовный мир так же, как на земной; человек, который непосредственно над ним в городе, - это магистрат, и, выражаясь китайским языком, "это отец и мать его народа", и так же над ним в духовных вещах - его отец и дед. За магистратом в его далеких мыслях стоит префект - глава префектуры или города Фу - существо, которое приходит в его деревенскую жизнь только тогда, когда возникают проблемы и трудности; он приходит, чтобы наказать, редко -

чтобы наградить, и поэтому за его отцом и дедом в духовном мире стоят великие вожди клана, которым он поклоняется через регулярные промежутки времени вместе с остальными членами своего клана. В гражданском правительстве на дальнем плане находятся наместники с ужасными полномочиями и ужасным величием и император, само имя которого настолько божественно, что он едва ли любит его использовать; а за вождями кланов - множество существ, заимствованных из буддизма, реликтов старого идолопоклонства, смешавшихся с даосизмом; А на тусклом и далеком фоне - Верховное Существо, которое награждает справедливых и наказывает несправедливых, которое невозможно обмануть, которое отказывает грешнику в дожде и делает землю пустынной, которое имеет власть свергнуть земного императора и поставить Китай под иностранное господство. Однако эта великая и ужасная сила так далека, что обычный китаец мало думает о ней.

Храм Неба в Пекине - прекрасная святыня этого Верховного Существа. Здесь раз в год, проведя ночь в посте, император, как отец своего народа, поклоняется великому Богу, сотворившему небо и землю. Главной особенностью этого поклонения является то, что оно совершается под открытым небом на прекрасном мраморном помосте. Ни одно место в Китае не может похвастаться такой красотой; это подходящая святыня прекрасной веры самых славных дней Китая, веры, которая хоть и дремлет, но не умерла. Путешественник, стоящий здесь, должен помнить, что культ, который здесь совершается, так же стар, как и дата патриархов, и не лишен их религиозных идеалов; и если есть некоторые вещи, которые не сочувствуют христианской идее, то они являются второстепенными. В основном же это поклонение Единому Истинному Существо.

Эта вера не имеет права называться конфуцианской. Есть большие сомнения относительно веры Конфуция. Он молчит о религии или упоминает о ней лишь косвенно; она не является частью его учения; но его косвенные упоминания о ней, очевидно, выражают веру в Высшее Существо, которое он называет "Небом", Высшее Существо, оказывающее влияние на человеческие дела. Он также признает поклонение предкам, но в такой сомнительной формулировке, что многие китайские и английские ученые сомневаются в его смысле. Это не вера всех ведущих конфуцианцев Китая, многие из которых исповедуют агностицизм в вопросах религии и следуют учению Чу; но это вера, плохо понимаемая вера, огромного количества мыслящих и немыслящих китайцев, и она рассматривается как государственная религия Китая. Ее власть над Китаем универсальна и в то же время ненадежна.

Много веков назад она была частично побеждена более логичной и сочувствующей верой буддизма. Борьба была ожесточенной, гонения - жестокими, но буддизм победил. Теперь буддизм терпит поражение. С его провалом огромная масса суеверий, поддерживаемых жертвоприношением предкам, снова поднимается и встает прямо на пути прогресса, прямо на пути цивилизации. Именно суеверие двигало боксерами, и именно оно потеряло свою значимость, когда боксерство потерпело крах. История за историей рассказывается о влиянии этой бессвязной, но жизненно важной массы религии. Джонка будет шнырять по носу вашего парохода; будет много свиста, реверсирования двигателей, императивных команд на английском, оскорблений на китайском; И когда вы спросите, почему джонка рискует своим грузом, возможно, жизнью, подвергает пароход и его пассажиров волнению, если не опасности, вам ответят, что каждый джонка боится злого духа, который преследует его, и если он пересечет нос парохода, то ожидает, что злой дух, увидев более достойную добычу, оставит его и последует за пароходом. Глава Шанхайской телефонной компании рассказывает, что нередко его встречает какой-нибудь благовоспитанный китаец, который очень расстроен тем, что тень телефонного столба падает на его дверь, так что, выходя из дома, он проходит под ней, и это приносит несчастье. Дома в Китае стоят несогласованно с

дорогой, потому что определенный аспект приносит удачу; хлопушку взрывают, чтобы отпугнуть злых духов, и так далее по бесчисленным историям.

Для китайца окружающий мир полон злых духов. В каждой деревне есть знахарь, который знает толк в этих злых духах. Дьявольская одержимость присутствует в них так же, как и в библейские времена. Ваш твердолобый коммерсант улыбается, рассказывая эти истории, не веря, что они могут иметь под собой какую-либо основу; но те, кто жил среди китайцев, придерживаются той же линии в отношении этих историй, что и мы в отношении спиритизма. Многое - глупость, еще больше - мошенничество; но и за глупостью, и за мошенничеством скрывается таинственная реальность. Вера народных масс Китая в духовный мир никогда не поощрялась философами. Она обязана своей живучестью тому факту, что, как и у нас, так и у них, проявления сил за пределами этого мира реальны, хотя и плохо осознаваемы, и слишком часто связаны с дурной стороной человека. Обществу психических исследований будет полезно внимательно изучить многие из этих явлений. Ничто так не убедило меня в реальности этой веры, как фраза одного из наших английских миссионеров. Он говорил о дьявольской одержимости и рассказал ту же самую историю, которую так часто можно услышать, когда человек вдруг заговорил как другая личность; затем он добавил: "Я понял, что это не он говорил со мной, а злой дух внутри него"; и продолжил: "Я боялся говорить с ним, потому что если вы говорите с теми, кто одержим злым духом, злой дух овладевает вами". Странно было слышать такое свидетельство о реальности дьявольской одержимости от англичанина, но вы услышите его от любого китайца. Те, кто читал книгу "Пастор Хси", помнят, насколько твердой была его вера в одержимость.

Против всей этой массы злого мира у китайца есть только одна защита: его отец и его предок принадлежат к этому миру, и они будут защищать его; поэтому культ предков тесно связан с этой верой в злых духов. Если отец не защитит себя, сын может пострадать - фактически, основная часть религиозных представлений китайца сосредоточена вокруг культа предков; и нет такого ужасного момента в жизни новообращенного христианина, когда ему приходится уничтожать скрижали своих предков. Конфуцианец не может понять позицию миссионера; для него презрение к предкам означает лишь глубокий и духовный скептицизм, отсутствие всякой веры в сверхъестественное, отрицание всякого чувства долга. Один миссионер рассказал историю, иллюстрирующую эту трудность. Он путешествовал по Китаю, и его путь пролегал по той же дороге, по которой ехал зажиточный торговец, и, поскольку они ехали бок о бок и встречались каждый вечер в трактирах, где останавливались, он заметил, что китаец смотрит на него настороженно; но поскольку миссионер хорошо говорил по-китайски, а у путешественников много маленьких потребностей, которые может удовлетворить другой путешественник, было неестественно, что, несмотря на недоверие китайца, они постепенно перешли к более близкому общению. Однажды вечером, когда они сидели в гостинице, китаец сказал миссионеру: "Знаете, я думал, что вы христианин, но вижу, что вы хороший человек". Миссионер заверил его, что он христианин, и не стал отрицать, что он хороший человек. Однако он чувствовал, что в сознании китайца есть какая-то преграда, которая не дает им расстаться, и когда они путешествовали изо дня в день и становились все более близкими, китаец сказал: "Вы знаете, люди говорят такую ложь, что нельзя верить ни одному их слову". Миссионер согласился с этим общим утверждением, как верным для всего мира, но попросил применить его на практике. Китаец продолжил: "Надеюсь, вы не обидитесь, если я расскажу вам, какую ложь они говорят о вас - боюсь, я верил в нее, пока не встретил вас и не увидел, какой вы хороший человек. Они говорят...", но он прервался. "Простите, это такое ужасное обвинение, что мне не хочется его повторять, хотя я знаю, что это неправда". Миссионер заставил его рассказать, в чем заключается это обвинение, и китаец извиняющимся тоном продолжил: "Я знаю, что это такая ложь, что мне стыдно, что мой

народ говорит такую ложь, но они говорят, что вы, христиане, действительно учите людей разбивать скрижали, на которых написано имя их отца"; и миссионер сразу же понял всю глубину убеждений китайца и ту широкую пропасть, которая отделяла его от христианства. И поэтому многие и многие люди, лучше всех знающие Китай, с уверенностью утверждают, что христианство никогда не станет религией Китая, пока он не разрешит и не признает это поклонение предкам.

Но теперь в эту проблему вмешался новый фактор. Западный материализм распространяет свое пагубное влияние на Китай; образованные слои Японии смело заявляют, что давно перестали верить в какую-либо религию, и настойчиво призывают Китай последовать их примеру, и таким образом положение полностью меняется. Поклонение предкам, со всеми сопутствующими суевериями, имеет тенденцию исчезать там, где преподаются западные знания. Боксеры не были лживыми пророками, когда говорили своему народу, что они или западная цивилизация, как они ее понимали, должны покинуть Китай, и что они не могут сосуществовать. Эта позиция, безусловно, должна вызывать глубочайший интерес. Вряд ли можно представить себе, что раса, столь глубоко убежденная в реальности духовного мира, в целом примет веру в то, что духов не существует. Столь же немыслимо, чтобы при современном западном образовании люди поверили в духа, который следует за мусором, или в духа, разгневанного горными работами. Религиозные чувства Китая будут как бы вывернуты наизнанку западными знаниями. Наступит ужасный момент, когда молодой человек со всей дерзостью юности откажется верить в Бога или в дьявола и бросится в любую дикую анархическую и социалистическую схему, чтобы удовлетворить свою жажду действия.

Это ужасный момент, который, как мы видим, быстро развивается в Японии и среди вестернизированных китайцев; но за этим ужасным периодом наступает более светлый день, когда Китай вновь утвердит свои естественные чувства и примет христианство как единственную разумную религию, согласующуюся с современной наукой и верой в духовный мир. Вопрос политики, требующий решения, заключается в том, разумно ли перед лицом этого великого западного движения неверующих слишком радикально относиться к уважению к предкам. Западное образование должно устранить свои предосудительные черты, а христианство может принять измененную форму этой веры, которая не полностью противоречит доктрине воскресения мертвых.

ГЛАВА XIII

КОНФУЦИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЗАПАДНАЯ КУЛЬТУРА

На Западе не осознают, насколько современное движение в Японии обязано своей силой и жизнеспособностью местному движению, которое приветствовало перемены. В Японии буддизм потерпел крах, доминировала одна школа конфуцианства, которая верила в перемены, и поэтому было сравнительно легко внедрить обширные изменения западной цивилизации. Не было религии, корни которой глубоко укоренились в сердцах людей, чтобы противостоять таким переменам. Синтоизм еще не был заново открыт и утвержден, и представлял собой лишь массу суеверий, без какой-либо литературы или организации. Таким образом, именно сочетание этих фактов с угрожающим отношением западных держав сделало несбыточными все пророчества людей, знавших Восток. Никто не понимал жизненной силы движения в Японии. Если бы тридцать лет назад кто-то написал книгу, доказывающую, что Япония однажды победит Россию, люди бы посмеялись над этим предположением, а авторитет людей, всю жизнь проживших на Востоке, был бы приведен в доказательство того, что восточная раса никогда не сможет полностью принять западную

цивилизацию. Пророки были введены в заблуждение прецедентом Индии и Турции. Там западную цивилизацию встретили религии, чьи догматы противостоят западной мысли, и пока эти религии существуют, западные взгляды будут мало продвигаться вперед; но в Японии не было такой религии, а в Китае ее нет и по сей день. Буддизм Китая, как и буддизм Японии, может удовлетворить тягу к духовной религии необразованных и невежественных людей; но на мыслителей обеих рас - государственных деятелей, писателей, лидеров - буддизм влияния не оказал. Даосизм внес свой вклад в развитие мысли и суеверий Китая, но ни в коей мере не является важным фактором в его развитии; философия Конфуция - единственная жизненная сила в стране.

Ее доктрины ни в коей мере не противоречат нашей цивилизации; она учит главным образом тому, что человек должен быть искренним по отношению к своей высшей природе; она глубоко верит в величие человеческой природы и очень неадекватно объясняет, следовательно, неудачи этой природы. То, что человек должен быть искренним, чтобы проявилась вся красота его природы, - один из главных постулатов, а то, что эта красота должна быть украшена знанием, - естественное следствие. Она берет на себя реформу мира, убеждая правителя в его долге и через него заставляя управляемых идти по правильному пути, что очень сильно контрастирует с религией нашей Библии, хотя, возможно, и не с политическим христианством. Во всем ее учении заложена мысль о том, что подданные будут подчиняться своим правителям не только внешне, но и внутренне, в своих взглядах и убеждениях.

Конфуцианство не верит в правительство народа, от народа, для народа; но оно очень сильно верит в правительство для народа правителями. Многие из его афоризмов можно было бы вырезать в виде текстов и повесить в Палате общин с большой уместностью. Она постоянно изображает упорядоченное мирное государство, в котором достоинство правительства хорошо поддерживается, где рабочий человек получает прибыль от своего труда благодаря справедливости и миру, а торговец богатеет в уверенной безопасности. Во всем этом учении он не противопоставляет себя западной цивилизации. Конфуций выступает за реформирование общества с помощью государства. Поэтому санитарные законы, законы об образовании, законы о воздержании Запада полностью соответствуют учению Конфуция. Отличие этого учения от западного состоит в том, что оно не верит в демократию. Однако конфуцианство не заботится о рождении человека: для конфуцианца все люди рождаются равными, как и для христианина; и поэтому конфуцианство на протяжении многих веков приветствовало людей самого низкого происхождения в качестве губернаторов, если они могли сдать необходимые экзамены, и, предоставив все возможности людям всех классов стать чиновниками, оно поручает им, а не народу, управление страной.

С другой стороны, конфуцианство противостоит западной цивилизации. Конфуцианство глубоко верит в достоинство правительства; их классики полны примеров людей, которые, рискуя жизнью, бросали вызов королям и сохраняли достоинство своего положения; и эта доктрина достоинства, следовательно, очень глубоко укоренилась в китайской мысли; в действительности она является основой той любопытной доктрины "лица", согласно которой человек скорее сделает все, чем признает свою неправоту. Один великий миссионер рассказывает, как однажды его замечательная работа в Тяньцзине оказалась под угрозой разрушения из-за того, что мальчик с юга Китая сбил с велосипеда мальчика с севера, в результате чего колледж вскоре разделился на две фракции по вопросу о том, кто должен платить за пострадавший велосипед. Вопрос удалось уладить лишь с трудом: президент заплатил за велосипед и выставил счет виновному мальчику; но тот не возражал против

оплаты - он хотел признать, что был неправ. В этом же колледже был и другой случай, когда мальчика побудили признаться в том, что он умышленно оскорбил учителя. Он был готов скорее подвергнуться исключению, чем открыто признаться в своей вине. Он был несчастен перед перспективой покинуть колледж, и когда к его лучшим чувствам обратились с призывом сказать, что он сожалеет, он печально покачал головой. Наконец его спросили: "Неужели за всю свою жизнь вы ни разу не признали, что были неправы?" "Нет", - ответил он с гордым видом, - "*никогда*". Как ни омерзительна и отвратительна эта доктрина в частной жизни, я думаю, что имею авторитет святого Августина, утверждающего, что максимум хорошего правительства является то, что, как бы ни был неправ приказ, начальник не должен признавать свою ошибку, настолько необходима эта доктрина достоинства для правительства. Таким образом, китайское выражение "лицо" стало общепринятым в качестве хорошего английского выражения, когда речь идет о правительствах.

Несомненно, именно это чувство достоинства придает китайскому чиновнику такой авторитет. Во многом это может быть и элементом слабости. Я был удивлен, узнав, что чиновники в Ямене никогда не были в городских магазинах; это ниже их достоинства. Им приносят товары, и они покупают их в своих домах. Например, нам рассказали, как в Чанше в магазине были выставлены два патристических барельефа, один из которых изображал западников, приносящих дань императору Китая, а другой - западную женщину, закованную в цепи и растрепанную, которую вели в качестве рабыни. Конечно же, наш замечательный и самый эффективный представитель, консул Хьюлетт, немедленно обратился к губернатору, и недопустимые фигуры были убраны; но китайские чиновники заявили, что они совершенно не знают, что происходит в магазинах города, потому что никогда туда не ходят.

Очевидно, что такая высокая оценка достоинства делает большую часть западного правительства антипатичной для китайца; он не может сочувствовать цивилизации, которая восхищается управлением посредством шумной агитации, вульгарных плакатов, непристойной журналистики. Такая агитация в пользу женского избирательного права немыслима и отвратительна для ума китайского мыслителя; что женщины, чье достоинство таково, что их никогда не должны судить в публичном суде; что образованные дамы, чьи имена в Китае едва ли должны упоминаться из-за их возвышенного положения, должны бороться в публичной толпе и быть арестованными, - это одна из тех загадок западного правительства, которые достойный восточный ум никогда не сможет понять.

Конфуцианство само по себе не является неблагоприятным для западной цивилизации, и его огромное влияние в Китае, несомненно, в значительной степени ускорит вестернизацию этой огромной империи. Например, политика образования - это политика, которой Китай придерживается уже много лет; все, что делают китайцы, - это меняют цель этого образования. Раньше целью образования было дать людям полное знание китайской классики, теперь же оно направлено на то, чтобы дать им в дополнение к этому знания о Западе и естественных науках; поэтому такой выдающийся конфуцианский ученый и такой ярый консерватор, как покойный Чанг-Чи-Тунг, был главным сторонником западного образования.

В Китае, где газеты известны уже давно и который может похвастаться тем, что является страной, где издается самая старая газета в мире - "*Пекинская газета*", также быстро развивается пресса по западному образцу. Переводы западной литературы, издаваемые Обществом христианской литературы, с жадностью читаются расой, которая высоко ценит литературу, независимо от того, на какую тему она написана, и у которой для одного из своих императоров есть эпитет не хуже, чем "книгоноша".

Хотя конфуцианство не является антипатичным по отношению к западной цивилизации в целом и своей философией и литературой поощряет воспитание в духе западных идей, эти идеи, боюсь, окажутся роковыми для той могущественной системы этики, которая сохранила Китай и позволила ему столько раз побеждать своих завоевателей. Страны, которые никогда не знали Конфуция, преуспевают гораздо лучше, чем те, которые учились у него. Тот факт, что он всегда утверждал, что любая раса, которая следует его учению, будет процветать, в сочетании с тем, что Китай, с его великолепными ресурсами и огромным населением, намного беднее и слабее, чем страны, которые ничего не знают о его учении, является достаточным основанием для осуждения этой философии. В этом отношении в учениях христианства и конфуцианства есть заметная разница. Христианство, на примере своего основателя, учит, что мир должен быть реформирован через человека; и что разрушение государства, будь то Иерусалим или Рим, является лишь болезненным инцидентом в восходящем движении человечества. Если бы каждое западное государство было разрушено, истинный христианин лишь дольше бы размышлял над чтением пророка Иеремии; но когда Китай, родина конфуцианства, осознает свое бессилие перед лицом Запада, он в печали и сожалении закроет книги Конфуция, как книги, которые вели государство к разрушению, даже если это учение было приятным и прекрасным.

Один великий китаец понял, что таково положение Японии, и сказал мне, что он не верит, что в Японии кто-то действительно верит в буддизм, конфуцианство или новообретенный синтоизм; и что, поскольку они еще не приняли христианство, они находятся в состоянии, одиозном как для Запада, так и для Востока, будучи лишены моральных ориентиров в этом мире. Современное положение Японии, по всей вероятности, будет соответствовать завтрашнему положению Китая, как в отношении созидательного, так и разрушительного воздействия западной цивилизации, если только христианство не сможет заполнить вакантное место в китайской мысли. Никогда еще христианскому миру не представлялась такая возможность, как эта огромная масса населения, объединенная под названием Китай, оставшаяся без крова в результате действия мировой мысли.

Те миллионы людей, которые жаждут духовной религии и которые в прошлом находили некоторое утешение в запутанной и развращенной вере китайского буддизма, теперь готовы с открытым сердцем выслушать любого, кто готов научить их более высокой и духовной религии. Конфуцианский ученый, осознающий долг, которым Китай обязан учению мудреца, и в то же время чувствующий, что западная цивилизация подрывает его авторитет и оставляет Китай без нравственного ориентира, с готовностью принимает учение философа-моралиста, готового показать, что конфуцианство по сути правильно и имеет в себе доказательства Божественной истины, но что оно ошибается только в том, что не понимает, что полное спасение человека может быть достигнуто только теми, кто обращается к его духовной природе, а также к его нравственным чувствам.

Если христианство завоеует Китай, то одним из первых его действий будет восстановление Конфуция в том положении, с которого его сверг западный материализм; но задача была бы бесконечно легче, если бы христиане могли сразу же предпринять эффективные действия. Каждый прошедший день усложняет положение. Каждый конфуцианский ученый, который закроет свои книги и откроет книги философа-материалиста Запада, станет дополнительным препятствием на пути христианизации Китая. Большая опасность заключается в том, что Запад, не понимая, что происходит на Востоке, упустит эту возможность и позволит западному материализму утвердиться в Китае, как он уже утвердился в Японии. Мир полон примеров упущенных возможностей; будем надеяться, что Китай не будет добавлен к этой печальной категории.

ГЛАВА XIV

ИНТЕРВЬЮ В НАНКИНЕ

Лучшее представление о религии Китая можно получить от самих просвещенных китайцев, и их мнение, вероятно, будет интересно нашим читателям. Следует пояснить, что одной из целей нашего второго визита в Китай было выяснить, будут ли китайские чиновники приветствовать создание университетов, в которых можно было бы преподавать западные знания и атмосфера которых была бы христианской. Когда этот вопрос впервые обсуждался в Англии, он попал в газеты, и я сразу же получил приглашение от директора китайских студентов в Лондоне обсудить с ним эту тему. У меня было две беседы с ним. Меня удивило то, что вопреки всем мнениям среднего англичанина, знакомого с Китаем, он не считал христианский характер университета сдерживающим фактором, но он задал один вопрос, на котором, очевидно, сделал самый большой акцент. Он поинтересовался: "Если в Китае будет открыт университет по таким принципам, как вы предлагаете, вы гарантируете, что преподаватели будут эффективными?" Я сразу же заверил его, что ученые комитеты, рассматривающие этот вопрос в обоих университетах, независимо от того, что еще они сделают, никогда не допустят никого к преподаванию, если он не обладает самой высокой квалификацией. Затем он заверил меня, что не сомневается в том, что эта схема встретит очень большую симпатию в Китае, и что он даст мне рекомендательные письма к различным людям, которые предоставят самую полную информацию по этому вопросу. Среди них было одно к этому самому выдающемуся человеку, Туан-Фангу, вице-королю Нанкина.

Когда я прибыл в Нанкин, я вручил свое рекомендательное письмо через консула, и вице-король самым сердечным образом пригласил меня на тиффин в "Ямен". С еще большей любезностью он прислал за мной свою карету. Мы устроили роскошную трапезу, на которой присутствовало около двадцати чиновников, и, учитывая, что я был иностранцем, мне подали европейскую еду. Они были очень довольны, когда я заверил их, что китайская еда мне нравится не меньше, чем европейская. Мы очень приятно пообедали, обсуждая всевозможные темы. Меня попросили объяснить положение Оксфорда и Кембриджа, и когда я упомянул, что Оксфорду уже более тысячи лет, я, очевидно, утвердил репутацию своего университета намного выше всех конкурентов. Затем вице-король восхитился школьной системой Англии. Он сказал, что школы "похожи на лес", и заверил меня, что проявляет самый большой интерес к образованию, и пообещал после обеда показать мне некоторые из своих школ. Я выразил восхищение китайской образованностью, и он сказал мне, что она делится на четыре главы - мораль, элегантность стиля, философия и манеры. Уважение, которое Его Превосходительство питал к Конфуцию, не мешало ему восхищаться другими философами, особенно Мих-Тъехом, философом, который преподавал доктрину всеобщей любви. Это было тем более примечательно, что в Ханькоу этот же вопрос обсуждался с некоторыми китайскими священнослужителями за воскресным ужином, и они с большим восхищением отзывались о работах этого философа и заявляли, что его учение гораздо более созвучно христианству, чем учение любого другого китайского философа.

Затем Его Превосходительство заговорил об опасности современного образования. Он вполне осознавал очевидное зло, к которому приводит необдуманное поощрение западного образования, не имеющего под собой этической основы. По его словам, они заметили, что те, кто вернулся с Запада, были менее послушны родителям, чем те, кто остался в Китае. Затем мы долго обсуждали, можно ли ассимилировать эти два понятия и дать человеку идеальное иностранное и идеальное китайское образование. Трудность заключалась в том, что люди с прекрасным иностранным образованием слишком часто не могли писать по-китайски с достаточным изяществом, чтобы удовлетворить прихотливый вкус культурного китайского ученого. Все эти разговоры велись за обеденным столом, в основном через переводчиков, с толпой китайских слуг, не входивших в комнату, но выглядывавших в окно, чтобы наблюдать, когда наши нужды требовали их присутствия.

После тифина мы обсудили план создания университета и отношения между конфуцианством и христианством. Его Превосходительство был очень доволен тем, что я проявляю такой интерес к китайским вещам, и сразу же сказал, что, поскольку я проделал весь путь в Китай, чтобы узнать об этих вещах, я должен получить любую информацию. Обратившись к своим секретарям, он сказал им, что на следующий день они должны предоставить ученых, сведущих в конфуцианстве, буддизме и даосизме, чтобы они дали мне всю необходимую информацию, и договорился, что мы с консулом вернемся на следующий день. Затем он предложил нам пойти и осмотреть школу, которая находилась рядом с его дворцом и в которой обучалась его собственная дочь.

Школа была предназначена для детей высшего класса и насчитывала всего около тридцати мальчиков и тридцати девочек. Он провел своего рода неофициальный экзамен, который, как я полагаю, должен был быть очень тяжелым для детей. Первыми пришли Его Превосходительство и я, затем два переводчика, а потом около двадцати чиновников. Когда ученые экзаменовались по западным знаниям, нас просили задать вопрос или посмотреть тетрадь; когда они экзаменовались по конфуцианским знаниям, вопрос задавал Его Превосходительство, а переводчики переводили мне и вопрос, и ответ. Интеллект детей был на очень высоком уровне, и они были очень привлекательны. Форма мальчиков напоминала форму французских школьников, хотя по покрою брюк было видно, что костюм был сшит китайским портным, вероятно, по японскому образцу. Девушки были одеты в серые пальто и брюки и имели натуральные ноги; возможно, это не так примечательно, как кажется на первый взгляд, если вспомнить, что вице-король - маньчжур, а маньчжуры никогда не восхищались искаженной стопой китаянки; но когда они исполняли свои музыкальные упражнения, нельзя было не подумать, что аккуратное пальто, застегнутое на все пуговицы и достигающее до колен, поверх свободных брюк - идеальное платье, которое когда-либо было придумано для женщин. Его Превосходительство не преминул заставить свою собственную дочь встать и задал ей множество сложных вопросов, на которые она ответила очень хорошо, в спокойной и собранной манере. Показав нам эти школы, Его Превосходительство сказал, что мы должны остановиться на третий день и посмотреть многие другие школы в Нанкине.

На следующее утро я был очень огорчен, узнав, что мой друг мистер Кинг, консул Его Величества, слишком нездоров, чтобы присутствовать на беседе, которую я должен был провести с учеными людьми Нанкина, и поэтому с некоторым трепетом, опасаясь, что без его доброго руководства я допущу печальные ошибки в своих манерах, я поехал в Ямэнь. Там меня приняла толпа чиновников, среди которых были два великих конфуцианских ученых со

степенью Ханьлинь, авторитет по буддизму и авторитет по даосизму, знания которого впоследствии оказались крайне малы.

Вежливость китайских чиновников, очарование их манер, сочетание достоинства и добродушия, которые так характерны для их поведения, делают общение с ними восхитительным. Я не думаю, что кто-либо из тех, кто знаком с ними, может быть сильно привлечен их вежливостью и добротой. Все китайцы вежливы, но китайские литераторы, что, наверное, естественно, значительно превосходят своих соотечественников в этой очаровательной характеристике. Я должен добавить, что два переводчика, которых мне предоставили, были людьми, чье владение английским языком было равноценно только их широкой образованности и приятному общению. Один из них был в Англии и действительно был большим путешественником; он проехал через все перевалы, отделяющие Индию от китайского Туркестана; он принадлежал к очень большой семье и вел свой род от одного из ведущих учеников Конфуция.

Сначала мы обсудили конфуцианство. Я начал разговор, спросив, что подразумевается под фразой "высший человек". Позиция была приятной: я находился здесь, чтобы получить наставления, и поэтому мог задавать столько вопросов, сколько захочу. "Высший человек" - это перевод фразы из китайской классики, которую, возможно, лучше перевести как "идеальный человек"; по крайней мере, так я понял от этих джентльменов; и что в работах Конфуция и Менция его качества полностью описаны. С огромной радостью вся компания обрушилась на этот вопрос, и в следующую минуту они вступили в вежливую полемику о том, как именно следует описывать "превосходного человека", и ответили, что он должен быть совестливым человеком, очень верным себе, милосердным, справедливым и правдивым. Когда их спросили, необходимо ли богатство для "идеального человека", они с негодованием отвергли это предположение; "высшим человеком" может быть как нищий, сидящий на обочине дороги, так и вице-король, сидящий в своем дворце. Еще интереснее, когда их спросили, должен ли он быть ученым человеком. В ответах прозвучали сомнения и колебания; доктора снова посоветовались друг с другом, и ответ был таков: "Нет, учиться вовсе не обязательно". Я спросил, может ли "идеальный мужчина" быть некитайцем, и мне ответили, что он может принадлежать к любой расе. Но на следующий вопрос им было гораздо сложнее ответить. Ничто из того, что они сказали, не мешает "идеальному человеку" быть христианином; христианин может быть правдивым, совестливым и милосердным. Я привел случай с иностранным врачом, живущим в их городе, и спросил, как он не подпадает под их определение "высшего человека", но ханьлинские ученые не смогли с этим согласиться; по их мнению, ни один христианин не может быть "высшим человеком". Но мой переводчик добавил, что сам он этого не одобряет; по его мнению, любой человек, отвечающий всем требованиям, должен быть причислен к "высшим людям".

Затем мы перевели разговор на вопрос: "Верил ли Конфуций в Бога или нет?". В этом споре меня наставлял один из самых ученых миссионеров в Китае, доктор Росс из Мукдена. Они утверждали, как он сказал мне, что будут утверждать, что под Небом Конфуций подразумевал Разум. Но Разум не может наказывать виновных, хотя виновные могут быть наказаны из-за отсутствия у них Разума. А поскольку Конфуций в нескольких местах упоминает Небо как силу, которая наказывает, это определение явно неверно. Оно восходит к философу по имени Чу. И снова ученые мужи были поглощены спором, каждый из них наслаждался такой дискуссией. Большинство по-прежнему придерживалось доктрины, что Небо означает Разум, но некоторые придерживались мнения, что оно означает личного Бога. Все закончилось тем, что спор стал довольно жарким, и мне принесли экземпляр перевода китайской классики доктора Легге, чтобы я мог полностью понять их разные точки зрения. В

конце концов мы пришли к выводу, что аргументы в пользу того, что Конфуций верил в личного Бога, имеют значительную силу.

Когда я спросил, как Разум может наказать плохого человека, когда он мертв, и как случилось, что многие плохие люди, как мы все знаем, умерли в богатстве и процветании, они ответили, что после смерти его память была наказана тем, что его плохие поступки стали известны. Я предположил, что если человек умер, то для него это не имеет значения, и что утверждение Конфуция о том, что наказание следует за грехом, подразумевает будущую жизнь. Когда их спросили, учил ли Конфуций, что все тайные грехи должны однажды стать достоянием гласности, наступило красноречивое молчание, и мы оставили эту тему.

Затем мы перешли к обсуждению буддизма, и приятный пожилой джентльмен, опирающийся на палку, был приведен, чтобы проинструктировать меня в доктрине буддизма. По тому, как шутливо и любезно со мной обращались, было очевидно, что это совсем другая почва, чем философия Конфуция. Затем, хотя все были вежливы, все были живо и серьезно заинтересованы, но буддизм рассматривался как самая забавная тема; меня заверили, что в него верят лишь несколько женщин и что никто из присутствующих в комнате не питает к нему ни малейшего доверия. Они объяснили мне, почему Далай-лама приехал в Пекин. Двое из учеников Будды перевоплощались, и величайшим из них был Далай-лама, но невозможно было узнать, в какого ребенка произошло перевоплощение, не придя в монгольский храм в Пекине; тогда бросали жребий, и вопрос был решен. Я сомневался, что старый джентльмен был точен, но, очевидно, никто другой в комнате не имел ни малейшего знакомства с этим предметом; они проводили заметную разницу между буддизмом храма ламы в Пекине и буддизмом монастыря в Ханчжоу, который они называли индийским буддизмом, и говорили, что этот район часто называют Маленькой Индией; но когда я попытался выяснить, сколько сект буддистов существует в Китае или какова природа их догматов, я не смог получить от этих джентльменов никакой информации.

В этот момент к нам присоединился его превосходительство Туан-Фанг и спросил, могу ли я прочесть обнаруженную им санскритскую рукопись, которая, как он понял из приложенных к ней китайских примечаний, относится к буддизму. Он также хотел обсудить происхождение китайских иероглифов; у него была теория, что они пришли из Египта, и он показал множество гравюр иероглифов, которые он сделал с памятников в Египте, чтобы доказать свою точку зрения.

Но я хотел задать несколько вопросов о даосизме. Я пытался понять даосизм и обнаружил, что это очень сложно, и подумал, что эти культурные литераторы смогут мне помочь. Вскоре я был обманут. Никто не верил в даосизм, они ничего не знали ни о его учении, ни о его поклонении. Они предположили, что даосских священников часто можно встретить в буддийских храмах, но один ученый сказал, что это только потому, что даосский священник любит немного подзаработать на продаже благовонных палочек.

Затем Его Превосходительство перевел разговор в другое русло и начал задавать вопросы о христианстве. Его беспокоило то, что Библия, которую он читал, была написана таким плохим стилем. Он хотел знать, считаю ли я, что наш Пресвятой Спаситель обычно писал хорошим стилем или нет. Я объяснил, что изначально Он говорил на арамейском языке, который был переведен на греческий, с греческого - на английский, а затем англичане перевели его на китайский, так что, естественно, китайская версия не может передать всей красоты Его слов. Стоит отметить, насколько сильно китайский ум привлекают все чисто литературные темы, и насколько мало их волнует физическая наука. Например, когда вице-король спросил меня о неподвижном солнце в Книге Иисуса Навина, что привело нас к

естественным наукам, сразу стало ясно, что это предмет, которым эти джентльмены не интересуются.

Затем мы отправились на роскошный обед, приготовленный полностью в китайском стиле. Блюда были изысканно приготовлены и состояли из супа из птичьих гнезд, акульих плавников, белого гриба и всех обычных китайских деликатесов. Гостеприимство хозяина заставило меня пожалеть, что возможности человеческого тела ограничены, и если бы не превосходство китайской кухни, то диспепсия должна была бы стать результатом. За обедом мы обсуждали всевозможные темы, и я заметил, насколько чувствительны мои хозяева к малейшей невоспитанности. Они в самых резких выражениях отозвались о нашем общем друге, европейце, потому что ему не хватало вежливости. Они также обсуждали вопрос о связывании ног. Они были убеждены, что от этой привычки отказываются, и уверяли меня, что она причиняет девушкам мучительные страдания. По их словам, молодое поколение китайских джентльменов не станет жениться на женщинах с деформированными ногами.

Я покинул Ямен, будучи большим поклонником культуры, способной сделать людей такими приятными. Если им не хватало прямоты в спорах, они были очень приятны в своей крайней вежливости и невозмутимом хорошем настроении. Я всегда буду вспоминать дни, проведенные в Нанкине, как одни из самых приятных в моей жизни.

ГЛАВА XV

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЕ МИССИИ В КИТАЕ

Вполне справедливо поставить на первое место среди влияний, которые христианизуют и изменяют Китай, французскую, итальянскую и другие миссии Римско-католической церкви. Наше первое знакомство с замечательной работой, которую выполняют эти миссии, произошло во французском Китае, в очень интересном, но самом вредоносном месте - Сайгоне. Нас с величайшей любезностью принял су-губернатор в Доме французского правительства - дворцовой резиденции, достойной скорее императора, чем губернатора, по сравнению с которой Дом правительства в Гонконге кажется просто домиком. Однако и там жизнь была едва ли выносима даже под электрическим вентилятором. Жара стояла удушающая. Выехать на машине было невозможно, разве что посреди ночи, и поэтому нас развлекали тем, что ночью повезли посмотреть на первый проблеск китайской цивилизации, ведь китайцы когда-то доминировали в этой стране и оставили свою цивилизацию после себя.

Когда мы ехали обратно, наш французский хозяин потчевал нас рассказами о людях и, между прочим, упомянул об огромной силе, которую христианство имеет в этих колониях. На нас произвело большое впечатление его свидетельство эффективности миссионерской работы, ведь французский чиновник далеко не благосклонен к Римско-католической церкви. Он сказал нам, что не только большая часть страны вокруг Сайгона является христианской, но христианство настолько важно, что Церковь без труда получает достаточно денег для строительства великолепных церквей. На следующий день я встретился с епископом. Он

представлял собой великолепный тип римско-католического миссионера, с белой бородой и учтивыми манерами. Мы встретили несколько таких в наших странствиях, ведь католические миссии распространены по всему Китаю и основаны уже много лет. Он говорил о большом успехе этой работы и считал, что враждебность французского правительства в некотором смысле предпочтительнее его покровительства, поскольку личная жизнь многих чиновников далека от восхищения. Их мораль больше подходит для эпохи Реставрации, чем для двадцатого века. Любовница губернатора была человеком, которого признавало и обхаживало официальное общество, и, возможно, в пользу миссии сыграло то, что в сознании туземцев христианство было отделено от таких дурных поступков.

Я спросил его, как он переносит климат, который мы с трудом выдерживали в течение двух дней. Он ответил, что для миссионера, ведущего целомудренный и умеренный образ жизни, климат вполне прохладный, но правительство считает его ужасным для своих чиновников. Возможно, это и правда, но все же я думаю, что целомудренные и умеренные англичане сочли бы климат Сайгона невыносимым. Говоря о здоровом или нездоровом климате, мы не делаем достаточной поправки на происхождение миссионера. Если он родом из Марселя на юге Франции, нет ничего удивительного в том, что он найдет вполне терпимыми страны, где летом не жарче, чем на его родине.

Историю католических миссий, по-видимому, можно разделить на три периода. Первый период заканчивается в 1742 году и начинается с первой миссии иезуитов под руководством отца Риччи в 1584 году. В течение этого периода римско-католические миссии, возглавляемые рядом людей с выдающимися способностями, пытались и почти преуспели в обращении Китая "сверху вниз", поскольку благодаря своим замечательным научным достижениям миссионеры получили важные посты при китайском правительстве. Падение династии Мин и завоевание Китая маньчжурами только улучшило их положение; они руководили не только правительственной астрономической обсерваторией, но даже арсеналом и стали картографами империи. У них было много приверженцев, в основном среди ученых. Христианство, как и конфуцианство, было по достоинству оценено интеллектом страны. Проводя эту политику, они пытались согласовать христианство с мыслями китайских литераторов; такой процесс, несомненно, был крайне опасен, но они считали, что можно терпеть поклонение предкам и почитание Конфуция; были ли они правы или ошибались, пока они это делали, у христианства было много образованных приверженцев.

Затем в Китае появился другой тип миссионеров - доминиканцы, которые компенсировали фанатизмом то, чего им не хватало в мудрости. Эти люди оскорбляли все предрассудки китайцев; они преподавали самую суровую и узкую форму римско-католической доктрины. Нога должна была соответствовать обуви, а не обувь - ноге. Начались беспорядки и волнения, доминиканцы обвиняли высокопоставленных иезуитов в том, что те отреклись от веры и приняли высокий пост как награду за неверность. Были поданы апелляции в Рим. Рим, находящийся за многие тысячи миль, колебался, не в силах, вероятно, понять ни сути спора, ни его важности. Героизм миссионеров, преодолевших многие мили моря и потерпевших кораблекрушение, пытаясь добраться до Рима, читается как роман. Но в 1742 году вопрос был окончательно решен Бенедиктом XIV в булле "Ex quo singulari", и иезуиты потерпели поражение - поражение, которое завершилось их подавлением в Китае в 1773 году.

С их поражением римские миссии вступили во второй период своей истории. Ими больше не руководили очень способные люди, и они стали скорее Церковью бедных, чем богатых. Они подвергались постоянным гонениям и, чтобы обрести вес и положение, в конце концов приняли в качестве своих покровителей французов, находившихся тогда в зените своего

могущества. Такой курс неизбежно предполагал, что они должны делать все возможное для продвижения французских интересов, и римско-католические миссии все больше и больше становились дополнением французской дипломатии, защищали Францию и на своей стороне продвигали интересы французов. Невозможно точно сказать, когда началась эта политика. Людовик XIV посылал большие подарки императору Китая, но, похоже, у него не было никаких намерений, кроме того, чтобы одобрять и придавать вес римско-католическим миссиям. Кто-то указал Наполеону I на огромную ценность Китая, и этот человек великих идей, всегда мечтавший о той империи на Востоке, которую ему так и не удалось основать, очевидно, решил, что из этого можно что-то сделать. Он помогал миссионерским обществам - любопытно вспомнить Наполеона I как сторонника иностранных миссий. Этот акт, как и большинство других французских секретов того времени, дошел до ушей Питта; он позаботился о том, чтобы информация дошла до императора Китая, и послал по надежному каналу совет, что император Китая должен смотреть на римские миссии как на опасные, а на Францию как на "злую державу". Был ли этот совет принят к сердцу, сомнительно. Римские миссии были непопулярны в Китае; тем не менее у них были влиятельные друзья; но обнаружение у одного из их миссионеров карт Китая, предназначенных для использования иностранными государствами, убедило ее в истинности английского предложения, и римские миссии были подавлены в начале девятнадцатого века неумолимой рукой. В 1840 году разразилась первая внешняя война между Китаем и Западом, и после этого католические миссии все больше и больше становились придатком французской политики. Независимо от того, имели ли французы отдаленные намерения завоевать Китай, или просто рассматривали его как выход для своей торговли, они использовали католические миссии как средство, с помощью которого можно было продвигать французские интересы. Конечно, автор книги *Les Missions Catholiques Françaises* без колебаний предполагает, что Франция была вознаграждена за защиту миссий ростом торговли.

В 1842 году, в результате войны, был подписан договор, о котором мы уже упоминали, а в 1860 году за ним последовал другой. Оба они предоставляли миссионерам широкие права. Можно ли удивляться, что миролюбивый китаец, оглядываясь на историю, с трудом понимает, почему за проповедниками Евангелия любви так часто следовали армии и флоты военных рас Запада? Камень в фундамент этой политики распространения христианства с помощью силы и влияния иностранного государства был положен эдиктом, который незадолго до этого предшествовал движению боксеров. Этот эдикт поразил даже римских католиков, ведь автор книги *Les Missions Catholiques Françaises au XIX. Siècle* говорит о том, каким необычайным сюрпризом он стал для римско-католического корпуса. Этот указ предписывал, что епископы и священники должны иметь в Китае официальный ранг; что епископы должны быть равны по рангу наместникам и губернаторам, генеральные викарии и архи-священники должны быть равны казначеям и судьям, а остальные священники - префектам первого и второго класса; И что если возникнет какой-либо важный вопрос, связанный с миссиями, епископ или миссионеры должны обратиться к министру или консулу, которому папа доверил защиту католиков. Эдикт завершается тремя предписаниями. Во-первых, народ в целом должен жить в мире с католиками; во-вторых, епископы должны наставлять католиков жить в мире с остальным миром; и, наконец, судьи должны справедливо судить между католиками и не католиками.

Этот эдикт, пожалуй, можно рассматривать скорее как победу французской дипломатии, чем Римской церкви. Французская дипломатия превратила всю римско-католическую деятельность в агентство по национальному возвеличиванию Франции; римско-католическая церковь продалась французскому правительству; ее старая традиционная политика использования сил мира сего для распространения христианства вовлекла ее в это

положение; и она представила христианство своим новообращенным как нечто, что, как бы ни была велика его духовная выгода, имело также очень реальные мирские преимущества. Церковь - это великое общество, которое защитит вас в этом мире, а также даст вам обещания безопасности в мире грядущем. Поэтому она установила регулярную систему, с помощью которой ее приверженцы защищались в любом судебном процессе или нападении. Однако такое вмешательство в судебные процессы было свойственно не только римским католикам. Это старый китайский обычай, с которым соглашались и римляне, и представители других конфессий; тем не менее Римско-католическая церковь преувеличивала его до тех пор, пока не обрушила на него гнев китайского официального мира.

Западному человеку с его представлениями о независимом суде трудно понять эту систему. Судебный иск не рассматривается в Китае как вещь, которая должна быть решена просто по существу. Они являются лишь одним из факторов при принятии решения. Общее стремление состоит в том, чтобы при прочих равных условиях справедливость восторжествовала; но наряду со справедливостью судья должен учитывать социальное положение тяжущихся сторон и их способность к мести или вознаграждению. Лучшая аналогия с китайским судебным процессом - это английские выборы. Если вы почитаете речи и обращения, то поймете, что все желание кандидата, участвующего в английских выборах, заключается в том, чтобы справедливость восторжествовала, но на практике вы вскоре обнаружите, что необходимо учитывать и влияние отдельных людей. Кандидат, который всегда пренебрегает справедливостью, повсеместно осуждается; но кандидат, который сознательно оскорбляет влиятельных людей, который не готов уступать и принимать, жертвовать убеждением здесь, продвигаться немного вперед за черту справедливости там, в равной степени не может получить голоса избирателей; и в Китае судья находится в том же положении, что и кандидат в Англии. Если он убежден, что за определенным делом стоят очень влиятельные люди, которые могут обеспечить ему более выгодное назначение и более высокое жалованье или которые, если их разозлить, могут даже добиться его увольнения с должности, он решает дело в пользу этого истца. Если же стороны примерно равны по влиянию и силе, то, как и в случае с английским кандидатом, он рассматривает вопрос о справедливости дела, и поэтому первое, что делает тяжущийся, - пытается заручиться всей доступной ему поддержкой влиятельных лиц. Китайские чиновники рассказывали мне, что их карточки должны быть напечатаны с надписью "только для посещения", иначе их крадут и используют без их ведома в интересах какой-нибудь тяжбы, и английские протестантские миссионеры подтвердили эту историю.

Хотя это вмешательство в судебные процессы является всеобщим обычаем, его крайнее применение свойственно только римским католикам. Напасть на римского католика означало направить против себя всю мощь его миссии, за которой стояла дипломатия Франции. Именно для реализации этой политики римские католики стремились занять официальные должности. Чиновник не станет разговаривать с тем, кто ниже его по рангу; миссионеру очень трудно попасть к наместникам; но если римская иерархия имела такой высокий официальный ранг, епископу достаточно было нанести визит в своем зеленом официальном кресле, когда, по строгому этикету Китая, его должны были принять со всей вежливостью, а его визит должен был быть ответным. Чтобы получить эти привилегии, римские католики были готовы продать Франции большую и несомненное влияние, которым они обладали среди многих тысяч людей в Китае. Есть определенная поэтическая справедливость в том, что Римско-католическая церковь страдает от действий французского правительства внутри страны.

Тем не менее справедливость заставляет нас помнить, что они были не одиноки в такой политике. Миссионеры других конфессий и других стран опирались на защиту иностранных держав и вмешивались в судебные процессы своих новообращенных. Один протестантский миссионер из южных штатов Америки откровенно защищал эту систему. Он смело утверждал, что невмешательство в судебный процесс будет просто неправильно понято китайцами. В молодости он категорически отказался вмешиваться в дело, в котором притесняли вдову, и один китайский джентльмен, не исповедующий христианство, побеседовал с ним и после некоторых иносказаний упрекнул его в черствости сердца, что он, учитель религии любви, должен пренебрегать вдовой в ее нужде. Тем не менее, Римская церковь, как и в Ирландии, как и во Франции, как и в Италии, является институтом, который по своей сути является политическим; и традиционная политика Римской церкви была проведена в Китае с неизменным результатом: сначала, когда власть государства используется для продвижения ее догматов, она становится сильной, а затем, когда эта власть отменяется или становится враждебной, она чувствует потерю земной поддержки, на которую она полагалась, и, очевидно, становится слабее. Однако это лишь преходящее явление; Римская церковь, например, не слабеет, а крепнет, теперь, когда она потеряла поддержку французской дипломатии, а миссии вступили в свою третью эпоху, когда они проповедуют христианство без особой поддержки иностранного правительства и добиваются успеха. Ибо мало найдется в мире людей более героических и преданных, чем римские миссионеры; они умирают от лихорадки, подвергаются резне, живут на жалкие гроши; мне рассказывали, что один просвещенный миссионер, некогда профессор Парижского университета, жил на 12 фунтов стерлингов в год; и их героизм и самоотречение приносят большую награду.

Их самые красивые и самые успешные работы - это детские дома, которые они содержат. Они принимают всех детей, которых китайские матери бросают умирать либо из-за бедности, либо из-за того, что они девочки. Этих детей воспитывают с бесконечной заботой и добротой, обучают вышивке, кружевоплетению и другим ремеслам. Нет более прекрасного зрелища, чем один из таких приютов, где счастливые дети усердно трудятся и радуются, как радуются приятному труду только китайцы. Когда эти дети вырастают, их выдают замуж за христиан, и из них вырастает коренное христианское население, которое никогда не знало ужасов язычества. Как правило, они живут небольшими обществами. Я полагаю, что на Янцзы есть остров, который полностью заселен христианами. Работа может быть великой, но и цена ее велика. Многие жизни были отданы за то, чтобы эти дети стали христианами.

Мне вспоминается одна сцена в Ичанге. Рядом с городом возвышается большой сиротский приют, и когда мы его посетили, то увидели, что французские сестры выглядят изможденными и бледнее своих белых одеяний. В приюте разразилась эпидемия оспы, и из 140 сирот 28 умерли от оспы, кроме того, сестры сами страдали от малярии. Можно только восхищаться самоотверженностью этих женщин, живущих вдали от родной страны, ухаживающих за детьми, за которыми никто не ухаживает, и получающих в награду ненависть и непонимание со стороны китайцев. Епископ, принадлежащий к этой миссии, был убит, и один брат-мирянин сказал мне, что это произошло потому, что их обвинили в краже детей, чтобы делать из их глаз западные лекарства. Эта странная клевета возникла, очевидно, из-за непонятного для китайцев желания спасти и сохранить жизни чужих детей. В китайской этике нет места такому альтруизму. Ваш долг никогда не выходит за рамки ваших собственных отношений, будь то кровное родство или официальное положение. Однако у этого понятия есть и другая причина. У римских католиков есть система местных агентов,

готовых крестить любого умирающего ребенка, будь то язычник или христианин. Эта система очень хорошо организована. Некоторые из этих агентов передвигаются по округам, а некоторые остаются на постоянных местах. Возможно, китайцы не могут понять этот методичный поиск умирающих детей, и поскольку необходимо найти причину, а причина, которая кажется наиболее вероятной для китайского ума, - это какая-то форма личной выгоды, они придумали эту клевету.

Независимо от того, одобряем мы или не одобряем действия римских католиков в целом - а наши чувства по этому поводу, вероятно, весьма неоднозначны, - мы должны признать, что они являются очень важным фактором в переменах, которые происходят в Китае. На протяжении веков они стояли перед китайцами, ассоциируя с христианством науку и знания, которыми китайцы всегда восхищались. Замечательная работа, проделанная иезуитами в восемнадцатом веке, заложила традицию превосходной научной работы, которую поддерживают ученые братья обсерватории Зиккавей. Многие сотни жизней были спасены на море благодаря великолепной метеорологической службе, которую они организовали, и моряк, которому нет дела ни до римлян, ни до протестантов, спускается на Бунд, чтобы узнать, что братья Зиккавей могут сказать ему о вероятности тайфуна. Польза от их службы, хотя и большая, не ограничивается количеством жизней моряков, которые сохраняет их наука; их наука - это предметный урок для китайцев, особенно полезный в то время, когда материализм дразнит христианство обскурантизмом.

Миссионеры на местах не вполне осознают связь, существующую между их собственной работой и работой других деноминаций. Человек на миссионерском поле видит свою часть работы и понимает, что она провальная или успешная, но он не осознает, насколько тесно этот успех или неудача связаны с мировыми движениями, над которыми он имеет лишь самый незначительный контроль. Эти мировые движения зависят от многих факторов, которые, должно быть, находятся за пределами его непосредственного знания, и одним из факторов, влияющих на успех протестантских миссий, является широкое влияние католической работы. И наоборот, каждая новая протестантская миссия, открывающая двери школы или колледжа, вероятно, увеличивает число римских католиков в Китае. Вопрос, который ставится перед китайцем, не звучит так: "Ты будешь римлянином или протестантом?". Именно такой вопрос был задан европейцу в XVI веке. Вопрос звучит так: "Станешь ли ты материалистом или христианином?". И ответ на этот вопрос должен во многом зависеть от его впечатления от интеллектуальной эффективности и высокого морального тона тех, кого он называет христианами. Я отчаялся убедить своих друзей-протестантов в том, что репутация братьев Зиккавей - ценное подспорье в евангельской работе, и в равной степени отчаялся убедить римского католика в том, что великолепные образовательные учреждения американского протестантизма - одна из причин, по которой их число растет скачками; но китаец, вероятно, сочтет это замечание самоочевидным.

Насколько незначительными кажутся различия, которые мы считаем столь глубокими, я впервые убедился, когда мы проплывали по Красному морю на французском пароходе в компании с коптскими школьными учителями, которые собирались цивилизовать подданных Менелика в Абиссинии. Поскольку это было воскресное утро, эти молодые люди подошли ко мне, чтобы попросить объяснить церемонию осмотра корабля, которую с некоторой помпой проводит в этот день французский капитан. Имея совершенно преувеличенное представление о религиозности французов, они решили, что это христианская церемония, и когда я объяснил им, что на французском корабле незаконно проводить службу, они расстроились, так как объяснили, что, хотя они получили образование в разных кругах, в религиозных вопросах они были единодушны. Один из них учился в протестантском

колледже в Бейруте, а другой - в иезуитском колледже в Каире, что, добавил он в пояснение, практически одно и то же. Среднестатистический китаец счел бы это утверждение точным.

Во всяком случае, никто не может сомневаться в важности римско-католической работы в Китае. Сейчас они утверждают, что у них более миллиона приверженцев, которых обслуживают около двух тысяч священников, а когда читаешь, что они заявляют, что только в Пекине за один год приняли тридцать три тысячи новообращенных, понимаешь, какой силой они являются в христианизации Китая. На Западе такие цифры означали бы крах протестантизма, но в Китае они означают рост общего христианства, на которое могут влиять все деноминации и в котором все деноминации могут иметь свою долю. Помните, что хотя миллион христиан - это огромное число, оно мало по сравнению с четырьмястами миллионами, которые сегодня составляют население Китая.

ГЛАВА XVI

ДРУГИЕ МИССИИ

Хотя римско-католические миссии были первыми в этой области на протяжении нескольких столетий, не следует думать, что они являются единственным христианским влиянием. Работа других организаций обширна и очень важна. Первопроходцем была Лондонская миссия, которая начала работу под руководством доктора Моррисона в 1807 году. Вскоре после них, в 1812 году, начало работу Британское и иностранное библейское общество. Но до заключения договора 1842 года большой миссионерской работы не велось. Тогда стали возникать общества за обществом. Одним из самых ранних было Миссионерское общество Церкви Англии, которое ведет очень обширную работу, особенно в Восточном Китае. Среди первых его миссионеров были два брата-ветерана, епископ Моул и архидиакон Моул, которые на протяжении полувека мужественно и самоотреченно возглавляли его ряды. Пресвитерианская миссия не отставала от них, а американские методистские миссии начали работу практически в то же время; и так миссии продолжали расти, пока в Китае не появилось более шестидесяти миссий, помимо римско-католических, со штатом более трех тысяч пятисот белых работников и новообращенных, насчитывающих более четверти миллиона человек.

Люди, выступающие против миссий, сразу же скажут, как жаль, что христианство должно представлять язычникам такую картину разделения, и они, вероятно, найдут большое количество людей, сочувственно относящихся к миссиям и искренне согласных с ними. Несомненно, было бы гораздо лучше, если бы христианская церковь представляла всему миру картину единства. Было бы гораздо лучше, если бы мы все думали одинаково; но если мы не можем думать одинаково, то было бы большой ошибкой стремиться к единству, поощряя людей подавлять свои убеждения. Единство очень ценно, но оно никогда не может быть настолько ценным, как истина и честность. Гораздо лучше принять правду и сказать, что мнения расходятся, чем отрицать истину и скрывать разделение, которое действительно

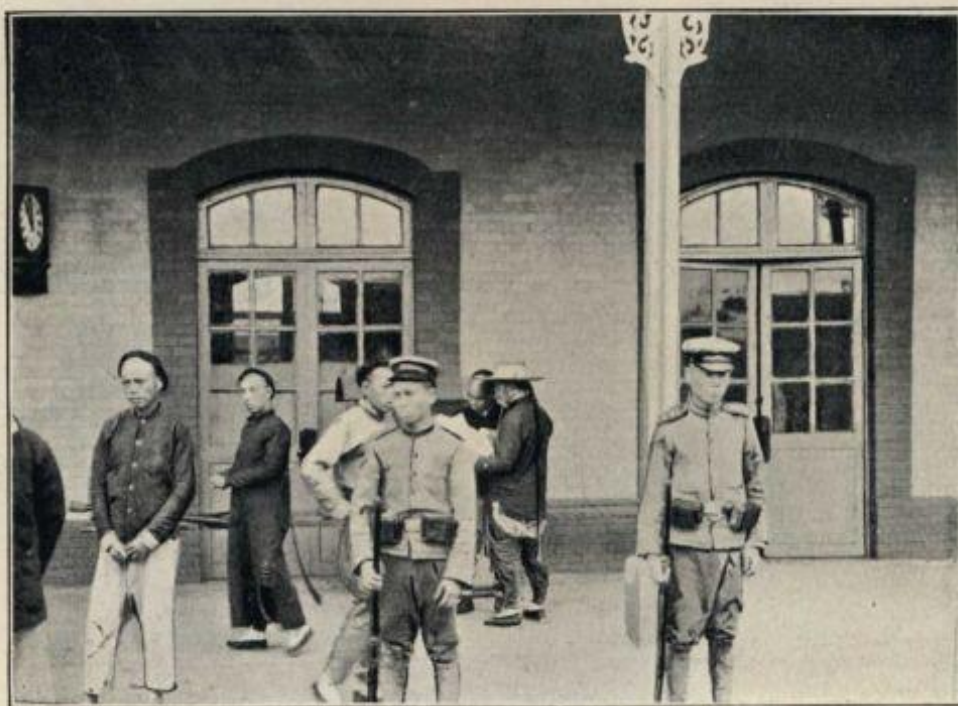
существует, чтобы создать ложную видимость единства. Если это верно для других частей мира, то для Китая это еще более верно. Ее национальная тенденция заключается в том, чтобы считать убеждения малозначимыми, а с другой стороны, делать большой акцент на единообразии. Возможно, следует сказать, что это естественный результат авторитарического правления. Авторитарическое правительство естественным образом поощряет доктрину, согласно которой все должны соглашаться с авторитаром. Прогресс Запада был достигнут благодаря поощрению свободы мнений, поэтому люди, которые должны излагать великие доктрины западной цивилизации, по праву предстают перед китайским миром, демонстрируя большое разнообразие взглядов.

Очень прискорбно, когда свободу меняют на тиранию, когда принятие одного мнения влечет за собой гонения на другое, когда христиане не только расходятся во мнениях, но и преследуют и препятствуют усилиям друг друга. Возможно, это зло в нашей стране, зло, которое, как мы надеемся, скоро пройдет, но в Китае этого зла не существует, разве что между римскими и неримскими телами.

Существуют большие разногласия. Крайняя ритуалистская позиция умело представлена в Китае, ультрапротестантская позиция имеет столь же способных представителей, и я видел, как они объединились на Шанхайской конференции, защищая Апостольский символ веры от нападок латифундистов. Для китайцев, я думаю, они представляют собой не различные противостоящие друг другу организации, а скорее разные полки одной армии, намеревающиеся свергнуть одного и того же врага; и хотя они одеты в разную форму и используют разное оружие, они служат под началом одного и того же генерала.

TRAVELLING IN CHINA—OLD STYLE

A RAILWAY STATION—NEW STYLE

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КИТАЮ В СТАРОМ СТИЛЕ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ - НОВЫЙ СТИЛЬ

Американские организации - самые богатые. То ли дело в том, что Соединенные Штаты - более богатая страна, чем Англия, то ли в том, что они более либеральны в своих пожертвованиях миссиям, то ли в том, что они более склонны тратить свои деньги на китайские миссии, но результат очевиден: американские миссии имеют все преимущества, которые могут дать деньги. Их великолепные учебные заведения являются характерной чертой многих городов. Если американские миссии имеют преимущество перед английскими в деньгах, то и британские, и американские миссии имеют равное право утверждать, что их представителями в Китае являются люди, преисполненные самоотверженности и энтузиазма. Было бы нечестно ссылаться на превосходство какой-либо отдельной миссии. Среди британских миссий на наибольшее число новообращенных претендует Лондонская миссия, хотя Церковное миссионерское общество не сильно отстает от нее. Опять же, пресвитерианские миссии и Китайская внутренняя миссия ведут большую и растущую работу. Последняя представляет собой весьма любопытное развитие миссионерской политики. Миссионеры, различающиеся во многих доктринальных вопросах, договорились сотрудничать под названием Китайская внутренняя миссия на западе Китая; они согласились не противостоять друг другу ни в чем и оказывать взаимную поддержку. Они находятся под руководством директора, который организует и обустроивает их отдельные провинции. Важной особенностью этой схемы является то, что сотрудничество позволяет значительно сократить расходы на миссионерскую работу. Белый человек не может жить во многих районах Китая без лекарств и некоторых западных удобств; они организуют доставку этих вещей и помогают миссионерам в их путешествиях.

Епископ Кассельс является одновременно членом этой миссии и С.М.С. Он является собой великолепный пример мужества, необходимого для миссионерской работы. Он прошел через ущелья Янцзы двадцать раз. Однажды он имел неосторожность оставить маленькую туземную лодку, на которой обычно путешествует, и довериться пароходу, который под управлением немецкого капитана собирался преодолеть пороги. Все шло хорошо, пока они случайно не натолкнулись на скалу, тогда капитан потерял голову и вместо того, чтобы отчалить, попытался бросить якорь. Вода хлынула внутрь и вскоре потушила огонь, не позволив ему поднять якорь, в результате чего судно постепенно наполнилось водой и затонуло, а пассажирам пришлось спасаться вплавь.

Миссия S.P.G. прекрасно укомплектована, но сильно страдает от недостатка финансовой поддержки. Я не могу не чувствовать, что если бы хоть раз осознали, насколько важно, чтобы столица Китая, куда съезжаются все интеллектуальные и амбициозные люди страны, досконально понимала логическую позицию и благоговейное поклонение Церкви Англии, то необходимые средства были бы найдены. Очень желательно, чтобы в Китае поняли, что между Римом и протестантизмом *существует сквозной канал*.

Ни в коей мере не желая умалять необходимость миссий в других частях света, мы можем отметить, что Китай в данный момент имеет совершенно особые притязания. Никто не скажет, что миссионерская работа в Индии или в Африке требует в ближайшие несколько лет тщательного объяснения интеллектуальной стороны христианства, но в Китае дело обстоит именно так. Интеллектуальные люди Китая, собравшиеся в Пекине, сейчас требуют знать, какая истина есть в христианстве. Им должны ответить такие же интеллектуальные люди, как и они сами, которые смогут вежливо и убедительно убедить их в том, что христианство - это религия, которая полностью соответствует современной науке и интеллектуальному прогрессу мира.

Лучшей миссии для выполнения этой работы, чем Северо-Китайская миссия Англиканской церкви, и придумать нельзя. Эта миссия под руководством епископа Скотта достойно

представляет терпимое и благоговейное отношение Церкви Англии. Невозможно не думать о том, что если бы у него была достаточно либеральная поддержка, чтобы он мог иметь колледж, где он мог бы взять на себя образование некоторых из тех будущих государственных деятелей Китая, которые стремятся понять западные вещи, то его миссия могла бы стать средством поощрения движения к христианству среди ученых и государственных деятелей Китая. Этот выдающийся баптистский миссионер, доктор Тимоти Ричард, сказал мне, что, по его мнению, достоинство Церкви Англии, особенно так умело представленное епископом Скоттом, может стать большим подспорьем в убеждении китайских литераторов в том, что христианство - это религия, которая гармонирует с их любовью к порядку и достоинству.

Мы видели один или два примера миссий других народов, но они немногочисленны, если не считать римско-католических миссий. Жаль, что скандинавские миссии не направляют все свои усилия на работу в Маньчжурии; немногие расы перенесли бы лютый холод Маньчжурии лучше, чем они, и Маньчжурия охотнее принимает западные идеи, чем, возможно, любая другая часть Китая. Она ощутила и осознала давление Запада, она страдала под бременем русского господства, она видела, как вестернизированные армии завоевательной Японии обратили в бегство северного захватчика. Когда мы стояли на 203-метровом холме и понимали, как на этой разрушенной вершине Маньчжурия испытала всю силу разрушительной мощи западной цивилизации; когда мы считали обломки, лежавшие тогда в устье гавани; когда мы смотрели на каждый разрушенный дом, да, и на кости, которые все еще оставались непогребенными, мы чувствовали, что великая земля Маньчжурии особенно нуждается в том, чтобы кто-то показал ей, что западная цивилизация действительно может произвести нечто более прекрасное, чем снаряды и штыки.

Я счастлив, что могу сказать, что пресвитерианские миссии проводят великолепную работу; они показали северным китайцам другую форму мужества, чем та, которую демонстрировали воины России и Японии. Среди многих историй в моей памяти сохранились две. Первая история произошла в давние времена, до того как Россия проложила Транссибирскую магистраль, до того как японцы впервые взяли Порт-Артур. Там работал врач британской миссии. Китайцы, более суо, решили избавиться от этого примера милосердия западной цивилизации. Убить его открыто они не решились, поэтому послали гонца, который притворился, что пришел от больного человека из деревни. Доктор и его китайский гардеробщик, не подозревая о заговоре, с готовностью подчинились вызову. Они заметили, что за ними следует ребенок, и всеми силами пытались уговорить его пойти домой, но он не хотел. Придя в деревенский трактир, они обнаружили, что больного не существует. Они сомневались, что делать, как вдруг дверь распахнулась, и несколько солдат из телохранителей вице-короля ворвались внутрь и, схватив обоих, заявили, что украли ребенка, чтобы сделать из его глаз лекарство. Затем они принялись пытать доктора, связав ему руки за спиной и подвесив его за них к крыше. Мучения были настолько сильными, что доктор потерял сознание. Затем его спустили вниз, и он был помещен в отвратительную китайскую тюрьму, где его подвергли психическим пыткам, не менее жестоким, чем физические. Ему сказали, что его обезглавят, и все было готово, а затем в последний момент его отвели обратно в тюрьму. Так повторялось до тех пор, пока не было решено, что у него сдали нервы, и тогда ему позволили выйти на свободу. С тем спокойным мужеством, которое так часто характеризует действия членов миссионерского корпуса, он вернулся к своей работе, не боясь смерти и пыток.

Нам рассказали и другую историю, которая имеет свою юмористическую сторону. Во время оккупации Ньючванга русскими, как мы уже писали, они "умиротворяли" город, и толпа

перепуганных китайцев укрылась в здании пресвитерианской миссии, где была только одна женщина. Однако она была родом из Белфаста, и в ее жилах текла вся отвага северных ирландцев. К миссии направились русские солдаты, намереваясь расстрелять китайцев. Она взяла в руки хлыст и, не обращая внимания ни на заряженную винтовку, ни на окровавленный штык, принялась колотить им солдат. Есть вещи, которые понятны всем народам, и использование хлыста сразу же было оценено русскими, которые бежали перед ней, оставив ее победителем и спасителем своих китайских друзей.

Я знаю, что люди говорят, что женщины не должны подвергаться риску миссионерской жизни, но ответ заключается в том, что если бы женщины не работали, половина миссионерской работы осталась бы невыполненной, и героизм, с которым женщины переносили смерть и опасности, сыграл немаловажную роль в распространении христианства и в осуществлении перемен в Китае.

ГЛАВА XVII

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ

Среди влияний, пробудивших Китай, помимо великого урока политических событий, ни одно не было более влиятельным, чем литература в ее многочисленных направлениях. Китайцы всегда были литературной расой. Они изобрели книгопечатание примерно в то же время, когда дикари-саксы приветствовали первую книгу, написанную преподобным Бедой, и поэтому влияние литературы сохранялось в Китае на протяжении многих сотен лет. Но за последние шестьсот лет в отечественной литературе появилось не так много оригинальных произведений. В основном это были комментарии к классике, написанные по проторенным путям, или поэтические произведения, изобилующие ссылками на Ши-Царя или классическую поэзию китайцев. Литература Китая характерна для ее цивилизации. Она ограничена искусственностью, которая берет свое начало в неумеренном уважении к прошлому и абсолютном недоверии к будущему. Каждая книга обращена назад, к тому периоду, когда китайская мысль была чиста и велика.

Этот период продолжался до тех пор, пока англосаксонское влияние не заявило о себе через свои миссии. Уже в самом начале истории протестантских миссий поняли, что в такой стране, как Китай, необходимо обращаться к людям иначе, чем это может сделать белый миссионер. Нация, почитающая печатную страницу до такой степени, что люди скорее осторожно возьмут лист бумаги и положат его на одну сторону, чем растопчут бездумно, опасаясь, что на этом листе окажутся слова мудрости, очевидно, является нацией, которую лучше всего достичь через печатную продукцию, и поэтому доктор Моррисон, пионер протестантских миссий, посвятил большую часть своей миссионерской жизни переводу Священного Писания. Дело оказалось не таким простым, как может показаться тем, кто знаком с цивилизацией более молодых и менее искусственных рас, чем китайцы. Недостаточно перевести произведение на китайский язык; разговорный язык нигде не используется для литературы. Литературный язык, который обычно называют вэньли,

вероятно, никогда не был разговорным, и он настолько полон искусственных правил построения, что только через много лет человек может надеяться писать на нем эффективно. Чанг-Чи-Тунг говорит, что китайцу требуется десять лет, чтобы стать эффективным переводчиком. Это не значит, что китайцу нужно десять лет, чтобы выучить английский язык, но десять лет требуется для того, чтобы человек смог изложить на хорошем китайском языке те мысли, которые он почерпнул на Западе.

Следует помнить, что китайская письменность - это не язык, в котором звуки изображаются с помощью знаков, как это происходит в западных языках. Каждый иероглиф представляет собой идею, единственной аналогией в нашем языке являются цифры и несколько знаков, которые мы имеем для простых слов, таких как "крест" или "и". Поэтому при появлении новых идей требуются новые знаки. Они могут быть созданы из старых знаков. Например, я понимаю, что железнодорожная машина называется пожарной каретой. Это, кстати, вызвало большое смущение в умах новообращенных христиан, знакомых с историей об Илии, поскольку некоторые из них ошибочно заключили, что Илия покинул землю в железнодорожном вагоне.

Еще один пример того, как трудно выразить новое, был приведен, когда одна миссия начала работу в Китае. Они были в некотором недоумении относительно названия, которое им следует выбрать для своего общества. Они хотели донести до китайцев, что их деноминация претендует на то, чтобы питать души людей. Они объяснили все это образованному китайцу и процитировали несколько известных текстов. Он тут же записал два иероглифа и заверил их, что они отражают то, что они говорили о духовной пище, которую они дают, и будут очень популярны среди китайцев, что и оказалось на самом деле. Как только они открыли дверь часовни, их осадили сотни китайцев из бедных слоев населения, которые, послушав некоторое время, недовольно ушли. Впоследствии миссионеры узнали, что название, которое им дали, дословно переводится как "Бесплатный ресторан, дающий здоровье", что очень привлекательно для голодного китайца.

Существует и другой способ обозначения новых слов. Слово может быть телесно заимствовано из другого языка и произноситься по-китайски, а затем могут быть использованы слова-знаки, которые лучше всего передают звуки. Так часто поступают с именами собственными. Например, один великий китайский государственный деятель рассказывал мне, что в своих депешах в Китай он называл сэра Эдварда Грея тремя знаками, которые обозначали три звука Га Ла Хэй, но эта система явно открыта для неправильного понимания, поскольку у читателя может возникнуть искушение придать словам их обычное значение. Я полагаю, что такие термины, как "рентгеновские лучи" и "ультиматум", телесно перешли в китайский язык. Однако девяносто процентов новых слов-знаков, составляющих то, что китайцы называют современным стилем, - это новые комбинации древних идеограмм.

Один из пионеров переводческой деятельности сказал на Шанхайской конференции, что первое, что должен сделать миссионер, прежде чем обращать людей, - это преобразовать язык. Пока он не изобретет новый набор слов-звуков для передачи христианских идей, проповедь христианства будет находиться в самом невыгодном положении. Примером тому служит "спор о терминах", то есть спор о том, какой знак следует выбрать для обозначения христианского Бога. Он возник сначала в Римском причастии, а затем доставил много хлопот другим причастиям. Выбор стоял между тремя терминами: один обозначал "Верховного правителя", другой - "Небо", а последний - "Дух", и ни один из них не выражал в полной мере наше представление о Боге. То, что чувствовали христиане, чувствовали и другие переводчики, и одной из главных причин прогресса в Китае стало формирование языка, который теперь может в полной мере выражать все идеи, характерные для Запада. Многие из

этих слов-знаков пришли из Японии. Япония, использующая ту же письменность, что и Китай, и принявшая западную мысль, легче может составить слово-знак, необходимое для ее выражения, и именно таким образом, наряду со многими другими, влияние Японии будет очень важным, если не первостепенным, в дальневосточных странах.

Каждая миссионерская организация пыталась выпускать христианскую литературу; большая трудность заключается в том, чтобы найти переводчика. Обычно для этого привлекают выпускника китайского университета, который часто не является христианином, и заставляют его под тщательным наблюдением записывать фразы, переведенные миссионером на китайский язык. Но даже в этом случае трудности очень велики. Предмет литературы по-разному понимается на Западе и на Востоке. Один китайский ученый, хорошо знавший оба языка, объяснил эти трудности следующим анекдотом. Увлечшись изучением западных знаний, он пренебрег китайской литературой, и ему грозила неудача на экзамене. К счастью для него, в ночь перед экзаменом он читал классического автора, которым восхищались знатоки, но которого мало кто читал из-за большой неясности его выражений. Особенно запомнилась ему одна фраза из , поскольку ему стоило огромного труда раскрыть ее смысл. На следующий день он использовал эту фразу в своей работе, и когда ему вернули работу с пометками экзаменатора, стало ясно, что именно эта фраза, окруженная со всех сторон знаками одобрения экзаменатора, помогла ему сдать экзамен. Впоследствии он поступил в Чикагский университет. "Там, - говорит он со спокойным юмором китайца, - я узнал, что цель эссе - передать идею как можно более простым способом. Это не китайский план".

Одним из пионеров в этой работе был орган, который сейчас называется Обществом христианской литературы для Китая. Под руководством блестящих сотрудников доктор Тимоти Ричард выпустил огромное количество прекрасных работ, которые оказывают глубокое влияние на мысли в Китае. Невозможно найти лучшего подтверждения их замечательной работы, чем тот факт, что величайший государственный деятель Китая, а также величайший ученый-конфуцианец ссылается на одну из их публикаций, *"The Review of the Times"*, как на одну из причин просвещения Китая. Общество христианской литературы, однако, не было единственным тружеником на этом поприще. Хорошую работу проделало Религиозное трактатное общество, имеющее в разных частях Китая депо для продажи хорошей литературы; были и другие общества, которые также издавали книги, включая Миссионерское издательство, принадлежащее римским католикам, которое находится в Гонконге.

Но, говоря о христианской литературе, мы не должны забывать о различных Библейских обществах, которые проделали такую разнообразную и прекрасную работу в Китае, главным из которых было Британское и Иностранное Библейское общество. Далеко за пределы, куда мог добраться белый миссионер, проникла продукция этого Общества; даже через пустыни Монголии их колпортеры пронесли свои товары. Из бесед, которые я вел с разными китайскими джентльменами, одна была особенно примечательна как свидетельство их активности. Мой собеседник был одним из тех толстых лентяев, которые наслаждаются благами жизни и мало заботятся о серьезных вещах, и все же я с удивлением обнаружил, что он, очевидно, знаком, во всяком случае, с некоторыми догматами христианской веры, и я удивился, как этот праздный человек получил такие знания. Я был уверен, что его достоинство никогда бы не позволило ему разговаривать с христианским миссионером, а тем более слушать христианскую проповедь. Наконец он случайно упомянул, что, хотя он и конфуцианец, он хорошо знаком с Евангелием от святого Марка. Я не мог спросить его, как

он его получил, но, несомненно, оно попало к нему через Британское и иностранное библейское общество.

Мы столкнулись с еще одним примером влияния Библейского общества. Мы спускались на корабле из Кантона, и, проходя по китайской палубе, я увидел человека, который курил опиум и читал английскую книгу. Поскольку я увидел, что он знает английский, я обратился к нему; под воздействием опиума он был удивительно коммуникабелен. Оказалось, что книга - Евангелие от Иоанна, и он читал о распятии нашего Господа. Он взял ее в руки только потому, что хотел улучшить свой английский, но она произвела на него сильное впечатление, и его комментарии были очень интересными. Он спросил меня, правда ли, что когда наш Господь был распят, Он стоял один против всей силы иудеев и римлян, и, получив утвердительный ответ, добавил: "Тогда Он должен был быть Божественным, потому что ни один человек, который не был бы Божественным, не мог бы стоять один". Для китайского ума, неспособного к самостоятельным действиям, бессильного без моральной поддержки правительства, гильдии или даже тайного общества, история о распятии привлекательна как пример Божественной силы цели. Этот странный контраст между курильщиком опиума и Библией был типичен для Китая. Силы добра и зла боролись друг с другом за обладание жизнью этого человека; силы добра попали в его руки, несомненно, благодаря содействию какого-то Библейского общества.

Но к доброй работе, которую непосредственно выполняли все эти общества, добавилась еще и та, которую они делали косвенно, через посредство некоторых из своих новообращенных. Группа христианских молодых людей решила открыть на собственные средства издательство, целью которого должно было стать то, что публикуемые книги, как переводы, так и оригинальные произведения, должны наилучшим образом донести до китайского ума возвышенные и благородные идеи западной мысли. Если эти книги и не должны были носить определенно пропагандистский характер, то, по крайней мере, были рассчитаны на обучение этической системе христианства. Деятельность Шанхайской коммерческой типографии оказала огромное влияние на китайскую мысль; отсюда вышла масса литературы как для школ, так и для широкой публики, которая познакомила китайцев с западной мыслью. Многие наши известные авторы были переведены, и китаец, движимый любовью к литературе, теперь близко знакомится со всеми видами литературной деятельности нашей цивилизации. Когда смотришь на эти странные слова-знаки, трудно поверить, что кто-то может читать их с легкостью и быстротой; однако китайцы говорят, что, хотя письмо - дело очень трудное и требует много времени, читать иероглифы быстрее, чем нашу систему печати: каждая мысль передается одним знаком, а не, как в нашем языке, множеством букв.

Эти знаки, очевидно, являются тем, что вызывает чувства. На конференции Англиканской церкви в Шанхае мы услышали интереснейшие дебаты о том, под каким названием должно быть общеизвестно англиканское тело, и было поучительно наблюдать за различиями между мнениями англичан и китайцев по этому вопросу, поскольку дебаты переводил самый способный переводчик, мистер Цен. Мы начали с того, что грозило стать довольно унылым англосаксонским дебатом между Высокой и Низкой Церковью. В зале чувствовалась старая атмосфера шестнадцатого и семнадцатого веков английской истории. Дебаты велись по вопросу о том, должно ли слово "католический" быть частью названия. Мне не нужно подробно описывать аргументы, которые приводились с обеих сторон: они слишком хорошо известны. Затем мы обратились к китайскому переводу, и в тот же миг костры Смитфилда и громы Реформации исчезли как по волшебству, а люди в голубых халатах со всех концов Китая пробудили интерес, который был столь же необычным, сколь и поучительным. С

помощью нашего переводчика мы узнали два-три интереснейших факта. Во-первых, все были единодушны в том, что название не должно никоим образом, косвенно или намеком, передавать мысль о том, что англиканская церковь имеет какое-либо отношение к Англии. Точка зрения "Китай для китайцев", очевидно, вызвала одобрение всех присутствующих; даже те, кто под влиянием своих учителей был настроен иначе, должны были признать, что слово "англиканская" будет фатальным для популярности Церкви. Когда в качестве названия была предложена "Святая католическая церковь Китая", белые люди предположили, что оно смахивает на дерзость, поскольку подразумевает, что другие общины не принадлежат к ней. Это не встретило поддержки со стороны китайцев. Их аргумент был прост: мы все станем одним телом в скором времени, поэтому остальные могут разделить наш титул, если он хороший, а если нет, то мы можем разделить их. Кроме того, было ощущение, которое невозможно оценить постороннему человеку, что каждая идеограмма несет в себе определенное чувство, и поэтому название должно быть составлено из идеограмм, которые не только имеют подходящее значение, но и красиво ассоциируются. В итоге они взяли для своего названия идеограммы, которые используются в Символе веры Святой Католической Церкви, не имея в виду, что они являются единственной ветвью Католической Церкви в Китае, но что они являются истинной ветвью Католической Церкви. Был еще один момент, очевидный для стороннего наблюдателя, который будет рассмотрен далее в этой книге, а именно: из-за разной политики миссий американская доминировала в дебатах, поскольку была представлена чрезвычайно способными китайцами, в то время как английские миссии имели в качестве китайских представителей только людей с обычным образованием.

Но вернемся к вопросу о литературе. Хотя литература сыграла важную роль в распространении истин христианства и благородных этических учений Запада, она также сыграла важную роль в распространении многого, что является злом и пороком в западной литературе. Возможно, нет ничего удивительного в том, что японский книготорговец находит, что эротический роман из Парижа продается свободнее в переводе, чем английский рассказ, весь мотив которого зависит от правильного понимания христианской этической позиции. *Дама с камелиями* Дюма - самое популярное из западных произведений, и нельзя не содрогнуться при мысли о том, какой неисчислимый вред нанесут такие истории нации, которая не понимает, какое относительное положение занимают эти произведения у людей с высоким характером на Западе. В одной из своих работ Чан-Чи-Тун говорит об очевидной безнравственности западной мысли; и если мы признаем, что подобные книги типичны для западной мысли, мы не сможем удивляться его выводу. Через искаженную среду таких переводов западная цивилизация должна казаться совершенно отвратительной. Китаец, естественно, скажет: "Ваша хваленая мораль - всего лишь лицемерное прикрытие распутства, которое мы никогда не допустим на нашей земле".

Переведены не только французские романы, но и все произведения, которые западная мысль создала против христианской веры. Типичным примером является "Загадка Вселенной" Геккеля. В литературе, как и во всех других сферах жизни Китая, два элемента западной цивилизации борются за господство. На одной стороне - силы христианства и интерпретация западной цивилизации как продукта христианской мысли; на другой - материализм и объяснение западной цивилизации как естественного результата эволюции, которая развивает безрелигиозный, но наиболее удобный мир. Если Китай прислушается к первому, он станет, как и другие страны, великой державой, не только богатой, но и благородной, правдивой и милосердной, что является результатом обучения христианской вере и этике. Если же она прислушается ко второму, то эффективность Китая станет ужасной из-за низкой нравственности, которая не только опустошит и угнетёт многие миллионы людей, но даже окажет пагубное влияние на Запад, который так плохо её учил.

ГЛАВА XVIII

МЕДИЦИНСКИЕ МИССИИ

После литературы, возможно, стоит поставить медицинские миссии как один из самых эффективных способов показать китайцам разницу между нашими цивилизациями и продемонстрировать им истину и красоту христианства. Есть три или, возможно, четыре причины, по которым медицинские миссии являются правильным и эффективным способом ведения христианской пропаганды. Во-первых, они являются наглядным уроком любви, которую прививает христианство. В школьном преподавании мы видим, что предметный урок - это самый эффективный и простой способ заставить человеческий разум понять совершенно новую идею; медицинские миссии - это предметные уроки, демонстрирующие основной характер христианского учения. Китайская этика очень четко ограничивает долг человека определенными известными отношениями. Их пять: отношения государя и министра, мужа и жены, отца и сына, старшего и младшего брата и друзей. Ни один конфуцианец не признает всеобщего братства людей; это исключительно христианская доктрина. Так, Конфуций порицает человека, желающего приносить жертвы чужим предкам; это кажется ему столь же официозным, как и обязанность приносить жертвы своим собственным предкам; у человека нет никаких обязательств ни перед кем, кроме тех, кто находится с ним в одном из этих пяти отношений. Совсем иным является тон апокрифов, которые не сильно отличаются по дате и которые ставят погребение умерших в число первых обязанностей человека, не уточняя при этом необходимость каких-либо близких отношений.

Поэтому действия миссионеров, прибывших в Китай, были восприняты китайцами совершенно неправильно. Их считали просто эмиссарами иностранных держав, посланными шпионить за страной. Учитывая то, как римско-католические миссии фактически отождествляли себя с внешней политикой Франции, не приходится удивляться тому, что китайцы приписывали их миссии те эгоистические принципы, которых придерживались бы они сами. Поэтому первая цель, которую преследуют медицинские миссии, - продемонстрировать китайцам, что христианство имеет более высокие идеалы, чем конфуцианство.

Вторая цель, которую они ставят перед собой, должна затронуть сердце каждого, кто побывал в Китае. Невозможно работать среди китайцев и не чувствовать себя несчастным из-за ужасающего количества страданий и несчастий, которые существуют в настоящее время. О бедности Англии нельзя говорить на одном дыхании и ни в коем случае нельзя сравнивать с бедностью Китая. Как бы ни было плачевно состояние многих людей в Англии, как бы ни были жестоки действия некоторых наших случайных подопечных, любой, кто изучил обе страны, свободно согласится, что бедные в Англии богаче бедных в Китае. Среди огромной толпы, бредущей по Северной дороге в Лондон, вы едва ли увидите человека без сапог; едва ли найдется хоть один, кто не получает куска хлеба, когда голоден; нет ни одного, кто страдал бы от незалеченных ран или неизлечимых болезней. Лазарет рабочих домов всегда откроет свои двери, какими бы суровыми ни были опекуны, для тех, кто абсолютно болен. Но в Китае голод - довольно распространенное явление. Миссионеры рассказывают, как на некоторых перекрестках они проезжали по дороге, пропуская человека за человеком, лежащего на краю гибели, и у больных слишком часто не остается другого выхода, кроме как терпеливо ждать боли и смерти, которые они предвидят как свою судьбу. Проповедуя учение о любви, миссионер чувствует, что не может последовательно игнорировать эти страдающие толпы.

Третья причина, по которой медицинские миссии поддерживаются, заключается в том, что они являются средством обращения к людям, которые иначе не услышали бы христианскую истину. Человек, успешно исцеливший тело, имеет все основания ожидать, что пациент примет лекарство, которое он предлагает для исцеления души. Поэтому медицинские миссии стали появляться повсюду. Мы посетили множество прекрасных медицинских миссий, от прохладного Мукдена до жаркого Кантона. Есть много историй о том, как в те дни, когда китайцы не слушали миссионеров, медицинский миссионер добивался того, что его братьям-клирикам было отказано. Мне рассказывали, что один миссионер-медик обнаружил, что именно в тот момент, когда он удалял зубы, он мог лучше всего продвинуть свое учение. Я никогда не слышал, чтобы эта история была подтверждена; если только китайцы не сильно отличаются от нас, можно было бы предположить, что учение будет иметь явно болезненные ассоциации. Возможно, в качестве своего тезиса он взял извлечение греха из характера. Его успех превзошел тот немедицинский миссионер, у которого было преимущество иметь набор вставных зубов; он вынимал их перед изумленными кули и заменял; затем, привлекая их внимание этим маневром, он начинал свою притчу о необходимости снять с них грехи и вложить в них новую жизнь.

Китайский кули любит пошутить, и если его рассмешить, он, в отличие от своего английского брата, будет гораздо более склонен к серьезному обучению. Один из миссионеров, который лучше всех понимает эту черту китайцев, - доктор Дункан Мейн из Ханчжоу, где мы провели два интереснейших дня, осматривая его больницы и работу, а также посещая его пациентов.

Нет лучшего свидетельства его великой работы, чем его очевидная популярность. Куда бы он ни пошел, везде улыбки и приветствия. По дороге он объясняет, кто из людей приветствует его. Вон тот толстый мужчина, который стоит, кланяясь и улыбаясь, - это торговец, имеющий определенный достаток; его жена попала в больницу, за ней ухаживал доктор Мейн, и благодаря его мастерству она была вылечена. Пожилая женщина, которая стоит рядом с ним и улыбается, - еще одна бывшая пациентка. Молодой человек с интеллигентным лицом и в темном халате - бывший студент-медик, а теперь сам врач с большой практикой, и он поселился неподалеку от больницы доктора Мейна. И вот его работа растет и растет, а добро, которое он делает, должно жить после него. Он ведет нас в палату для амбулаторных больных; это пестрая толпа, с повязками и бинтами на разных частях тела. Пока они сидят там, светский чтец излагает им элементы христианского учения. Каким контрастом для их сознания должно быть простое и убедительное учение и простые эффективные средства и лекарства христиан по сравнению с заклинаниями и тошнотворными составами их местных врачей. Существует большое сомнение в том, какова природа многих китайских лекарств. Они всегда прописывают огромное количество лекарств, многие из которых на первый взгляд безобидны по своему действию; они всегда дают их в больших количествах и ни в коем случае не пытаются выделить и извлечь активные свойства того, что они используют. Вы видите человека, который ест большую миску какой-то тошнотворной смеси, и вам говорят, что он принимает китайское лекарство. Вы спрашиваете капитана, из чего состоит его груз, и он говорит вам, что он в основном состоит из китайских лекарств. Некоторые из лекарств, похоже, прописываются по принципу наших старых травников, то есть существует причудливое сходство между растением и болезнью. Другие, кажется, происходят от хорошо известных средств, применяемых различными способами; измельченные олени рога с гор Сибири, вероятно, имеют тот же эффект, что и мел в нашей фармакопее. Но также существует вероятность того, что китайские врачи обладают некоторыми полезными средствами, которые неизвестны западной медицине.

В Шанхае рассказывают странную историю о некоем средстве от ужасной болезни под названием "спрут". Эта история хорошо известна каждому жителю Шанхая, но все же она заслуживает повторения. Некий шарлатан по прозвищу "французский Питер" - я не знаю его настоящего имени - постоянно лечил спрут. Случаи, которые английским врачам совершенно не удавалось вылечить, и которые грозили разрушением карьеры или потерей жизни, он излечивал за несколько недель. У него было два средства - белый порошок и черная тянучка. Сам он был очень непривлекательным человеком. Мой собеседник рассказал мне, что эта ужасная болезнь угрожала его карьере, и он собирался покинуть Китай через неделю или две, когда кто-то предложил ему попробовать "французского Петра". Когда они встретились, внешность "французского Питера" была настолько непривлекательной, что больной едва не лишился мужества. Он уже несколько недель сидел на молочной диете, и первое, что сказал ему этот человек, было: "Слушай, возьми эти лекарства и иди съешь на обед хороший говяжий стейк". Он решил попробовать их. Он съел свой бифштекс, принял белый порошок и черную тянучку и, думаю, в течение трех недель был вполне здоров. "Французский Питер" никогда не раскрывал своего секрета и не рассказывал, где он берет свои средства; по крайней мере, он давал разные показания разным людям. Я полагаю, что он уже умер, но, обсудив этот вопрос с китайскими друзьями, они заверили меня, что эти средства хорошо известны китайским врачам и что "французский Питер" получил их от одного из своих соотечественников.

Доктор Мейн обращается к своим пациентам так же весело, как и ко всем остальным; достаточно пары слов, чтобы выяснить природу их недуга. Если случай очень серьезный, пациента задерживают для дальнейшего обследования; если пустяковый, им сразу же занимается местный комод. Остальное он назначает сам.

Затем он ведет нас в палаты и объясняет, что большая трудность заключается в том, чтобы заставить китайцев заботиться о чистоте. Такая же история происходит в каждой больнице; они не могут поверить, что имеет большое значение, содержится ли вещь в чистоте или нет. Студенты-медики приступают к работе после того, как вымоют руки, и думают, что предыдущее мытье гарантирует асептику, несмотря на то, что они прикасались ко многим септическим вещам.

Госпиталь доктора Мейна типичен для госпиталей миссии - госпиталя доктора Кристи в Мукдене, доктора Гиллисона в Ханькоу, доктора Кокрейна в Пекине и многих других. Есть также больницы для женщин. Мы видели многие из них; первая, которую мы посетили, Пресвитерианская больница в Кантоне, была хорошим примером, впечатлив нас не только своей эффективностью, но и тем, что она оказала большую услугу страдающим массам Китая, подготовив женщин-врачей, которым разрешено обслуживать своих сестер, когда этикет не допускает присутствия мужчин-врачей. Дама, которая провела нас по больнице, свободно говорила по-английски; она была одета в платье кантонской женщины, которое как нельзя лучше соответствовало ее профессии, поскольку состояло из длинного черного пальто и брюк. Некоторые больницы предназначены для очень бедных; в Нанкине, например, доктор Маклин показал нам свою больницу для нищих. Он следует притче о добром самаритянине совершенно буквально, и где бы он ни нашел бедного, голодного, умирающего человека, он приводит его сюда. Понятно, что он не может позволить себе ничего, кроме ограниченного размещения этих бедняков, но в целом он добился успеха, и есть много людей, которых нищета приблизила к смерти, чью жизнь он спас. Глядя на эти виды страдающего человечества и осознавая, какое добро делает доктор Маклин, можно было почувствовать, что дни святого служения еще не закончились.

Еще одна прекрасная работа - больница для прокаженных доктора Мейна в Хангчоу. Было странно и необычно слышать, как эти прокаженные поют наши старые английские гимны. Проказа, как, несомненно, знают мои читатели, не часто оставляет открытые язвы; она медленно разъедает тело, оставляя кожу нетронутой; поэтому вы видите людей без рук и с руками, но с ногтями на культиях, слепых без носов, и очень часто мужчин, чьи голоса потрескались и сломались. Эти прокаженные живут в старом храме, в одном из самых красивых мест в Китае - , который, как предполагается, является оригиналом пейзажа на старых ивовых пластинах; и красота их окружения странно контрастирует с их отвратительными формами и резкими голосами. Было бесконечно пафосно, когда у голубого озера и пурпурной горы эти суровые, но жалобные голоса пели старую мелодию "Jesu, lover of my soul"; и хотя мы не могли разобрать китайских слов, лица этих несчастных страдальцев красноречиво выражали, насколько полно они ощущали смысл этого гимна.

Но прежде всего мы должны упомянуть о большой работе, которую проводит доктор Кокран в Пекине. Ему удалось побудить все медицинские миссии в Пекине объединиться и основать большую больницу - больницу, которая получила одобрение правительства. Этот успешный пример федерации позволил решить сложную проблему. Несомненно, эффективность медицинских миссий во многих городах снижается из-за отсутствия единства. Миссионерская организация открывает медицинскую миссию и посылает туда врача или даже двух ответственных; один врач должен уехать в отпуск, другой, возможно, заболел, и в результате миссия закрывается. Коммерсанты не преминут заметить, что больница миссии закрыта летом, когда в ней больше всего нуждаются. Ответом на эти насмешки является политика федерации. Хотя в условиях нездорового климата практически невозможно поддерживать работу миссионерских больниц с ограниченным штатом сотрудников, это вполне возможно, если штат будет увеличен. Каждый врач в Центральном и Южном Китае должен определенный период отдыха, иначе он не сможет выдержать изнуряющего воздействия полутропического климата; и как бы ни было возможно держать белых мужчин на работе в течение трех или четырех лет без отпуска, и я знаю, что коммерсанты утверждают, что в некоторых отдельных случаях это было сделано, на самом деле это самая плохая экономика. Врач миссии - слишком ценный человек, чтобы лишать его жизни из-за такой глупой политики расточительности. Он должен отдыхать каждый год, а отпуск - каждые семь лет. Но не обязательно закрывать больницы, если штат достаточно велик; определенное количество сотрудников больницы может уйти в отпуск, а когда они отдохнут, вернуться и дать возможность другим уйти в свою очередь. Доктор Кокрейн показал в Пекине, что такая федерация возможна, и Китайский комитет по чрезвычайным ситуациям прилагает все усилия, чтобы способствовать созданию подобной федерации в других частях Китая. Медицинские миссии - это великолепные примеры христианского милосердия и любви, но они являются довольно печальными примерами отсутствия единства среди христиан.

Аналогом медицинской миссии являются миссии для слепых и глухих. Слепые - яркий пример того, как христианство облегчает страдания, ведь слепые в Китае учатся читать быстрее, чем те, кто имеет зрение. Учителя слепых изобрели систему рельефного шрифта, с помощью которой китаец может прочитать любое слово, произнесенное по-китайски. Это не наша система письма, которую им было бы трудно понять, а нечто похожее на японскую систему. Каждый слог представлен знаком; поэтому, как ни странно, слепой, которому не нужно изучать иероглифы, учится читать быстрее, чем человек с нормальным зрением. В Пекине есть прекрасная школа для слепых под руководством доктора Мюррея. Еще одна находится в Ханькоу, где мы увидели самый яркий пример красоты святости. Один из учителей в этой школе для слепых был сам слепой; он был самым ревностным христианином;

его учили играть на органе, что, действительно, является специальностью в этой школе, многие органисты в миссионерских церквях в Ханькоу выходят из нее, и нельзя было смотреть на его лицо, не чувствуя убеждения, что его духовное зрение было настолько же ясным, насколько темным было его физическое зрение.

Есть и четвертая причина, которая в равной степени относится как к образовательным миссиям, так и к медицинским, почему обе эти миссии являются подходящими и правильными способами преподавания христианства. Христианство претендует на то, чтобы приносить пользу всему человеку, а не только его духовной стороне. Человечество нельзя правильно разделить на дух, разум и тело. Он по сути своей един, и очень важно, чтобы те, кто знакомится с нашей религией, понимали, что, хотя мы утверждаем, что все блага должны исходить от духовной части нашей природы, мы готовы показать, что ни в коем случае не презираем тело, которое нуждается в религиозной заботе не меньше, чем душа. Мы также не забываем о разуме. Таким образом, три части миссионерской работы идут рука об руку, ибо проповедь и молитва исцеляют недуги души, медицинская миссия занимается недугами тела, а образовательная миссия делает разум здоровым и сильным. Образовательную сторону миссионерской работы мы рассмотрим позже.

ГЛАВА XIX

ДВИЖЕНИЕ В КОРЕЕ И МАНЬЧЖУРИИ

Одно из движений, которое затронет христианство на всем Востоке, зародилось в Корее. Как страдающее и несчастное сердце отдельного человека - это то, что христианство находит наиболее подходящим для своего дома, так и с нацией. Именно в момент национальных бедствий и унижений религиозные движения поднимаются с наибольшей готовностью. Корея считала себя равной Японии. Из Кореи пришла большая часть цивилизации, которая украшала Японию до великого западного движения. Когда принц Ито с глазами государственного деятеля осознал, что Япония должна либо принять господство Запада, либо свою цивилизацию, Корея была непоколебима в своей вере в национальное величие и в своем презрении к западному миру. Таким образом, вестернизированная Япония победила своего древнего соперника и учителя, а Корея унизилась до самого праха.

Во многом это унижение становится еще более острым из-за отсутствия симпатии между расами. Несмотря на то, что обе расы взяли свою цивилизацию из Китая и имеют общую классическую литературу, во многих вещах они диаметрально противоположны. Японцы по своей сути - чистая раса. Они постоянно моются; они не войдут в дом в обуви. Никто из тех, кто их знает, не обвинит корейцев в излишней чистоплотности. С другой стороны, японцам очень часто не хватает скромности. Жители рассказывают множество историй; мы видели, как японские женщины в одеянии Евы появлялись в общественной бане и даже на улице. С другой стороны, корейцы могут быть развращенными и безнравственными, но они скромны. Женщины Сеула, проходя по улицам, закрывают лица своими зелеными плащами, так что

кажется, будто находишься в магометанской стране. Эти зеленые плащи - вечное напоминание о древней вражде между расами.

Живописная история стоит того, чтобы ее рассказать. Японцы, зная об отсутствии корейских армий, решили устроить Сеулу сюрприз. Они думали, что им это удалось, когда, к своему изумлению, увидели, что стены Сеула покрыты теми, кого они приняли за воинственных корейцев. Готовая смекалка женщин спасла их город. Они переоделись в одежду своих мужей и таким образом обманули своих потомственных врагов. Император вознаградил их, дав право носить мужской зеленый плащ, который они надевают не по моде плаща, а через голову, частично закрывая лицо рукавами; И если пройтись по главной улице Сеула и посмотреть на скромную, но нарядно одетую толпу корейцев - женщин в зеленых пальто с красными лентами, мужчин в белых одеждах с диковинными узлами и причудливыми шляпами, - становится понятна антипатия, которую они должны испытывать к невысокому, мускулистому, трезво одетому японцу, который своей смелостью и дерзостью покори́л их и теперь попирает их национальные чувства и игнорирует их национальные права.

В Корее есть несколько миссий, но есть одна, которая, *primâ facie*, не требует особого упоминания. Она служит белокожим корейцам так же, как многие другие миссии служат этим восточным народам - обучая и проповедуя. Внешне в миссионерах нет ничего исключительного. Я не скажу, что их миссия неинтересна, но она не захватывает. Они американцы по национальности, шотландцы по имени и крови, и они следуют национальной пресвитерианской вере со всем ее осторожным учением, со всей ее чопорной простотой. Никто не считает их миссией, способной вызвать большое волнение или поднять энтузиазм, да и сами они так не считают. Их концепция миссионерской работы заключалась в разумном и обоснованном плане обращения достаточного количества людей, чтобы сделать их учителями и проповедниками, а затем, дав им образование, отправить их для обращения своих соотечественников. В 1906 и начале 1907 года они были полны мрачных предчувствий относительно будущего Кореи. Временная оккупация Кореи японцами, очевидно, должна была превратиться в постоянную. Убийство королевы показало, на что способны японцы, а победа над Россией - на что они способны. Корея была в их власти. Покоренные, но не покоренные духом, миссионеры, хорошо зная свой народ, предвидели, что между двумя расами должны возникнуть ожесточенные трения; что восстания и последующие жестокие репрессии должны принести их младенческой церкви время больших бед; и поэтому, как мудрые христиане, которыми они были, они взяли за оружие христиан, а именно за молитву. Они искренне молились о том, чтобы каким-то образом на их новообращенных снизошло великое благословение. Эта молитва, похоже, осталась без ответа, хватка Японии не ослабла. Кроме мудрости и мягкости великого принца Ито, корейцам не доставалось ничего, кроме угнетения и страданий. Японская армия училась в Германии не только военному искусству, но и государственному управлению, а последнее традиционно жестко. Сломать, раздавить, задирать - вот максимы, которые нашли всеобщее признание при прусском дворе. Принц Ито, однако, был большим поклонником английской имперской политики с ее максимами справедливости к слабым, милосердия к побежденным и почтения всех национальных традиций; но принц Ито не мог управлять японскими солдатами, и стоны угнетенных корейцев эхом разносились по всей стране.

Весной 1907 года пресвитерианская миссия провела так называемый "деревенский класс", то есть обращенных мужчин созвали из всех деревень в город Пьенг-Янг, и там они в течение нескольких дней получали наставления в христианской вере. Это прекрасное правило позволяет верующим, но невежественным христианам получить более глубокие знания об истинах христианства. Эти собрания совершенно неэмоциональны; они ни в коем случае не

являются собраниями возрождения или даже набожными; они по сути своей образовательные. Их цель - научить, а не возбудить. Ведь у шотландцев-американцев есть двойная национальная традиция, согласно которой знание - это сила. Эти встречи проходили один или два дня; они шли своим обычным неспешным, хотя и полезным чередом и имели все шансы закончиться так же, как и начались, когда один из корейцев поднялся из центра комнаты и прервал обычный ход встречи, попросив разрешения выступить. Поскольку он настаивал, ему было дано разрешение. Он заявил, что на его совести лежит грех, который не позволяет ему спокойно слушать учение миссионеров, и что далее он должен заявить об этом грехе. Пресвитерианские миссионеры не поощряют такого рода открытое признание греха, но все же, чтобы продолжить собрание и успокоить его, они дали ему слово. Затем он заявил, что несколько месяцев назад испытывал чувство горечи по отношению к одному из миссионеров, мистеру Блэру, который был нашим информатором. Мистер Блэр заверил его, что не чувствует необходимости в этом признании и считает этот вопрос пустяковым, и, надеясь вернуть собрание к сути дела, предложил им прочитать молитву "Отче наш". Едва он произнес по-корейски слова "Отче наш", как внезапное волнение охватило всех присутствовавших. Миссионеры описывали этот момент как один из самых ужасных и один из самых загадочных в их жизни. Они не были сторонниками возрождения; они не поощряли его; они не верили в него; им не нравилась эмоциональная религия, к которой они не испытывали симпатии; и вот они оказались перед лицом движения, которое превосходило не только их опыт, но и опыт величайших сторонников возрождения. Они пытались остановить его, но безуспешно. Корейцы, в отличие от китайцев, всегда сидят на полу, и когда миссионеры смотрели на собрание с платформы, на которой они стояли, они видели лица своих новообращенных, искаженные всеми формами душевных страданий. Некоторые раскачивались вперед, ударяясь головой о пол, надеясь, как бы в бесчувствии, обрести покой от мучивших их мыслей; некоторые находились в состоянии ужаса; некоторые вскакивали, требуя, чтобы их услышали, желая освободить свои души от груза, который, как им казалось, должен их раздавить; другие с отрешенными лицами решительно не поддавались внушениям духа, предлагавшего им получить облегчение путем чистосердечного признания. Не сумев завершить собрание, миссионеры подчинились, как им казалось, воле Высшего Существа, и собрание продолжалось до тех пор, пока усталость не привела к временному и частичному отдыху. Хотя собрание было закрыто, миссионеры узнали потом, что многие корейцы всю ночь пребывали в мучительной молитве.

На следующий день они надеялись, что все закончилось и что этот инцидент можно отнести к тем странным событиям, с которыми время от времени приходится сталкиваться работникам на миссионерском поприще; но не тут-то было - на следующий вечер встреча прошла так же, как и предыдущая. Они заметили несколько интересных фактов. Один из них, например, заключался в том, что женщины были затронуты гораздо меньше мужчин. Движение охватило их только позже, и никогда так полно. Другая примечательная особенность этого движения заключалась в том, что, хотя методисты по традиции являются организацией, выступающей за возрождение, и хотя у них есть активная миссия, работающая в этом городе, возрождение распространилось среди их новообращенных только через много дней, и то не с той спонтанностью и не с тем огнем, с которым оно проявилось в пресвитерианской миссии.

В реальности признания в грехе не может быть никаких сомнений. Один человек, например, признался, что украл золото у местной золотодобывающей компании, предъявил клин золота, который он украл, и попросил поступить с ним так, как он того заслуживает. Управляющий компании, к счастью, оказался европейцем и благоразумно отказался

наказывать человека, так спонтанно признавшегося в краже. Многие из исповеданных грехов не терпели повторения. Некоторые признавались даже в таких ужасных грехах, как убийство родителей. Один человек, доверенный служитель миссии, сопротивлялся исповеди, и с каждым днем все больше и больше мучился, пока миссионеры не стали опасаться, что его здоровье не выдержит такого страшного напряжения, и посоветовали ему сделать свободное признание в своих грехах. Наконец он пришел к ним с суммой денег в руках; он собрал их, продав несколько домов, которые купил, чтобы обеспечить себе старость, и признался в мучившем его грехе. Он совершил то, что постоянно делают на Востоке, - стал казнокрадом. Он был агентом, которого миссионеры нанимают для осуществления многих мелких платежей, и из каждого такого платежа он брал "отжим". На эти деньги он купил дома, которые теперь продал. Он покинул миссионеров со счастливым сердцем, но с пустыми карманами.

Это движение в большей или меньшей степени охватило пресвитерианские миссии в Корее, но никогда не проявлялось с такой интенсивностью, как в Пьенг-Янге. Мы слышали, как о нем говорил нехристианский кореец, член двора императора Кореи. Он слышал о нем и сказал, что люди говорят, что это движение - удивительная вещь, потому что под его влиянием люди признаются в преступлениях, в которых даже пытки не заставили бы их признать себя виновными. Один китайский торговец также слышал об этом в Маньчжурии. Он приехал в Пьенг-Ян и случайно остановился у китайских купцов. Он упомянул, что в Маньчжурии есть христиане, и китайские купцы сразу же заинтересовались. Когда он спросил, что они знают о христианах, те ответили: "Хорошие люди, хорошие люди". Одному из них кореец задолжал двадцать долларов, но тот признался, что должен только десять, и купец, не имея возможности возместить долг, списал его; но когда произошло это оживление, кореец пришел с остальными десятью долларами вместе с процентами и, что, конечно, еще больше понравится восточному уму, с чистосердечным признанием, что он солгал. Эта практическая иллюстрация влияния христианства произвела большое впечатление на китайцев.

Когда мы прибыли в Пьенг-Янг, движение уже закончилось. Мы посетили несколько их собраний. Это были самые обычные собрания. Все, что нас поразило, - это тон благоговения, чувство реальности, которое заставляло почувствовать, что христианство в Корее так же искренне, как и в нашей стране.

Движение распространилось из Кореи в Маньчжурию. В Маньчжурии движение не имело той спонтанности, что в Корее; оно больше напоминало западные собрания пробуждения. Для его начала понадобились волнующие слова великого проповедника, мистера Гофорта, но все же было одно или два любопытных проявления силы. Об одном из них стоит рассказать. Один брат спорил с другим; он спрашивал, почему его брат, забыв о своем семейном достоинстве или "лице", признался в грехах, которые привели не только его самого, но и его семью в немилость. Другой ответил: "Когда Дух Божий овладевает человеком, он не может не говорить". Стоит привести еще два любопытных случая: один, когда два солдата, не являвшиеся христианами, были настолько тронуты, что признались в своих грехах; другой, который, кажется, доказывает присутствие силы, не зависящей от человеческого влияния или эмоций, вызываемых красноречием или трогательными гимнами. Один старейшина церкви забыл или задержался на одном из таких собраний; когда на следующий день ораторы пришли спросить, почему его там не было, он попросил их рассказать, что они сделали на собрании, и они сказали ему, что многие люди исповедовались в своих грехах. Он был глубоко заинтересован и сказал: "Я сидел у себя

дома в час вашего собрания; мне вдруг показалось, что все мои грехи лежат передо мной, и я осознал, как никогда раньше, свои многочисленные недостатки".

Так движение распространилось через Маньчжурию в Китай. Если оно и потеряло часть своей свежести, часть своей силы, оно все еще остается движением, которое может совершить великие дела. Никто из тех, кто читал историю Веслианского движения и тех чудесных проявлений, которые сопровождали его начало, не будет без интереса и ожидания смотреть на работу, которую может совершить это движение. Будем надеяться, что оно принесет в Китай чувство реальности в духовных вещах, которое нынешнее материалистическое учение грозит устранить из его национальной жизни.

ГЛАВА XX

БУДУЩЕЕ ХРИСТИАНСТВА В КИТАЕ

На великой Шанхайской конференции мы всегда говорили о "Церкви в Китае", подразумевая тем самым, что в китайской империи должно быть одно христианское тело. Этот идеал возвышен и не невозможен. Есть основания ожидать, что великое интеллектуальное движение в Китае сделает китайцев очень готовыми к принятию новых идей, а скорость обращения в Китае позволяет надеяться, что эти новые идеи могут быть христианскими, а не западным материализмом. Если Китай станет христианским, то, несомненно, будет наблюдаться большая тенденция к принятию единства христианства как основной доктрины. Как раса они явно склонны к объединению в той же степени, в какой англосаксонская раса склонна к разъединению. Британская империя держалась на страхе перед своими врагами; китайская империя держалась на естественной любви к союзу, которая является доминирующей характеристикой расы. Уберите врагов Британской империи, и она естественным образом разделится, но разделите Китайскую империю, и она естественным образом вернется в единое тело. Китайское христианство, если оно действительно китайское, будет стремиться к единому телу. Эта истина, которая, как я думаю, была бы принята всей Шанхайской конференцией, открывает путь для размышлений, полных предчувствия и в то же время надежды.

На Шанхайской конференции была упущена из виду одна очевидная критика того, что говорилось о Церкви в Китае, а именно: поскольку Римское общение намного превосходит все неримские общины вместе взятые, Церковь в Китае, если она будет состоять из всех христиан, будет совсем не такой, как хотелось бы большинству присутствовавших на конференции. Некоторые люди утверждают, что любовь китайцев к единству не зайдет так далеко, чтобы заставить объединиться протестантов и католиков, и что в Китае будет продолжаться раскол, который разорвал христианство на две части в Европе. Я хотел бы спросить тех, кто так думает, считают ли они это желательным, даже если это возможно. Когда иностранное влияние и поддержка будут устранены, не приведет ли такое разделение вскоре к состоянию сильного трения, что, возможно, приведет к уничтожению меньшего тела. Но это маловероятно; раса, которая привыкла объединять даосизм, буддизм и

конфуцианство, без труда объединит романизм и протестантизм. Я не хочу сказать, что Рим победит; это не кажется вероятным. Сила римлян велика, когда они проповедуют наше общее христианство, но их своеобразная доктрина о главенстве Рима очень непривлекательна для китайца. В конце концов, Рим - это очень маленькое место для человека, живущего в Китае. Подумайте, как мало мы знаем о древней китайской истории, и поймите, как мало Китай знает об истории нашей цивилизации. В наши дни родина для китайца - это всего лишь столица самого слабого союзника Германии. Рассуждения об универсальности Римской церкви, всегда ошибочные, в Китае кажутся почти смешными. С одной стороны, китайка знакома с Америкой, с другой - общается с Индией, а на севере у нее есть граница, которая простирается на тысячи и тысячи миль между ней и великой православной церковью России. Глаза сами собой обращаются к этой огромной линии границы между конфуцианством и христианством, и удивляешься, как может китаец думать о Риме как о единой католической церкви. Если Римская церковь с ее иностранным господством и молчаливым признанием того факта, что только представители итальянской нации могут получить Божественный авторитет для руководства церковью на земле, непривлекательна для ума человека, живущего на Дальнем Востоке, то, с другой стороны, ее нарядные и достойные службы должны быть очень привлекательны для расы, чья национальная философия придает первостепенное значение достоинству и благопристойности в одежде и поведении. Если бы Римская церковь могла отказаться от своих латинских служб, могла бы откровенно стать национальной церковью, не подчиняющейся никакому понтифику за пределами Китая, можно было бы сожалеть о такой возможности, но нужно было бы допустить вероятность ее полного господства над китайской империей. И снова взгляд обращается к северной границе, и спрашиваешь себя, не станет ли эта великая Православная Церковь, достоинство богослужений которой не имеет аналогов, и которая откровенно принимает национальную Церковь как разумную христианскую позицию, в один прекрасный день важным фактором в будущей миссионерской работе в Китае. После того, что мы увидели и услышали на Столетней конференции, и после того, как мы осознали огромные масштабы римской работы, мы почувствовали, что пока мы не поймем, почему Русская Церковь не ведет миссионерской работы, мы не сможем понять всю миссионерскую проблему; ведь когда Русская Церковь возьмется за такую работу, ее географическое положение должно сделать ее важной.

Весь этот вопрос представляет огромный интерес для изучающего миссии, но особенно для англикан. Огромная ценность англиканской позиции всегда заключалась в том, что, выражаясь избирательной фразой, мы предлагаем платформу, на которой могли бы объединиться все те, кто называет себя христианами. Великая рента, разделяющая протестантов и католиков, похоже, не только не позволяет латинским христианам объединиться с тевтонскими протестантскими церквями, но и затрудняет объединение последних с великими церквями Восточной Европы. Конечно, все это имеет лишь академический интерес в Англии, но в Китае с его быстро растущим христианством и интеллектуальной революцией, рвущейся вперед к неизвестным возможностям, все это представляет жизненный интерес. Каким будет китайское христианство? Будет ли это нарядное христианство, к которому присоединятся новообращенные Рима и, возможно, новообращенные православной церкви, нарядная церковь, несомненно, запятнанная недостатками своих родителей, церковь, возможно, привлекательная для буддиста, поскольку ему не нужно будет преодолевать большое расстояние в мыслях, чтобы войти в ее порталы; Или же это будет великая протестантская церковь, холодная и голая, энергичная и энергичная, церковь, в которой форма тевтонского ума будет плохо сочетаться с китайским новообращенным, церковь, которая во многих вещах может действительно представлять волю нашего общего Учителя, но церковь, которая оставляет восточного человека холодным

и несчастным, в то время как она практически вырывает из нашей Библии те бесконечные главы об украшении храма и скинии, те постоянные повеления к точному и упорядоченному ритуалу.

Я пишу с тем, что немцы называют "объективностью"; тевтон внутри меня не любит ритуалы; но китаец - не тевтон, и китаец любит ритуалы так же сильно, как любой человек на земле. Ни у кого из тех, кто был принят китайским вице-королем в его Ямене, не может быть ни малейшего сомнения на этот счет. Если протестантские организации надеются навязать китайцам неорнаментальную форму христианства, они будут делать то же самое, что итальянская церковь сделала с северными расами и что вызвало великое потрясение Реформации. Реформация была, по сути, восстанием тевтонского разума против насильственного принятия итальянского взгляда на христианство. Навязывание новообращенным китайцам христианства, лишённого всех ритуалов и демонстраций, через несколько лет приведет к аналогичным потрясениям. Есть еще и третья возможность. Англиканская позиция дает возможность избежать таких потрясений и позволить объединиться всем христианам на основе нарядного богослужения и евангельского христианства. Ведь хотя она допускает богослужение, равное по достоинству римскому или российскому, она в равной степени с теми, кто гордится именем протестанта, настаивает на высшей ценности Библии.

Сама надежда на то, что христианство завоеует Китай, заставляет меня опасаться за будущее. Век гонений прошел, кровь мучеников была пролита, и семя Церкви свободно посеяно. Но после эпохи гонений наступает эпоха ересей, и чтобы сохранить христианство в Китае от будущих опасностей, необходим не только союз, но и упорядоченная Церковь, связанная верованиями, уважающая традиции, которая будет охватывать всех тех христиан, кем бы они ни были обращены, которые любят имя Господа нашего Иисуса Христа. Большая опасность, которой я боюсь для будущей Церкви в Китае, имеет восточное, а не западное происхождение. Я не боюсь господства Рима. Я сомневаюсь, что протестантским общинам удастся в конце концов убедить китайцев поклоняться Богу в голом здании и без облачений.

Китай и Япония, если они будут завоеваны христианством, не будут ни протестантами, ни католиками в той же степени, что и мы - несторианами или евтихианами. Их разделения, их опасности, их борьба будут проистекать из совершенно иных обстоятельств. Я боюсь, что опасность будет исходить от попытки объединить буддизм и христианство в одну религию. Это тем более вероятно, что такое, несомненно, уже случилось. Несторианство и буддизм - вероятные родители нынешнего китайского ламаизма. Однако нам не дано заглянуть в будущее, но мы можем заглянуть в прошлое и увидеть, что наши предшественники в вере почти всегда совершали ошибку, полагая, что старые опасности повторятся, и поэтому полагаясь на старые меры защиты.

Будущая Церковь на Дальнем Востоке должна вести собственные сражения. Она должна сама решать свои проблемы. Все, что мы можем сделать, - это передать ей истину во всей ее полноте и научить ее искать Божественного руководства, забыть такие слова, как протестант, римский католик, неконформист и англиканин; усвоить только слово "христианин" и слово "любовь". Если у дальневосточного христианства будут свои битвы, то у него будет и свое послание Западу, "чтобы они без нас не сделали совершенными". Возможно, послание Востока Западу будет заключаться в том, что как Бог един, так и Его последователи должны быть едины; что как ни силен и могуч Запад, в нем есть элемент величайшей слабости; что раздор, царящий между христианами и христианами, между расами и расами, между классами и классами, не является волей Творца, а является результатом национальных грехов белых рас. Дальний Восток, с его большей силой единства, может осветить Запад

более высоким представлением об этой великой добродетели, и мир станет гораздо более святым и счастливым местом, когда желтая раса проповедует миру великую доктрину мира на земле и доброй воли к людям.

НОВОЕ И СТАРОЕ ОБУЧЕНИЕ

ГЛАВА XXI

ОБРАЗОВАНИЕ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ МИССИОНЕРСКОЕ

Мне уже доводилось говорить о том, какое огромное влияние оказало образование на пробуждение Китая, и я думаю, что американцы могут с полным правом утверждать, что они были величайшими работниками в этой области. Римские католики с незапамятных времен уделяли самое пристальное внимание обучению детей христианским истинам, и для этого у них есть замечательные учреждения. В 1852 году иезуиты основали Колледж святого Игнатия для обучения местных священников, и с тех пор они основали множество учебных заведений. Кроме того, у них очень много начальных школ, которые изначально предназначались лишь для того, чтобы уберечь новообращенных от слишком тесного контакта с языческим миром, а также множество высших школ. В этих школах они преподают современные знания, уделяя особое внимание преподаванию французского языка, что они могут делать с большой эффективностью, так как многие из их числа принадлежат к французской нации. В немецкой сфере влияния есть католические школы, где преподается немецкий язык; но, несмотря на отличную работу, она не может сравниться с работой американцев, которые действительно были пионерами высшего образования в Китае.

С приходом американских миссионеров в образовании начался новый виток. Школы и колледжи больше не были местами, где христиане просто получали образование; это были места, где христиане, уверенные в истинности своего учения, передавали язычникам и христианам все знания, которыми обладал Запад. Замысел был смелым, грандиозным. Она демонстрировала государственное понимание ситуации и смелость, которая может исходить только от осознания силы христианской позиции, что христианство не было узкой религией, боящейся свободного исследования. Напротив, христианство было религией, которую могли оценить только те, кто обладал самыми полными знаниями. Эти учителя смело заявляли, что невежество - мать религиозных заблуждений, и поэтому долг каждого христианина - немедленно устранить невежество и поделиться с каждым знанием, которое только и может

сделать мир способным по-настоящему оценить силу Бога, проявляющуюся в каждом отделе науки.

Так появились школы и колледжи. Те, кто верил в эту политику, не принадлежали к какой-либо одной конфессии, хотя и принадлежали к одной нации - Америке. У этой политики было много противников. Утверждалось, что долг миссионерских организаций - проповедовать Евангелие, и что, каким бы полезным ни было образование, не дело христианина давать его; но какие бы сомнения ни возникали тогда, факты оказались слишком сильны для тех, кто против образовательной политики, и любой, кто путешествует по Китаю, все больше и больше понимает, что Миссия, которая тратит деньги на образование, - это Миссия, которая имеет силу расширения. Миссия, не имеющая системы образования, всегда скована и замкнута из-за нехватки денег и людей. Они постоянно пишут домой с просьбой прислать еще одного человека; кто-то сломался или открылась новая возможность для работы, и поэтому "они должны настаивать на том, что Совету дома очень важно прислать как можно раньше одного или нескольких помощников". Совет дома постоянно отвечает на эти письма, выражая "полное сочувствие их беспокойству", но на самом деле обливая холодной водой их энтузиазм и указывая, что количество людей ограничено, а количество денег еще более ограничено. Таким образом, возможность упущена, а миссия не может расшириться. Все та же маленькая церковь заполнена новообращенными; в том же здании миссии живут уставшие и измученные климатом белые миссионеры. Такая миссия, вызывая глубочайшее уважение к героизму миссионеров, вызывает чувство безысходности. Как возможно, чтобы подобная миссия действительно решила проблему превращения христианства в национальную религию? Как может духовное служение осуществляться инопланетянами, поддерживаемое чужими деньгами, собранными у возможно враждебной расы?

Совсем другой эффект производит на зрителя миссия, в которой специализируется на образовании. Там все живое, энергичное и успешное. Один из самых успешных американских миссионеров, епископ Корни, представитель Епископальной церкви Америки, рассказал о системе, с помощью которой ему удастся сделать христианство религией коренного населения. В его большом колледже, которым руководит мистер Джексон, многие являются язычниками. Некоторые проходят через колледж и проникаются определенным уважением к христианской этике, что не только принесет пользу Китаю, но и сделает интеллектуальную атмосферу благосклонной к христианскому учению. Некоторые, однако, станут христианами, которые в большинстве своем выйдут в мир и займут свое место, причем высокое место, в руководстве будущего Китая, как благодаря совершенству полученного ими учения, так и благодаря высокой нравственности, порожденной их христианской верой. Тогда найдется несколько человек, которые почувствуют явный призыв стать миссионерами для своего народа. У этих людей не будет соблазна стать христианами ради хлеба и рыбы, потому что, благодаря превосходному образованию, которое они получили, и великому процветанию, которое наступает в Китае, они смогут получать большую зарплату на открытом рынке. Эти высокообразованные священнослужители в состоянии пойти и донести христианство до китайцев так, что ни один белый человек не сможет сравниться с ними.

То, что рассказал мне епископ Рутс, можно хорошо проиллюстрировать двумя небольшими случаями. В Ханькоу, где его работа растет семимильными шагами, Лютеранская миссия потерпела неудачу, и поэтому она передала ему часовню. Он с готовностью согласился, и вскоре его китайские священники проповедовали в переполненных общинах. Второй случай был следующим: Я выразил желание сделать подарок одному из этих христианских ученых и спросил, какие книги он хотел бы получить. Мне ответили, что такие книги, как "Защита философского сомнения" Бальфура и "Путь к реальности" Холдейна, придутся по душе таким

молодым людям. Эти люди не только будут нести Евангелие своим соотечественникам гораздо эффективнее, чем иностранцы, но и в значительной степени смогут жить за счет подписки своих общин, и таким образом община, к которой они принадлежат, станет не только самораспространяющейся, но и самоподдерживающейся.

Чтобы понять важность этого спора, необходимо осознать различные цели миссионерского образования, и именно из-за того, что эти цели различны, спор запутался, а ценность образования как помощи миссионерским усилиям в Китае была неправильно понята. На самом деле существует семь целей: три общие для всех миссионерских усилий во всех странах и четыре, которые особенно актуальны для таких стран, как Китай, переживающих переходный период. Три цели, которые являются общими для всех миссионерских усилий, - это (1) евангелизация; (2) назидание христианского тела; (3) образование проповедников и учителей. Четыре, характерные для Китая в его нынешнем переходном состоянии: (4) подготовка светских лидеров; (5) закваска всего общественного мнения; (6) противостояние западному материализму; (7) ассоциация христианства с обучением.

Аргументы в пользу первых трех применимы к любой стране. Евангелизация, несомненно, может быть проведена наиболее эффективно до того, как в сознании появится интеллектуальная предрасположенность. Говорят, что священник-иезуит сказал: "Если у меня есть ребенок до десяти лет, мне все равно, у кого он будет потом"; и поэтому, как и во всем мире, так и в Китае, римские католики всегда прилагали большие усилия для воспитания детей. Они отдают предпочтение тем, у кого не было дома, сиротам и беспризорникам, и благодаря такой политике создали огромное христианское население, насчитывающее более миллиона человек. Это население полностью христианское по своим чувствам; оно никогда не знало идолопоклоннической атмосферы и в значительной степени живет само по себе в общинах. При всей своей христианской сущности, они также абсолютно китайские; не предпринимается никаких усилий для вестернизации детей. Из этого великого христианского тела черпают католических священников, и я полагаю, что они настолько совершенно христианские, что такая важная организация, как иезуиты, не делает различий между ними и белыми людьми. Когда другие христианские организации начинали миссионерскую работу в Китае, они также открывали школы, но отличие их школ заключалось в том, что они в гораздо большей степени стремились ко второй цели, чем к первой. Школа была не просто местом для привлечения бездомных детей и воспитания их как христиан; она также должна была назидать и украшать знаниями детей христиан. Нехристиане в основном принимались, но я думаю, что прав, утверждая, что целью было скорее назидание, чем евангелизация. В таком развращенном обществе, как Китай, где все знания смешаны с пороком, неизбежно возникновение христианских школ для христиан, и столь же неизбежно, что те, кто не являются христианами, но очень восхищаются этими школами, должны стараться попасть в них. Особенностью этих школ в большинстве своем, хотя и не всегда, в отличие от более ранних римско-католических школ, является то, что западное образование в определенной степени, варьирующейся в каждой миссии, дополняет китайское обучение; и поэтому, хотя школа по сути является школой для китайского обучения, дети, как правило, получают и западные знания.

Из этих школ естественным образом возникают другие, которые ставят перед собой третью цель миссионерского образования, а именно подготовку проповедников и учителей, которые в будущем станут настоящим миссионерским корпусом Китая. Каждый мыслящий человек понимает, что миссионер-иностранец может существовать только в короткий переходный период. Истинными учителями расы должны быть те, кто связан с ней кровными узами и традициями, и поэтому почти каждая миссия приступила к работе по созданию местного

служения, которое рано или поздно возьмет на себя задачу обращения Китая. Многие, да и большинство, считают это главной целью миссионерской образовательной работы. Однако степень подготовки в разных миссиях сильно различается. Некоторые миссии, черпая своих учителей из низших слоев общества, довольствуются образованием, которое позволяет им руководить и обучать низший класс, среди которого они живут; другие миссии считают, что христианский учитель должен не только уметь руководить невежественными людьми, но и быть способным вступать в споры с теми, кто может быть хорошо оснащен западными знаниями; Поэтому, если в некоторых миссиях обучение местных пасторов ведется исключительно на китайском языке, то в других - на английском, чтобы учителя и проповедники могли идти в ногу с мыслью западных стран и защищать свою землю пером и проповедью как от заблуждений Запада, так и от суеверий Востока.

Именно подготовка этих высокообразованных людей дает возможность реализовать четвертую цель миссионерского образования в Китае: ту, которая была бы применима не в каждой стране, но которая жизненно важна в Китае, а именно - подготовка светских лидеров в Китае. Чтобы понять важность этой цели, мы должны постоянно напоминать нашим читателям, что Китай находится в разгаре интеллектуальной революции. Она проходит через период, который в некотором роде сопоставим с периодом Возрождения в Европе, но превосходит его как по значимости, так и по опасности, потому что в Европе, как видно из названия, это было, по сути, восстановление забытых, но не новых знаний с их последующим расширением и развитием. В Китае революция вызвана внедрением иностранного знания, абсолютно негармоничного и во многом противоположного родной мысли. В Европе фундамент знаний всегда был надежным, менялась только надстройка. В Китае выкорчевываются самые основы; в результате Китай в настоящее время лишен лидеров, за исключением узкой группы людей, которые благодаря дальновидности некоторых христиан в прошлом получили западное образование. Есть множество старомодных лидеров, которые возглавляли или не смогли возглавить сонный Китай много лет назад - люди с большими способностями, но в состоянии большого душевного смятения, из-за их неспособности понять многие аспекты цивилизации, которую им навязывают и которая для них неестественна. Они не могут понять наших валютных вопросов, наших финансовых операций; они лишь смутно осознают возможности и проблемы, связанные с военными и военно-морскими вооружениями. Они тоскуют по ушедшим годам, но неумолимая судьба гонит их страну вперед, на новые позиции, которые влекут за собой новые обязанности, новые полномочия и новые опасности. Китаю нужны люди, которые проведут его через это ужасное состояние смятения и перемен, и он обращается к ним в поисках тех, кто понимает западную цивилизацию, кто обладает характером и знаниями, необходимыми для решения всех этих проблем. Именно в этот момент любой способный человек, хорошо разбирающийся в западных вещах, имеет шанс занять высокое положение на сайте . Возможно, этот спрос будет удовлетворен за счет количества студентов, которых Китай отправил за границу для получения образования, но размеры Китая и большой спрос на людей, обладающих западными знаниями, заставляют многих из тех, кто хорошо знаком с Китаем, быть уверенными, что эта возможность еще открыта, что еще можно в какой-то степени направить умы и мысли тех, кто будет руководить Китаем как государственные деятели, как авторы и как ученые люди. Воспитание этих людей можно с большой пользой проводить в том же заведении, где получают образование священнослужители; образованный священнослужитель, будущие пресса и государственные деятели Китая таким образом находятся в тесном контакте друг с другом, и даже от одного заведения польза, которая может прийти в Китай, совершенно неисчислима.

Это подводит нас к пятой великой цели образования - закваске общественного мнения в Китае, чтобы христианство нашло почву, подготовленную для его посева. Уничтожение суеверий, воспитание западной этики делают христианство разумной, а не неразумной религией для тех, кто слышит его проповеди. Очевидно, что для закваски общественного мнения необходимо оказывать влияние на тех, кто будет контролировать такие силы, как пресса и школа; учитель и писатель - вот те люди, на которых следует обратить особое внимание; и чтобы достичь этой цели, необходимо создать и поддерживать места, где преподаются высшие знания, а не только начальные школы.

Но есть и другой объект, шестая цель образования в Китае. Одной из неприятных черт революции, происходящей в китайской мысли, является нынешнее внедрение западного материализма, который, судя по примеру Японии, после пересадки вырастет еще больше. Запад имеет двойной аспект, если смотреть на него с Востока: это христианский мир, где женщины чисты, а мужчины благородны; это богатый мир, где нет никаких моральных обязательств. Первый аспект представляет миссионер; второму аспекту слишком часто учат моряки и торговцы; и когда китаец спрашивает, какова мысль и основа западного учения, японский материалист, указывая на пример многих западных жизней, заявляет, что христианство в Европе подобно буддизму в Японии, религии, которая в свое время имела много приверженцев, но влияние которой быстро ослабевает, и именно в противостоянии этому материализму миссионерский колледж и университет выполняют, возможно, свою самую важную задачу.

Люди, которым предстоит выполнять эту работу, должны быть высококвалифицированными специалистами в области западных знаний; они должны разбираться в науке и уметь вести дискуссию с последователем Геккеля, они должны быть компетентны в обсуждении социологии с учениками Герберта Спенсера и не бояться погрузиться в изучение сравнительной религии; кроме того, они должны быть квалифицированы, чтобы отлично писать по-китайски и быть твердыми в своей христианской вере. Производство таких людей должно также удовлетворять седьмой и последней цели христианского образования: оно будет связывать обучение с христианством в сознании китайцев. Ключевым моментом китайской мысли является восхищение образованностью. В Китае нет каст или классов, нет разделения, кроме как на невежественных и образованных; если христианство будет ассоциироваться с невежеством, его влияние будет потеряно, а сделать христианство и знание в сознании китайца двумя частями одной великой идеи - задача не из легких.

Очевидно, что если миссионерские общества будут делать ставку на ту или иную из этих целей, то они будут поддерживать разные типы школ. Если их цель - первая, они будут стремиться дать образование сироте и бездомному, а школа и приют будут, как и в римско-католической церкви, тесно связаны друг с другом. Если цель - назидание христианского тела и обеспечение его подходящим пастором, миссионерское тело будет строить начальные школы для христианских детей, а также богословские и нормальные школы, чтобы завершить свою школьную систему. Если, с другой стороны, миссионерский орган ставит своей целью проквасить всю мысль Китая, захватить Китай для Христа или защитить Китай от ужасного вредителя западного материализма, который превратит свет, который сейчас есть в Китае, в черную тьму и навсегда ожесточит его против христианского учения, то средняя школа, колледж и университет будут теми объектами, на которые будут потрачены деньги. Именно на эти цели и были направлены американские органы; и я думаю, что Китай в огромном долгу перед Богом за ту широту мысли и понимание ситуации, которые продемонстрировал американский ум.

ГЛАВА XXII

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

Одно из самых высоких свидетельств мудрости миссионеров в проведении образовательной политики было дано китайским правительством. Подражание - самая искренняя лесть, и у миссионерского образования есть свой подражатель в лице не менее известного органа, чем китайское правительство. Китайцы всегда любили образование, но образование, которым они восхищались, было литературным, которое начиналось с китайского характера, а заканчивалось китайской классикой; их система обучения отличалась от нашей; они гораздо больше верили в обучение наизусть, чем самый консервативный английский школьный учитель, который когда-либо задавал своим ученикам длинный урок повторения. Странное зрелище представляет собой старомодная китайская школа: мальчики во весь голос выкрикивают названия иероглифов, значение которых они не понимают. Важной частью представления являются громкие крики; чем громче они кричат, тем усерднее работают и тем быстрее, по их мнению, учатся, поэтому, когда посетитель удивляет класс, их голоса не поднимаются выше приятной и разумной высоты, но после того как он обнаружен классом, крики становятся все громче, пока шум можно сравнить только с клеткой для парокетов в Зоологическом саду.

Еще одна особенность школы заключается в том, что все ученики поворачиваются спиной к своему хозяину; доктрина заключается в том, что если бы им позволили наблюдать за своим хозяином, то ему было бы совершенно невозможно обнаружить их многочисленные мелкие нечестные поступки. Поначалу миссионеры мучительно подражали этим школам; они чувствовали, что нельзя доверять детям своих новообращенных учеников языческой атмосфере китайской школы, и в то же время понимали, какое огромное значение придают китайцы образованию. Эти школы привели к появлению средней школы под названием "шу-юэнь", которая существовала во всех крупных городах, а та, в свою очередь, привела к появлению четырех университетов, но они, как мне кажется, уже некоторое время находятся в неэффективном состоянии. Тем не менее, хорошо это или плохо, но система существовала, и задолго до наших новых веяний в образовании китайцы вполне свыклись с мыслью, что мальчик, обладающий достаточными способностями, может подниматься по лестнице обучения, из класса в класс, из школы в школу, пока, наконец, не получит заветную степень Ханьлиня. Китайцы придавали столь большое значение образованию, что вполне возможно, и это действительно случалось, что мальчики из самых скромных семей поднимались по этой лестнице, пока не достигали самых возвышенных позиций.

Первым признаком изменения этой системы стала книга, выпущенная после китайско-японской войны Чанг-Чих-Тунгом. Этот выдающийся государственный деятель после сокрушительного поражения Китая понял, что для того, чтобы сохранить свое место среди свободных и независимых наций мира, абсолютно необходима общая реформа, и написал книгу под названием "Единственная надежда Китая", в которой решительно выступал за принятие в той или иной мере западного образования. Его схема - та, которая практически

действует сейчас в Китае: сделать китайское образование фундаментом, на который должно быть поставлено западное образование. Он, как и большинство китайцев, не верил в трудность получения западного образования. Он пишет: "Сравнительное изучение географии иностранных государств, особенно России, Франции, Германии, Англии, Японии и Америки; беглый обзор размеров и расстояний, столицы, главных портов, климата, обороны, богатства и могущества этих государств (время, необходимое для прохождения этого курса, десять дней)". Китайским литераторам очень трудно понять трудности приобретения западного образования. Чанг был человеком недюжинного ума, и одна из причин, по которой он так стремился сохранить китайское образование, заключалась в том, что он понимал, какое разрушительное воздействие западное обучение оказывает на восточные верования. Он надеялся сохранить этику конфуцианства и приложить к ней практические знания Запада, которые, как он понимал, были необходимы Китаю. Он подытожил свою позицию словами: "Западное знание практично, китайское - нравственно".

Непосредственный результат этой книги оказался абсолютно противоположным тому, что предполагал ее автор. Книга была издана миллионным тиражом и распространилась по всему Китаю. Она вызвала бурю оппозиции и, возможно, стала одной из причин, приведших к вспышке боксерского движения; но провал боксерского движения и русско-японская война убедили Китай в правоте Чан-Чих-Тунга, и теперь его книга может считаться книгой, которая лучше всего выражает интеллектуальную позицию умеренного реформатора.

Сначала он решает очень сложный вопрос финансирования. Он предлагает финансировать школы за счет массового отказа от двух религий, в которые он не верит, - буддизма и даосизма. Он пишет: "Буддизм на последнем издыхании, даосизм отброшен, потому что его дьяволы стали безответными и неэффективными". Затем он предлагает использовать семь храмов из десяти как в отношении их строительства, так и в отношении их средств для образовательных целей. Но он с сочувствием относится к отрекшемуся духовенству Китая. Он предполагает, что их можно утешить, щедро одарив себя и своих родственников официальными знаками отличия. Кто может сказать, не станет ли популярным валлийский дестабилизм, если все духовенство сделать архидьяконами, а их братьев и отцов - рыцарями. Но у него есть исторический прецедент лишения сана - Буддизм, по-видимому, трижды переживал процесс лишения сана; но поскольку последнее лишение сана было в 846 году, на нашей стороне мира мы не должны рассматривать его как прецедент, имеющий большую ценность.

При создании школ он придерживается пяти принципов. Первый - тот, о котором мы уже упоминали: новое и старое должны быть сплетены в одно целое, китайская классика должна стать с помощью некоего магического процесса основой для преподавания западного образования. Второй - очень незападный, но, возможно, здравый взгляд на вопрос. Он выдвигает два объекта образования: во-первых, государство; во-вторых, наука. Первая включает в себя все знания, необходимые для управления человечеством - географию, политическую экономию, фискальную науку, военное искусство и, хотя он не упоминает об этом, я полагаю, историю. Второй - естественные науки, включающие математику, горное дело, терапию, звук, свет, химию и т. д. Третий принцип - тот, который мы редко применяем в нашей стране, а именно: ребенок должен получать образование только по тем предметам, к которым у него есть природные способности. Четвертый принцип - тот, который абсолютно применим к Китаю; это отмена так называемого трехстопного сочинения, сложного архаичного и искусственного письма, которое существует только для целей экзамена, что-то вроде наших латинских стихов. Пятый принцип показывает, что Китай в чем-то опережает

нас, а в чем-то отстает. Китай перешел от стадии бесплатного образования к стадии всеобщей стипендии; все студенты платят, и это привело к большим злоупотреблениям; люди учатся только для того, чтобы заработать на жизнь, у которых нет способностей к обучению, и на которых деньги на образование действительно тратятся впустую, и поэтому он отменяет оплату.

Его превосходительство завершает свой совет предложением о создании обществ для развития образования. Китайцы обожают эти маленькие социальные клубы и собрания. Его шахматный клуб, его поэтический клуб, его клуб домино - это национальные учреждения. Почему бы, предлагает Его Превосходительство, не создать образовательный клуб, или, как я полагаю, мы должны назвать его, общество взаимного улучшения". Так писал великий вице-король, который, как никто другой, предотвратил распространение боксерского восстания, опустошившего Центральный и Южный Китай. Во время боксерского восстания всякое продвижение вперед было невозможно, но после того как этот поток беспорядков схлынул, реформы, предложенные Чан-Чи-Туном, стали рассматриваться всерьез, и 13 января 1903 года был издан императорский указ, обновляющий и организующий, по крайней мере на бумаге, всю систему образования в Китае. Это был бы не Китай, если бы в этом указе не было много здравого смысла; это был бы не Китай, если бы на бумаге организация не казалась идеальной; это был бы не Китай, если бы на деле вся эта схема не оказалась в значительной степени неудачной.

Схема была очень полной. Она начиналась снизу и продолжалась через все ступени образования до самого верха. Сначала должны были появиться школы для младенцев; в них принимали детей от трех до семи лет, и их задача состояла в том, чтобы дать детям первое представление о правильном поведении и оградить их от опасностей улицы. На смену этим школам должны были прийти начальные школы с двумя отделениями, в которые дети должны были поступать по достижении семи лет и продолжать обучение в них до двенадцати лет. Предметами преподавания были мораль, китайский язык, арифметика, история, география, физические науки и гимнастика. В настоящее время обязательное посещение школы не предусмотрено, но это идеал будущего. Школы должны были быть бесплатными, а деньги должны были быть получены либо за счет налогов, либо за счет набегов на некоторые фонды, в частности на религиозные или театральные - ведь театры в Китае являются фондами. Средства также должны были изыскиваться по подписке, а тем, кто откроет школы, обещались титулы и чины; в отличие от нашей страны, где, увы, трата времени на образование для бедных вознаграждается лишь злоупотреблениями. Эти начальные школы должны были вести к высшим, а те - к последним на лестнице образования, в которых должны были преподаваться только китайские предметы. Над ними должны были располагаться так называемые средние школы, в которых преподавались бы примерно те же предметы, что и в наших средних школах: китайская классика, китайский язык и литература, иностранные языки (один, по крайней мере, должен быть обязательным), история, география, физика, химия, наука управления, политическая экономия, рисование, гимнастика; по примеру западных школ преподавалось бы также пение. Эти школы ведут к высшим школам, в которых преподаются более высокие разделы тех же предметов. Эти школы должны были быть разделены на три части. Первая секция включает в себя право, литературу и торговлю; вторая - науки, гражданское строительство и сельское хозяйство; третья - медицину. Примечательно, что английский язык необходим для тех, кто изучает первые два раздела, а немецкий обязателен для тех, кто изучает третий раздел - в любом случае может быть добавлен третий язык; эти высшие школы должны были привести к университету, в котором должно было быть восемь факультетов. Первый факультет, по сути, китайский, и я полагаю, что для нашей мысли лучше всего было бы выразить его словом

"belles-lettres", но он включает в себя такие предметы, как обряды и поэзия; второй факультет - юридический; третий - истории и географии; четвертый - медицины и фармации; пятый - естественных наук; шестой - сельского хозяйства; седьмой - гражданского строительства; восьмой - коммерции.

Университетский курс должен был длиться три года, и в каждой провинции должен был быть создан университет. Система образования должна была быть усовершенствована двумя другими учреждениями - аспирантурой, где должны были проводиться научные исследования, и нормальным колледжем, который должен был делиться на низший и высший с целью подготовки школьных учителей для сельских школ, а также для высшего образования. Гораздо менее амбициозная схема образования девочек была добавлена к этому указом 1907 года. Если мои читатели ознакомились с этой схемой, боюсь, они придут к выводу, что Китаю нечему учиться у западных держав, скорее он должен учить их, как усовершенствовать свою собственную несовершенную систему образования; но, увы, эта схема осталась только на бумаге. В провинции, где правил Е.П. Юань-Ши-Кай, школы в какой-то степени приближаются к уровню западной эффективности. Во всех других провинциях, которые я посетил или о которых слышал, результаты этого указа были явно разочаровывающими; единственным исключением были те, где университеты были организованы не в форме или на условиях указа, а западными преподавателями, действующими на более или менее независимой основе. Например, в Шанси есть великолепный университет, основанный доктором Тимоти Ричардом.

У этого университета любопытная история. После Боксерской резни державы потребовали компенсации как за разрушенные здания, так и за убитых миссионеров. Некоторые миссионерские организации категорически отказались брать какую-либо компенсацию. Воспитанные в духе раннехристианской церкви, они не допускали, чтобы кровь, пролитая за святое дело, была оплачена деньгами. В этот момент возникла угроза зайти в тупик. Западное правительство настаивало на компенсации, и было сомнительно и неопределенно, как эта компенсация должна быть выплачена. Китайское правительство послало за протестантским миссионером, которому доверяло больше всего, доктором Тимоти Ричардом, и он сделал предложение, которое сразу же устроило и китайцев, и миссионеров: деньги должны быть направлены на основание большого университета; ведь невежество - самая распространенная причина фанатизма, и ужасные резни, учиненные в Китае, никогда бы не состоялись, если бы Китай понял, как понимал Чан-Чих-Тунг, что западная наука и просвещение идут на благо Китая; так был основан этот университет. Он был основан на особых условиях. Он находится под управлением Китая, но не полностью. Доктор Тимоти Ричард в течение определенного количества лет является одним из его губернаторов, и он, по крайней мере, в течение десяти лет контролирует западную часть образования. Его поддерживает квалифицированный персонал, а преподаватель У. Е. Сутилл является действующим президентом. По истечении десяти лет, которые как раз подходят к концу, статус университета будет изменен, и, насколько я понимаю, он вернется к обычному статусу правительственного университета. Вряд ли стоит говорить о том, что этот университет весьма удовлетворителен в своем преподавании, а в последнее время он отправил многих своих студентов в Англию для завершения образования. Однако он страдает от отсутствия надлежащего подготовительного курса. Одна из трудностей, которая стоит на пути компромисса Чанг-Чи-Тунга, - это трудность найти время для западного подготовительного курса, и эта трудность уравнивается только с трудностью найти преподавателей. Без времени и учителей студенты приходят в университетский период своей жизни лишь с самыми элементарными знаниями по западным предметам. Этот колледж вряд ли можно назвать колледжем высокой правительственной эффективности, скорее его следует

рассматривать как пример того, что такой человек, как доктор Тимоти Ричард, может сделать много хорошего, если ему только дать свободу действий.

Еще один западный университет, находящийся под контролем китайского правительства, - это университет Пей-Ян в Тяньцине. Преимущество этого университета в том, что его хорошо поддерживают эффективные государственные школы в Пао-тин-фу. Одна интересная деталь о школе Пао-тин-фу - факт, который в двух или трех отношениях должен дать нам пищу для размышлений - заключается в том, что она контролируется христианином, которому правительство, вопреки его собственным правилам, разрешило вести активную пропаганду. Это тот человек, который, когда миссионеры были убиты в Шанси, рискуя жизнью, доставил послание от них, написанное кровью на куске ткани. Возможно, нет ничего удивительного в том, что такой человек производит прекрасную работу. Университет Пэй-Ян, однако, далеко не соответствует нашим представлениям о том, каким должен быть университетский стандарт. Тем не менее, если говорить о нем, то он очень эффективен. В нем преподают очень эффективные профессора. В нем учатся 150 студентов, преподают право, горное дело и инженерное дело. Персонал - американский, за редким исключением. Одно из таких исключений - мистер Ванг, китаец, получивший образование в Лондоне. Философия преподается очень слабо, всего три часа в неделю отводится на изучение китайского языка, а от студентов ожидается, что они приобретут достаточные знания по китайским предметам еще до поступления в университет. Американские профессора, которые оказались восхитительными людьми, признали, что в этой школе нет настоящей научной подготовки. Они рассказали о своих учениках то же самое, что вы услышите в любой китайской школе. Они преуспели в алгебре, рисовании и в потрясающей способности запоминать формулы. Одна из трудностей преподавания в китайском классе заключается в том, что им так трудно учиться наизусть, что они предпочитают заучивать учебники наизусть, а не пытаться понять их. На юридическом факультете университета Пей-Ян преподают человек, не имеющий ни малейшего представления о китайском праве. Это одна из небольших ошибок американских педагогов в Китае, которая, как мне кажется, должна ввести Китай в некоторое заблуждение в будущем. Изучать только западное право и воображать, что это западное право можно напрямую применять к китайскому народу, - значит совершать ту же ошибку, которую так красноречиво осуждал Маколей в старой Ост-Индской компании. Такая система обучения может сделать только неразумных революционеров.

Эти два примера учебных заведений, созданных при китайском правительстве западными учителями, совершенно исключительны, и хотя они превосходны в своем роде, не имеют большого значения, а с учетом огромной массы населения Китая - и вовсе незначительны. Что такое пять или шесть сотен студентов для населения в четыреста миллионов человек.

Рассказ о том, что я видел в учебных заведениях под управлением китайцев, включая Пекинский университет, я должен оставить для другой главы.

ГЛАВА XXIII

ТО ЖЕ САМОЕ НА ПРАКТИКЕ

Любого, кто прочитал предыдущий рассказ о намерениях китайского правительства, можно простить, если он предположит, что через четыре или пять лет эти намерения принесли плоды в виде эффективной системы народного образования. Но тот, кто хоть какое-то время прожил в Китае, лишь усмехнется, предположив, что между тем, что китайское правительство исповедует, и тем, что оно делает, должна существовать тесная связь. Один маньчжурский профессор, чье европейское образование позволило ему правильно оценить слабости китайской расы, сказал с большой откровенностью: "В Китае мы начинаем дела, но никогда их не заканчиваем". Мне посчастливилось посетить около двадцати государственных школ в Китае, и истинность этих слов была совершенно очевидна.

Мой гостеприимный хозяин в Нанкине, Его Превосходительство Туан-Фанг, узнав, что я интересуюсь образованием, заявил, что будет очень рад, если я увижу его школы. Я выразил сожаление, что незнание языка помешает мне досконально разобраться в том, чему учат. Он очень гостеприимно сказал, что я могу сам осмотреть учеников, изучающих западные предметы и говорящих на английском или французском, а моя жена пусть осмотрит школы для девочек; нас должны сопровождать два переводчика, а также директор по образованию, и что он осмотрит школы по любой отрасли знаний, которую я выберу. Итак, мы отправились в путь, весьма внушительное тело, и мне было предложено выбрать, какие школы я хотел бы посетить. Конечно же, я выбрал школы старших классов, в которых преподавались западные дисциплины. Первой школой, в которую мы спустились, был Сельскохозяйственный колледж. Преподавателями западных предметов были два японца и один китаец. Преподавание велось на китайском языке, но в первой же комнате, куда мы вошли, я без труда узнал, что они изучают, поскольку иллюстрации были мне хорошо знакомы, так как они составляли часть книги по элементарной ботанике, которую я когда-то изучал. Я предложил переводчику г-ну Ценгу, что правильнее всего будет попросить японского мастера выбрать лучших учеников, и тогда он будет их экзаменовать, а я предлагать вопросы. Вскоре стало ясно, что все, что делал японский учитель, - это учил их копировать иллюстрации из книги, и ничего больше. Впервые мы заметили то, что впоследствии оказалось неизменным правилом: японцы - самые совершенные рисовальщики, и каждый класс, где преподавал японец, всегда учился отлично рисовать, хотя мало чему другому. Китайцы были весьма довольны тем, что японский учитель нарисовал такую жалкую фигуру. Затем мы перешли в следующую комнату. Там снова был японский учитель, пытавшийся объяснить модель парового двигателя; снова ученики были явно невежественны; снова мы поклонились, они поклонились, и мы вышли из комнаты.

В соседней комнате царила совсем другая атмосфера. Здесь явно шла эффективная работа. Мужчины изучали элементарную химию. Учителем был китаец, прошедший обучение в Лондоне и прекрасно говоривший по-английски. Он был столь же прямолинеен, сколь и эффективен. Он откровенно сказал, что успехи его учеников были весьма ограниченными из-за короткого времени, которое они провели за работой. Мы поздравили его с тем, как эффективно он управляет своим классом, и с интересом узнали, что он христианин. Мы не раз сталкивались с китайцами-христианами, и только потом узнавали, что они христиане, но были поражены их эффективностью, которая, несомненно, проистекала из высокого идеала работы.

Мы покинули Сельскохозяйственный колледж и перешли в Среднюю школу - так называют школу первого класса, которая предшествует университету и в настоящее время стоит на его

месте. В этой школе нас ждал примерно такой же опыт. Японский учитель преподавал биологию и препарировал речную мидию. Это делалось в таком положении, что только два человека могли видеть, что происходит. Меня это удивило. Потом мы узнали, что он ни слова не говорил по-китайски. Он препарировал мидию и заявил, что читает лекцию по ее анатомии ученику, который понимает японский, а затем ученик читает лекцию остальным в классе. Мои китайские переводчики считали, что таким образом через класс мало что может пройти, но директор по образованию мило улыбался. Очевидно, он чувствовал, что каким-то таинственным образом западное образование просачивается к ученикам, находящимся под его опекой. Когда мы возвращались по коридору, я заглянул внутрь. Лекция по биологии уже закончилась; полагаю, она была единственной за всю сессию, и ученики ушли с восхитительными рисунками речной мидии. Если бы японские преподаватели стали только учителями рисования, я уверен, им не было бы равных в мире. Чуть дальше, в том же здании, работал учитель рисования. Класс не был избранным, они рисовали со слепка известной греческой статуи, и их работы были просто восхитительны. Я уверен, что, кроме как в художественной школе, вы не найдете лучшей работы в Европе. В соседней комнате находился учитель естественных наук. Чтобы произвести впечатление на директора по образованию, он опрометчиво поставил машину для демонстрации вибрации звука в работе. Машина ничего не показала, к радости моих китайских друзей, только потому, что он ее не завел.

Я бы утомил своих читателей, если бы продолжал описывать комнату за комнатой. Я, конечно, не могу точно сказать, насколько глубоко эти японские учителя преподавали науку, но, во всяком случае, их ученики не приобрели никаких знаний, и я думаю, что мы можем быть слишком строги к японцам. Не стоит забывать, что им приходится поставлять учителей для всех своих школ. Вряд ли они смогут или захотят направить в другие страны эффективных преподавателей западного образования? Не то чтобы западные знания долгое время преподавались в Японии. Сейчас у них много школ, а раньше их было мало. Я полагаю, что в Японии нет ни одного мужчины, во всяком случае, большого числа мужчин старше тридцати пяти или сорока лет, получивших эффективное западное образование. Остается только удивляться, почему они позволяют портить свою национальную репутацию, полагая, что они могут обеспечить этих учителей западными знаниями. В качестве причины, по которой такая гордая и амбициозная страна, как Япония, допускает курс, который в конечном итоге должен нанести ущерб ее репутации как просвещенной державы, можно назвать политические мотивы.

Следующая школа, которую мы посетили, была очень интересной. Это была так называемая юридическая школа. Люди, которые учатся в этой школе, в будущем станут чиновниками Китая; только, следуя китайскому обычаю, они редко или никогда не будут занимать должности в той провинции, в которой родились и получили образование. Это были солидные люди, и было странно видеть, как все эти пожилые мужчины, числом более шестидесяти, сидят, как дети, за школьными партами. Они были одеты в форму и находились в состоянии своего рода военной дисциплины. Старший ученик дал команду, и сразу же весь класс привстал и отсалютовал нам, а мы поклонились сначала учителю, потом классу, после чего начался экзамен. Преподавали в основном китайцы, и, как и следовало ожидать, они были хорошо обучены китайской классике. Нам сообщили, что японский учитель обучает их западному праву; но в ответ на наш вопрос он объяснил, что еще не обучил их никакому праву, а обучает их японскому языку, поскольку только через японский язык можно получить знание западного права. Причина казалась весьма неубедительной, особенно если вспомнить, что японцы знают и пишут китайские иероглифы, так что легко получить любой труд, напечатанный в Японии, в иероглифах, которые может прочесть каждый китаец. Я уже

объяснял, что особенность китайского иероглифа в том, что люди, говорящие на разных диалектах и даже языках, могут читать его одинаково хорошо. Я указал на все это моим китайским друзьям. Думаю, у них тоже возникли подозрения. Конечно, этот опыт придает красок предположению, что Япония надеется, что маньчжурскую династию сменит не китайская династия, а династия из расы, чья храбрость, энергия и интеллект уже унизили Россию и Китай, и которая может немислимо доминировать в Китае, если, например, Германия и Англия вступят в войну.

Затем мы отправились на несколько занятий, которые вели американцы. В этих классах меня поразили две вещи. Во-первых, по какой-то непонятной мне причине, если только не ревность, класс был маленьким по сравнению с огромными классами, которые я видел в других местах - тридцать, двадцать или даже пятнадцать человек - таковы были цифры, которые преподавали белые мужчины. Еще одна вещь, которая меня поразила, - это то, что выбор предметов можно было бы улучшить. Например, один из учителей преподавал "Договорное право" Энсона; едва ли можно понять, как знание английского договорного права может быть полезным для жителя Китая; а просмотрев книгу, которую использовал другой класс, я обнаружил, что их учили, как купить адвокатский титул в Англии. Я, конечно, не могу утверждать, что этому классу действительно преподавали эту интересную информацию, но она определенно была в их учебнике. Другой учебник представлял собой краткое изложение истории мира; он был издан американской фирмой. Найдя главу, в которой говорилось о Китае, я обнаружил самое крайнее выражение, какое только могло подсказать американское демократическое чувство по отношению к императору Китая. Я указал на это китайцам. Очевидно, никто не потрудился заглянуть в книги, которыми они пользовались. Такие действия достойны сожаления, потому что они неизбежно ставят западное образование в невыгодное положение и выдают его за нечто по сути революционное.

Еще один курьезный случай: кантонец-китаец вел занятия по естественным наукам на английском языке, потому что не знал мандаринского. Одним из ограничений полезности Гонконгского университета будет то, что большинство студентов, обучающихся в нем, будут кантоноязычными китайцами, и поэтому они будут неэффективны в качестве преподавателей для огромной массы китайской империи. Университет, который надеется выпускать учителей, способных обучать весь Китай, должен быть университетом, расположенным в мандариноязычном Китае.

После осмотра этих школ было уже поздно. Мы провели большую часть дня за превосходным китайским обедом, где единственной ошибкой, которую я совершил - по крайней мере, единственной, которую я осознал, - было то, что меня не проинструктировали о характере развлечений. Я поддался на уговоры хозяина и в основном съел первые два или три блюда. В дальнейшем во время обеда я разрывался между желанием быть вежливым и опасением, что возможности человеческого тела могут быть превышены. Нашим хозяином был директор по образованию, и мой переводчик шепнул мне, что он прекрасно разбирается в кулинарии и "любит сухие шутки". В его мастерстве как директора по образованию, особенно по западным предметам, можно сомневаться; но как любезный хозяин и веселый собеседник он мало кому уступит в нашей стране. Этот аспект китайского чиновника слишком часто ускользает от западного критика; эффективны они или неэффективны, они всегда приятные люди. После обеда он попросил извинить его, так как должен был нанести церемониальный визит: это был день рождения матери его близкого друга. Ему принесли официальную одежду, и он, облачившись в нее, сел в кресло и покинул нас.

Нас, как мне показалось, не очень охотно повели в Коммерческую школу. Час занятий уже закончился, но все равно школа оказалась действительно поучительной. Что в ней было особенно примечательно, так это чрезвычайная простота места, где живут мальчики. Школа содержится не правительством, а богатой шелковой гильдией Нанкина. Многие члены этой шелковой гильдии, как меня заверили, умеют читать и писать только для того, чтобы вести свои дела. Они богаты и влиятельны, и эта школа предназначена для их сыновей. Общежитие представляло собой крытое шифером здание без потолка, а кровати были расставлены, как койки на корабле, одна на другой, с узкими проходами между ними. Таким образом, разумеется, в комнате помещалось совершенно удивительное количество человек. Я не мог не вспомнить о церковной армейской ночлежке у себя дома. Если бы мы расставили кровати так, как они были расставлены в этой комнате, то, несмотря на то, что мы удвоили или утроили бы количество путешественников, которых мы могли бы разместить, мы бы навалились на гнев санитарных властей.

Совсем иначе обстояло дело в военно-морской школе. Здесь царила эффективность, поскольку военно-морская школа находилась под частичным контролем двух офицеров, предоставленных флотом Его Величества. Предел их контроля был пределом их эффективности. Например, китайское правительство иногда отказывалось показывать своим морским офицерам настоящий корабль; их идея была во многом такой же, как у дамы, которая запрещает своему сыну купаться, пока он не научится плавать. Трудности с практическим обучением были очень велики. Постоянные просьбы побудили китайское правительство разрешить мальчикам совершить путешествие по реке на старом корабле. В тот момент, когда это было сделано, китайские чиновники были очень довольны собой; от сопротивления этому разумному предложению они перешли к самовосхвалению мудрости, с которой приняли этот план. Эффективности преподавания мешало не только отсутствие практических знаний, что, конечно, фатально для эффективности флота, но этим офицерам также приходилось жаловаться на то, на что жалуются многие другие европейцы: во-первых, люди, которых они послали преподавать, не знали достаточно английского, так что большая часть их времени уходила на преподавание элементарного английского; во-вторых, их классы были недостаточно большими. Далеко не самым эффективным способом использования западных учителей было бы их применение, как мы видели в одной из школ. Западнему учителю помогали два или три китайских ассистента; он читал свою лекцию на английском, а ученики делали записи; затем ассистенты обходили парты, просматривали записи и объясняли на китайском все те моменты, которые ученики не до конца усвоили. У этого плана есть еще одно преимущество - он готовит китайских учителей к продолжению работы западного преподавателя, и в некоторых отношениях это более эффективная система, чем обычные школы. Западный учитель, конечно, осуществляет общий надзор за своим классом и поддерживает порядок и дисциплину.

Пока я занимался школами для мальчиков, моя жена занималась школами для девочек. Ей досталась школа вице-короля, та самая, о которой уже рассказывалось, где маленькие девочки демонстрировали удивительные знания китайской классики. Ее опыт был менее счастливым, чем мой. Детей обучала японская преподавательница, которая почти не умела играть; она использовала маленькую фисгармонию, и обучение было немногим лучше слабого деревенского танца. Та же самая учительница отвечала за урок пения; она играла одной рукой на фисгармонии и позволяла детям выть, как им вздумается, без времени и мелодии. Все ученики этой школы были дневными.

Переводчик, который провел миссис Кинг, жену консула, и мою жену по этой и следующим школам, отвел свою собственную дочь в миссионерскую школу, думая, что там ее будут

учить лучше. Что касается музыкальной части обучения, то, несомненно, он был прав. Следующая школа, которую она увидела, также предназначалась для детей дворян, которые поддерживали ее подпиской. В ней обучалось 140 девочек, пятьдесят из которых были пансионерками, чьи родители оплачивали их питание. Все эти пятьдесят юных леди спали в одной комнате, и их туалет произвел на мою жену впечатление отнюдь не роскошного: он больше напоминал каюту на большом лайнере, чем обычное школьное общежитие. Все классы находились на первом этаже и вели из двора во двор в стиле китайских домов. Обучение, судя по всему, было в основном китайским, уделялось внимание географии, рисованию и художественному творчеству, а английский язык преподавался молодым китайским учителем довольно элементарно. Хозяйки появлялись в величественных юбках, несомненно, как символ власти.

Последняя школа, которую ей показали, была больше и менее эксклюзивной. Она была хорошо организована, классы были расставлены с толком и расстановкой. В ней было 200 учеников всех возрастов и сословий, причем школа была государственной. В основном они были одеты в черное. Десять женщин-учительниц возглавляли эту школу, включая обычный класс с мужчиной-руководителем; вся школа находилась в китайских зданиях. Обучение состояло из конфуцианской этики, китайских иероглифов, арифметики, географии, рисования с плоских копий и английского языка, который преподавала молодая китаянка, получившая образование в шанхайской миссионерской школе.

Обучение в целом было хорошим. Примерно четвертая часть учеников проживала в школе. При ней находился детский сад, которым довольно сонно заведовали две японки. Опять же, пение детей вряд ли заслуживало такого названия. Моя жена была поражена тем, насколько правительственные школы для девочек уступают миссионерским почти во всех отношениях. Несомненно, они скоро улучшатся, но в настоящее время правительство, похоже, не в состоянии найти эффективных учителей и слишком склонно тратить огромные суммы на практически бесполезное оборудование - бесполезное, потому что преподаватели не понимают, как его использовать.

Наши впечатления от пребывания в Нанкине были чрезвычайно интересными, но не исключительными. Мы осмотрели правительственные школы в Вучане, снова в Чанше, а также кое-что увидели в Пекинском университете. В Чанше дела шли не так далеко, как в Нанкине. Там были те же японские учителя, один из которых преподавал английский, но я не смог получить ни одной тетради, чтобы показать, насколько они продвинулись в знании этого языка. Были те же американские учителя; хорошие люди, но неспособные сделать много из-за незнания китайского языка и из-за, как я уже говорил, определенной ревности, которая не позволяла им иметь достаточное количество учеников. Очень хорошая школа в Шанхае под западным руководством составляет хороший контраст с остальными. Эта школа не претендует на преподавание очень продвинутых предметов, но в ней наиболее эффективно преподаются обычные английские предметы. Система такова: сначала мальчиков учат на китайском языке, пока они приобретают зачатки западных знаний и английского языка; затем их переводят в класс, где английский преподают китайцы; здесь они получают от своих соотечественников очень глубокие знания английского и сносное знание западных предметов. В обоих этих отделениях школы все объяснения даются на китайском языке. После того как они приобрели хорошее знание английского языка, их переводят в класс, в котором преподает англичанин, немного знающий китайский язык; здесь они совершенствуют свои знания английского языка, а учитель при необходимости может объяснить затруднение с помощью китайского слова. И наконец, их обучает абсолютно

английскому языку англичанин, которому не нужно знать китайский, так как он никогда не используется.

В Вучане школы были похожи на нанкинские. Единственная школа, которая была исключительно интересной, - это школа языков. Ею руководил маньчжур, который был быстр, точен и эффективен - в сущности, это был самый большой контраст с обычным китайским чиновником. Он прекрасно говорил по-французски, поскольку воспитывался в Париже и провел некоторое время на Западе. В нескольких словах он показал, что понимает проблему образования в Китае. Он сказал мне, что его нация никогда не добьется успеха в обучении своих граждан западным предметам, пока не выберет учителей, обладающих определенным опытом в знании и искусстве преподавания, и что привычка считать всех западных людей способными преподавать все западные предметы должна привести к катастрофе. Он смело исповедовал себя римским католиком, и это был один из нескольких примеров того, какое замечательное влияние оказывает христианство на формирование энергичного характера. Мальчиков очень хорошо учили английскому и французскому языкам, а также, как я понял, немецкому и русскому. Конечно, если Китай будет руководить такими людьми, ему не придется бояться мощи Запада.

ГЛАВА XXIV

ТРУДНОСТИ НА ПУТИ К ОБРАЗОВАНИЮ

Трудности, стоящие на пути образования, различны в государственных школах и в школах Миссии. Если бы китайское правительство смогло объединить государственные школы со школами Миссии, оно преодолело бы все эти трудности и получило бы самую совершенную систему западного образования. Из всех трудностей, стоящих на пути правительственных школ, первой и главной является фундаментальная слабость Китая, слабость, которая ставит под угрозу его национальное существование, слабость, которую, как я боюсь, он никогда полностью не преодолеет, пока не примет более высокий идеал. Ее слабость - это всеобщая жадность к наживе". Резидент за резидентом сообщал об одной и той же причине слабости: китаец не может удержаться от того, чтобы не взять свою "удавку", то есть комиссионные. Конечно, это не так бесчестно, как было бы на нашей стороне земного шара, потому что китаец более или менее открыто получает эти комиссионные, и поэтому во многих отношениях они скорее эквивалентны гонорарам, которые англичанин платит правительственным чиновникам, чем незаконным комиссионным, получение которых в этой стране карается законом. Если это и не столь аморально, то почти столь же пагубно для эффективности, поскольку имеет тенденцию делать чиновников неразумными в их действиях. Если спросить, почему в Китае так поступают, то всегда можно получить ответ, что кто-то таким образом получил "выгоду".

Так и с образованием. Когда мы бродили по комнате за комнатой, заполненной аппаратурой, достаточной для обучения тысяч студентов, и такой сложной, что она совершенно сбивает с толку этих студентов во время обучения, хотелось, чтобы хоть десятая часть этих расходов

была использована на то небольшое количество аппаратуры, которое необходимо для того, чтобы сделать несколько миссионерских школ полностью эффективными. Большая часть аппаратуры так и не вышла за пределы своих упаковочных ящиков, и, возможно, большую часть лучше было бы навсегда оставить там, потому что ничто так не подрывает правильное обучение людей, чей главный недостаток в том, что они никогда не работали руками, как предоставление им сложной аппаратуры для демонстрации самых заумных законов науки. Один великий ученый, когда его спросили о том, какие приборы необходимы для изучения элементарных наук, посоветовал обходиться проволокой, стеклянными трубками и еще одной-двумя мелочами такого рода. Когда спрашивают, почему китайцы так щедро тратятся на аппаратуру, которую не могут и не хотят использовать, отвечают одно и то же: кто-то получил комиссионные. Я думаю, что помимо этого существует реальная вера в то, что образование - это вопрос дорогостоящего оборудования - вера, которая не совсем неизвестна на этой стороне земного шара.

Это подводит меня ко второй большой трудности на пути государственного образования. Они будут считать, что эффективное образование скорее зависит от наличия дорогого здания, чем от компетентного учителя. Мне уже доводилось упоминать о чрезвычайной простоте жизни китайцев. Многие школы были размещены в китайских домах, причем очень удобно. Китайский дом всегда выходит во двор, а двор соединен с двором переходами. Комнаты отделены от двора только резными деревянными ширмами, промежутки между которыми иногда заполнены бумагой, а иногда нет. Они очень гигиеничны - фактически, в значительной степени отвечают требованиям "лечения под открытым небом". В одном случае во дворе стояло множество тазов и умывальников, и мальчики были вынуждены мыться, что, если бы было много, зимой было бы крайне неприятно. За все это я выразил искреннее восхищение моему другу директору по воспитательной работе, но он воспринял мой комплимент примерно в том же духе, в каком мать принимает ваше утверждение, что ее ребенок гораздо красивее в своем повседневном платье с растрепанными волосами, чем в воскресной одежде, когда он с отвратительной опрятностью и фарисейской помпезностью направляется в церковь. Мой комплимент был воспринят почти как оскорбление. Затем мне показали идеал Китая - огромное и отвратительное здание, построенное по образцу архитектуры, которую белые люди считают необходимой для того, чтобы они могли переносить тропическую жару, к смертельному воздействию которой они так чувствительны; массивные стены, чтобы нести тяжелую крышу; огромные арочные веранды, где белые люди могут получить глоток воздуха, который им так необходим. Что толку от всего этого для расы, которая не понимает, что вы имеете в виду, когда говорите о том, что жара вредна для здоровья, которая, как бы ни была чувствительна к холоду и сырости, процветает в тепле, к которому привыкла за всю свою жизнь? Китайцы восхищаются этой архитектурой не за ее эстетический эффект; их мало волнуют ее жаропрочные качества. Она нравится им потому, что она западная; потому что в таких зданиях получают образование западные люди; потому что, полагаю, они ожидают, что западное образование каким-то образом проникнет через эти массивные каменные стены в умы учеников; и потому что им кажется, что западные идеи будет легче понять в этом отвратительном окружении.

В-третьих, не предпринимается никаких серьезных усилий, чтобы получить хороших преподавателей. В свое время, как я понимаю, у них на службе были очень замечательные люди - такие, как профессор Мартин из Пекина, чьи знания были равны только искренности их намерений. В последнее время они избавлялись от этих людей так быстро, как только могли, - возможно, причиной этого движения стал клич "Китай для китайцев"; и они пытались

заменить их китайскими подданными, но без особого успеха. Поэтому они снова прибегли к помощи иностранцев, в основном японцев. Некоторые из них являются очень способными и квалифицированными преподавателями; некоторые, с другой стороны, не имеют практически никакого опыта преподавания, и их неэффективность имеет тенденцию к тому, что все иностранные преподаватели попадают в немилость. Учитель не только должен обладать особыми знаниями в области педагогического искусства, но и преподаватель такой расы, как китайцы, с традициями, отличными от наших собственных, должен хорошо понимать эти традиции. Мы можем лучше всего осознать огромные трудности, с которыми сталкивается китайский студент, обучаясь у западного учителя, если вспомним, как невозможно для любого из нас понять что-то, изложенное с китайской точки зрения.

Если китайскому правительству нужны эффективные иностранные учителя, они не должны брать кого попало, а должны побуждать молодых людей приходить в качестве учителей и предоставлять им гарантии пребывания в должности. Если бы, например, китайское правительство имело в своем распоряжении такое количество эффективных преподавателей, какое можно найти в миссионерских школах, у него не было бы никаких трудностей. Еще одна трудность, которая стоит на пути китайских школ, - это отсутствие дисциплины. Одно из самых замечательных событий в Китае - школьные забастовки. Они, несомненно, обладают необычайной способностью к объединенным действиям, но школьные забастовки происходят как от слабости учителей, так и от удивительной способности китайской расы к объединенным действиям; о них можно услышать по всему Китаю, и они иногда смешны, иногда серьезны. В одной из школ забастовка произошла из-за того, что иностранные учителя потребовали от учеников сдать экзамен на эффективность, прежде чем дать им рекомендацию. Это было сочтено неправильным учеными, которые придерживались доктрины, которая была бы очень привлекательна для наших студентов, - что только проживание является достаточной квалификацией для получения степени. Многие забастовки происходят по самым оккультным причинам.

И это подводит меня к миссионерским школам, поскольку забастовки в них происходят в равной степени, как и в государственных школах. Они происходят и в школах для мальчиков, и в школах для девочек, причем по самым непонятным причинам. В одной из школ забастовка началась из-за того, что учительница-китаянка ухватила мальчика за косу и потащила его за нее. Мальчик получил травму "лица", а его товарищи по несчастью - общую. Другая забастовка произошла в школе для девочек, потому что девочку наказали. Конечно, такие забастовки не происходят там, где есть эффективный и энергичный учитель. Например, такая попытка была предпринята архидиаконом Моулом, но она закончилась лишь тем, что лидеров выпороли. Тем не менее, в одной миссии школа была практически разрушена в результате одной из таких забастовок; это было результатом интриги неверующего учителя, который был нанят по ошибке. Эти забастовки не представляют большой трудности для миссии, если она находится под руководством эффективных и опытных людей; немного справедливости и твердости, очевидно, быстро избавляют от неразумного сопротивления власти, а такт и знание предотвращают любые трения, которые могут возникнуть из-за правил, которые могут быть оскорбительными для китайских идей.

Гораздо большую сложность в миссионерских школах представляет вопрос финансирования. Китайцы в большинстве своем платят своим ученикам; в результате миссионерская школа вынуждена конкурировать не только с бесплатной школой, но и со школой, в которой ученикам платят за обучение, и кажется, что миссионерским школам практически невозможно продержаться в условиях такой конкуренции. На самом деле обычно оказывается, что китайцы настолько ценят эффективное образование, которое они

получают в миссионерской школе, что готовы платить разумную плату, а не получать бесполезное образование в государственной школе. Тем не менее, это создает определенные трудности с финансированием. Многие школы в значительной степени существуют сами по себе; другие полагаются на плату за питание и жилье для учеников и на зарплату местных учителей. Таким образом, каждая школа в той или иной степени несет большое финансовое бремя.

Большие трудности с миссионерскими школами в настоящее время частично обусловлены действиями правительства. Идеал каждого китайца в настоящее время - быть на службе у правительства; мы должны подчеркнуть это слово "в настоящее время", потому что, несомненно, благодаря развитию железных дорог в Китае, по всей стране должен возникнуть богатый коммерческий класс, как он уже возник в больших портовых городах. Этот класс будет независим от правительства и будет тем классом, который нуждается в западном образовании больше, чем любой другой класс, поскольку он будет находиться в тесном контакте с Западом. Но в настоящее время те, кто стремится получить высшее образование, в большинстве своем надеются на работу в правительстве. Одним из правил работы в правительстве является то, что чиновники должны в определенные дни посещать различные храмы, чтобы представлять императора, и естественно, что для христианина такое действие невозможно. Кроме того, правительство делает крайне трудным, если не невозможным, поступление христианина в Пекинский университет. Все учителя и ученики государственных школ обязаны в день рождения императора поклониться скрижали Конфуция. Миссионеры считают, что такое действие не соответствует христианской вере, и поэтому миссионерская школа очень не любит отправлять своих учеников-христиан в государственный университет.

Однако следует отметить, что несколько китайских ученых, в том числе и христианин, с негодованием отрицают, что поклоны табличке Конфуция подразумевают нечто большее, чем уважение к величайшему мыслителю, когда-либо существовавшему в Китае. Нам посчастливилось быть в Пекинском университете в сопровождении чрезвычайно способного и приятного китайского джентльмена, христианина. Он показал нам скрижаль Конфуция и объяснил церемонию. Надо признать, что внешне в ней было мало того, что можно ассоциировать с идеей божественности. Скрижаль находилась за стеклянным футляром, и поначалу это наводило на мысль о каком-то учебном заведении. Столы были расставлены под прямым углом к ней, так что на самом деле она не занимала главного места в комнате. Джентльмен, проводивший нас, упорно отрицал, что кто-либо из учеников Пекинского государственного университета может считать Конфуция Богом. В университет не принимали никого, кроме тех, кто уже хорошо знал китайскую классику, а они прекрасно знали, что в этой классике Конфуций говорит, что не обладает сверхъестественной силой; В то время как ведущий комментатор Конфуция, человек, чье учение больше, чем какое-либо другое, повлияло на современное конфуцианство, был откровенным агностиком, и, следовательно, так далеко не считая скрижаль божественными, было бы ближе к истине сказать, что большая часть ученых не верит в идею Бога вообще или, во всяком случае, занимает агностическую позицию по отношению к ней. Когда я задал эти вопросы одному выдающемуся миссионеру, ответ был таков: "Да, но поздним указом они сделали Конфуция равным небу и земле, и поэтому все сомнения, которые были раньше, разрешились, и китайское правительство воздало Конфуцию божественные почести". Я высказал эту критику опытному государственному служащему, работающему в китайском правительстве, и он ответил, что этот указ на самом деле должен был иметь обратный эффект. Китайцы осознали, что фактически отводят Конфуцию второстепенное место в образовании, и поэтому очень хотят умиловить конфуцианских ученых. Они пошли на компромисс по той же системе,

которую мы используем на Западе в отношении какого-нибудь политика, чьи услуги были ценными, но который на самом деле мешает в Палате общин. Конфуцию были оказаны божественные почести, как износившемуся политику в Англии дают пэрство; это форма почетной отставки. Один очень интеллектуальный китаец, однако, выразился совершенно иначе, сказав, что любой, кто понимает китайские взгляды, понял бы смысл того, что Конфуций равен небу и земле. Как небо и земля способствуют богатству человечества, так и Конфуций сделал это своим учением; как небо и земля могут изменить вещи и заставить существовать то, чего не было, так и Конфуций; но китайская теология рассматривает небо и землю как созданные единым Богом, и поэтому Конфуций ставится в положение возвышенного, но сотворенного существа. На западного человека, пожалуй, большее впечатление, чем эти довольно заумные китайские рассуждения, производит тот простой факт, что в то время как правительственным указом предписано, что скрижаль Конфуция должна почитаться тремя поклонами и девятью ударами, также предписано, что школьный учитель должен почитаться одним поклоном или kow-tow и тремя ударами головой о землю. Сходство приветствия школьному учителю и табличке Конфуция скорее отбрасывает мысль о том, что акт почитания таблички подразумевает поклонение. С другой стороны, указывается, что это основная церемония, которая соблюдается в так называемых храмах Конфуция; но когда об этом спросили китаец, он ответил, что это не храмы, и если бы в этих храмах было какое-то поклонение, их бы посещали столько же женщин и детей, сколько и мужчин, но на самом деле их посещали только литераторы. Когда было высказано предположение, что иногда в этих храмах все же совершались жертвоприношения, он не стал отрицать этого, но сменил тему.

Но мы не должны говорить, что уважение и почитание Конфуция, независимо от того, связано ли оно с идолопоклонством или нет, является единственной причиной, по которой ученикам-христианам рекомендуется не поступать в государственные университеты. Есть еще две важные причины. Первая - исключительно практическая: образование в государственных университетах заведомо несовершенно. Тот факт, что правительство подписало на английский университет в Гонконге и немецкий колледж в Шантунге, показывает, что они осознают свои недостатки. Вторая причина заключается в том, что расовые особенности китайцев требуют, чтобы они действовали как единое целое. Один опытный наблюдатель утверждал, что, насколько он мог судить об этом, ни один китаец никогда не действовал самостоятельно; поэтому требовать, чтобы христиане сохраняли свое христианство, когда их окружает неверующая и языческая атмосфера, - это бремя, превышающее возможности расы; и что, собственно говоря, результатом отправки студентов в правительственные университеты, за исключением людей с очень сильным характером, будет отправка их в неверие. Однако более серьезное и простое возражение заключается в том, что таких государственных университетов в большинстве не существует, и что небольшие учебные заведения, подобные пекинскому, не могут принять и сотой части студентов, жаждущих западного образования. Но у миссионерских школ есть и другая, более новая трудность, которая вызывает наибольшие душевные переживания. Об этом я должен рассказать в следующей главе.

ГЛАВА XXV

НЕОБХОДИМОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА ОБЪЯСНЯЕТСЯ

Большая опасность, угрожающая миссионерским школам, опасность, которая возрастает с каждым годом, заключается в том, что лучшие ученики этих школ вынуждены отправляться в университеты в поисках западных знаний, где они подвергаются коварным атакам западного материализма.

В настоящее время у учителей нет альтернативы: они вынуждены отправлять самых лучших и способных учеников куда-то для завершения образования. Было бы несправедливо отказывать мальчику в продолжении образования, а если он хочет получить высшее образование, то где же ему его получить, как не в месте, где царит явно антихристианская атмосфера.

На Востоке нет такого места с нейтральной атмосферой, как на Западе. На Западе большинство людей получили христианское образование или, по крайней мере, понимают христианскую этику. Поэтому в западном учебном заведении, даже если образование полностью светское, христианин не найдет ничего антипатичного своей вере. Но на Востоке подавляющее большинство - нехристиане, и, следовательно, моральная и интеллектуальная атмосфера враждебна и антипатична христианину. Здесь, если учреждение нерелигиозно, оно, вероятно, не враждебно религии. На Востоке, если учебное заведение нерелигиозно, оно, скорее всего, антихристианское. В настоящее время единственным действующим университетом является университет в Токио, хотя нам обещают и другие, и его дурное влияние настолько очевидно, что китайское правительство распорядилось о массовом выводе учеников из-под его пагубного влияния.

Как мы уже отмечали, западная цивилизация великолепна, но она разрушительна, а когда ее преподают без какого-либо конструктивного религиозного учения, она неизбежно приводит к разрушению всех духовных идей и слишком часто извращает нравственные идеалы расы. Проходя обучение в миссионерской школе, ученик учится в ее стенах освобождаться от навязчивого страха перед демонами, который преследует каждого китайца; он постепенно осознает, что Бог свят, добр и любящ, и либо принимает христианство, либо стоит на пороге формального принятия; он достиг конца учебной программы школы или колледжа, и его блестящие способности требуют высшего образования. Привлеченный репутацией Токио, он поступает в его университет, а там попадает в атмосферу, где процветает вся разрушительная мысль Европы; добрый Бог, в которого он научился верить в миссионерской школе, идет по следам демонов его юности, и он остается верить в мир, основанный слепой случайностью, где этика - это служение, чтобы сдерживать ближнего, но глупость, чтобы следовать за собой. "Ешь и пей, потому что завтра мы умрем", - вот урок, который, возможно, преподан не так многословно, но тем не менее вдальблывается ему в голову; его взгляды становятся взглядами Фальстафа; все прекрасное, все благородное уходит из его жизни; хотя он больше не верит в Бога Любви, он не возвращается к вере в демонов своей юности; в его мире нет ничего, кроме обогащения или удовлетворения плоти и смеха над теми, кто верит в высшие идеалы. С юности он познакомился с философией Ян Чу и научился ее ненавидеть. Например, он презирал такие фразы, как: "Люди высокой древности знали и краткость жизни, и то, как внезапно и полностью она может быть закрыта смертью, и поэтому они подчинялись каждому предложению движений своего сердца, не отказываясь от того, что им естественно нравилось, и не стремясь избежать любого удовольствия, которое им приходило в голову; они не обращали внимания на подстрекательство славы; они

наслаждались в соответствии со своей природой; они не сопротивлялись общей тенденции всех вещей к самоудовлетворению; они не заботились о том, чтобы быть знаменитыми после смерти. Им удавалось избегать наказания; что касается славы и похвалы, быть первым или последним, долгой или короткой жизни, то эти вещи не входили в их расчеты". И вот теперь он обнаруживает, что философия Ян Чу, как он полагает, является новейшей мыслью великого богатого преуспевающего западного мира; когда он возвращается к себе домой и распространяет за границей ядовитые доктрины, которые он впитал, миссионер задается вопросом, не лучше ли было бы, в конце концов, оставить этого человека с его примитивной демонологией.

Американские миссионерские организации с самого начала видели эту опасность и уже создали большие образовательные учреждения, которые в определенной степени удовлетворяют эту потребность. Колледж епископа Грейвса в Джессфилде, колледж Буна в Вучанге, Британский колледж в Вэйсине, методистские университеты в Сучжоу и Пекине - все это примеры хорошей работы. Но ни один из них не доводит студента до того, что мы называем университетским стандартом, или того, что, как я понимаю, в Америке называется аспирантурой; чувствуется, что необходимо учреждение, в котором будут преподаваться самые высокие знания, где будет показан истинный аспект западной мысли - не тот аспект, который ведет Францию к разрушению, не тот аспект, который делает Бельгию безразличной к скандалам в Конго, а тот аспект, которым и в Америке, и в Англии мы всегда восхищались, по крайней мере в теории, и на практике, когда были сильны. Фундаментальная истина, на которой держится наша цивилизация, заключается в том, что Бог благ, а значит, истина и прогресс правильны и возможны, и что высшее выражение благодати Божьей - в Его воплощении, как этому повсеместно учат христиане разных взглядов и многих деноминаций. Запад обязан перед Востоком, если существует какой-либо общий долг человека перед человеком, донести до него истинную правду о величии западной цивилизации, а именно, что она является результатом христианства.

Но миссиям нужен университет не только как средство защиты от материалистического натиска, угрожающего их работе, - он нужен им по многим другим причинам; например, университет позволил бы всем деноминациям иметь высокообразованных местных служителей. Ни один студент, изучающий миссии, не может довольствоваться тем, что считает их идеальным вариантом. Концепция духовного служения одной расы другой расе явно неадекватна; она открыта для многих критических замечаний; в сознании новообращенного должна быть путаница между национальным и христианским; один китаец относился к христианству с сомнением, потому что слышал, что немецкий император - христианин, а для него он - воплощение свирепого пиратства западных рас. Слово, которым китайцы называют разбойников, означает рыжебородых мужчин, так что, увы, западная раса ассоциируется в Китае с войной и насилием; представителя западной расы легко понять неправильно, когда он говорит о религии любви. Понравится ли какому-нибудь английскому приходу ректор-китаец, даже если бы он был святым и дошел до того, что отрезал себе хвост?

Если отбросить ассоциации с западной расой, то западной расе очень трудно говорить по-китайски, не делая нелепых ошибок. Кто из нас не улыбался, когда из-за неспособности китайца выговорить букву "р" он предлагал нам съесть "вшей", но каково должно быть китайцу, когда он слышит, как западный проповедник теряется среди этих загадочных китайских интонаций и при этом делает какое-то удивительное заявление. Один китайский джентльмен уверял меня, что слушал миссионера, восхвалявшего достоинства дикой свиньи. Почтение не позволяет объяснить, что на самом деле имелось в виду. Если

служители религии должны быть китайцами, очевидно, что они должны быть высокообразованными китайцами; если религию будут преподавать невежественные люди в такой стране, как Китай, где образование почитается так глубоко, это значит осудить ее как религию кули. Китайский священник должен уметь отстаивать свою позицию не только против конфуцианского ученого, но и против западного материалиста, и поэтому должен иметь столь же хорошее образование. Не говоря о том, что разумно ожидать, что западный миссионер должен быть отозван в течение следующих нескольких лет, я думаю, что мудрость каждой миссии заключается в том, чтобы стремиться к созданию корпуса образованных местных священников, которые смогут освободить христианство от насмешек, что оно является иностранной религией, и которые смогут, когда иностранец покинет Китай, занять его место и поддержать веру.

Если иметь образованное отечественное служение - одна из великих целей университета, то другая великая и не менее важная цель - создание интеллектуального христианского мирянина, который будет формировать и направлять христианское общественное мнение. Школьный учитель, писатель, если они действительно таковыми являются, лишь на одну степень менее важны, чем христианский служитель; И если по мере того, как Китай будет осваивать западную цивилизацию, он найдет в своей среде людей, знакомых с лучшими сторонами этой цивилизации, способных истолковать ей ее тайны так, чтобы они не стали губительными для всей духовной религии и морали, то более чем вероятно, что он возьмет этих людей и поставит их на высокие посты, и горчичное зерно с их помощью вырастет в растение, которое осенит весь Китай. На днях я читал о том, как святые Гримальди и Сент-Нотс основали Оксфордский университет в 886 году. В нем преподавались богословие, грамматика и риторика, музыка и арифметика, геометрия и астрономия. Спустя тысячу лет мы можем судить об успешности эксперимента. Наверняка каждый захочет приложить руку к основанию подобного предприятия.

По двум или трем причинам основание Университета не может быть возложено на одну организацию. Во-первых, ни одна община не будет достаточно богата, чтобы взять на себя такую работу; во-вторых, это может вызвать определенную узость атмосферы; в-третьих, и это главное, сотрудничество между христианами послужит наглядным уроком для китайцев в том, что между ними существует настоящее единство. Нас постоянно подкалывают тем, что мы сбиваем с толку язычников, исповедуя религию любви, а затем представляя перед ними массу враждующих сект. Если мы сможем объединиться в создании такого университета, мы покажем, что, хотя мы видим христианскую истину в разных аспектах, мы согласны с тем, что истина едина, и, несмотря на наши разногласия, имеем фундаментальное единство". Когда этот вопрос был затронут на Шанхайской конференции, среди миссионеров возникли значительные трудности относительно условий, на которых должен быть основан такой университет. Было решено передать его в Комитет по образованию, и этот Комитет по образованию в 1909 году одобрил создание такого Университета. Доктор Хокс Потт, который из всех людей в Китае может лучше всего говорить как авторитет в области образования, поскольку он организовал и поддерживал это замечательное учебное заведение в Джессфилде, горячо поддержал его создание.

Несомненно, одной из причин того, что миссионеры теперь видят путь к принятию этого университета, является то, что нейтральный орган выступил инициатором этого начинания. Комитеты Оксфордского и Кембриджского университетов в течение многих месяцев рассматривали этот вопрос со всем мастерством и умением, которые им позволяют их большая образованность и технические знания. Хотя, конечно, они обладают глубокими знаниями в области образования во всех его аспектах, они осознавали, что им не хватает

знаний о Китае и китайцах, поэтому в течение многих месяцев они выслушивали и изучали свидетельства всех, кто был хорошо знаком с Китаем и условиями миссионерской работы. Они разработали схему, которая, по их мнению, должна была одновременно удовлетворить работников на миссионерском поле и быть приемлемой для китайцев. В общих чертах схема заключается в том, что Университет должен поощрять создание конфессиональных общежитий, которые будут находиться под контролем отдельных миссионерских организаций, и которые будут образовывать колледжи при Университете; и в то время как Университет будет заниматься только светским обучением с нейтральной точки зрения, колледжи будут давать христианское образование своим ученикам. Таким образом, удастся избежать всех конфликтов между миссиями; каждая миссия будет продолжать заботиться об учениках, которых она до сих пор приютила и обучила. Университет получит огромную выгоду от того, что из школ миссий в него будут поступать правильно подготовленные ученики. Одной из причин разочарования непродуманных университетских планов является отсутствие надлежащего обеспечения учениками. На Западе существует множество средних школ, и любой университет может легко найти достаточное количество учеников, должным образом подготовленных к получению знаний. На Востоке возводить университет, не обеспечивая питание школьников, все равно что строить дом по китайской моде - сначала крыша. Миссия Йельского университета была вынуждена создать начальные школы для обучения элементарным западным знаниям, которые были необходимы, прежде чем можно было приступить к работе в колледже даже самого низкого уровня. Западных учителей, как мы уже объясняли, за пределами миссионерских школ мало, и поэтому миссионерские школы будут и помогать, и получать помощь от университета. Университет завершает начатую работу и возвращает людей в миссию, чтобы они с честью и эффективностью продолжали свою работу. С другой стороны, миссия снабжает Университет учениками, которые, в конце концов, являются главной необходимостью образования.

Еще одной важной особенностью схемы Оксфорда и Кембриджа было то, что университет должен был стремиться стать родным университетом, и именно эта сторона, несомненно, привлекла китайцев. Вместо того чтобы использовать знания, общее наследие всех людей, как средство навязывания Китаю господства чужаков, этот университет предлагает знания как то, что по сути принадлежит Китаю так же, как и любой другой расе. Если в начале работы большинство профессоров должны принадлежать к западной расе, можно надеяться, что многие из них вскоре приедут из Китая, и когда Университет начнет свою работу, и христианство станет такой же национальной религией, как и в нашей стране, а западная цивилизация потеряет право называть себя этим эпитетом и станет цивилизацией Востока, как и Запада, тогда Университет, чей фундамент сейчас закладывается, может стать великим светом будущего Китая.

Пожалуй, наиболее важной частью схемы является та, которая предлагает деноминационные общежития в качестве правильного решения трудностей, с которыми сталкивается союзная и межконфессиональная работа на миссионерском поле.

Очевидны трудности в организации общего религиозного учения, но, с другой стороны, для многих миссионерских организаций, работающих в Китае, очень выгодно выступить единым фронтом против нового материализма и древних суеверий. Ничто так не демонстрирует силу христианской любви, как объединенная работа такого рода.

Нас, христиан, часто дразнят нашими разногласиями, и мы уверены, что многие поддержат любую схему, способствующую объединению и миру между различными элементами христианского мира. Вот схема, которая поможет сблизить христиан и вызвать взаимное уважение и терпимость, которые должны стать основой для более тесного союза. Ребенок

должен ходить, прежде чем бегать, и если христиане Китая смогут поддерживать такой университет, то их ежедневное общение окажет большую помощь любому дальнейшему плану единства.

Но у системы общежитий есть и другое применение, которое не следует упускать из виду. Во все времена одним из главных препятствий для воспитания молодых людей была склонность растрачивать свои силы в беспорядке и распутстве. Китаец, пожалуй, более подвержен этим соблазнам, чем западный человек. Один студент сказал: "Мы не можем работать, мы слишком распутны". Один китайский государственный деятель посоветовал не выбирать некоторые города в качестве места для университета из-за их склонности увлекать людей на порочные курсы. Далеко не самый эффективный способ борьбы с этим злом - назначить кого-то ответственным за моральное благополучие молодых людей, что и делается в системе общежитий.

Каждое общежитие будет управляться человеком, который будет заботиться о нравственном благополучии молодых людей и заниматься их воспитанием. Глава общежития мог бы быть или не быть преподавателем университета ; но независимо от того, преподавал он или нет, его первой обязанностью была бы забота о моральном и духовном благополучии тех, кто был ему доверен. Он будет отдавать все свои силы на воспроизведение высочайшего морального тона западного университета.

Эта схема опробована в Ченту, где открывается университет профсоюзов. И я считаю, что она во всех отношениях успешна. Те, кто не осознает размеры Китая, возможно, будут склонны спросить, почему бы не объединить эти две схемы? Простой ответ для тех, кто путешествовал, заключается в том, что расстояния слишком велики. С таким же успехом можно говорить об объединении Оксфорда и Гарварда, ведь эти два университета находятся примерно на таком же расстоянии друг от друга по времени, как Ханькоу от Чэньту. Даже когда будет построена железная дорога, расстояния останутся огромными. Огромные расстояния Китая также являются причиной того, что невозможно объединить Гонконгский и Оксфордско-Кембриджский университеты. Гонконг сейчас находится на расстоянии от десяти дней до двух недель от Ханькоу, и там говорят на таком разном языке, что жители Северного и Центрального Китая часто вынуждены использовать английский, чтобы понять друг друга.

Университет Гонконга принесет колонии большую пользу и является примером щедрости купцов и граждан этого города; но как средство натурализации высшей стороны нашей цивилизации он имеет большой недостаток: он не находится ни в Китае, ни под китайским флагом, ни говорит на преобладающем языке.

ГЛАВА XXVI

НУЖНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА ОБЪЯСНЕНА (продолжение)

Комитеты в Оксфорде и Кембридже не теряли надежды на то, что миссионерский мир с готовностью примет эту схему, как только она будет хорошо понята.

На совместных встречах в Лондоне у них было много интервью с миссионерами и другими людьми, так что можно было с уверенностью сказать, что большая часть западных просветителей Китая согласится с ними. Но они сомневались, что эта схема будет одобрена китайским официальным миром.

Представители лондонского коммерческого мира, имевшие дело с Китаем, были настроены довольно пессимистично. Они считали, что стоит только упомянуть китайскому чиновнику слово "христианин" или "миссионер", и это произведет на него такой же эффект, как слово "крыса" на терьера. Но, как я уже рассказывал, мы были приятно удивлены, обнаружив в самом начале, что китайский официальный мир далеко не враждебен, и что нам без спроса выдали рекомендательные письма, содержание которых я не знал, за исключением того, что они обеспечили нам прием в Китае, который был столь же удивительным, сколь и восхитительным. В Китае я узнал, что знания и обучение настолько любимы и уважаемы, что те, чьей целью является их распространение, всегда найдут готовый прием, и я также узнал, что какими бы ни были их настроения в прошлом, в настоящем китайцы не испытывают ненависти к христианству, но рассматривают его как одну из наименее одиозных частей западной цивилизации, которая стала для них необходимостью. Мне также посчастливилось встретиться с Его Превосходительством Тонг-Шао-И в Лондоне, и он не отказался от этого плана.

Когда мы прибыли в Харбин, нас уже ждал чиновник, посланный поприветствовать эту схему в Китае. Ему было поручено сопровождать нас в Кванчханцзу и следить за нашим комфортом. Поскольку он говорил только по-китайски, разговор был затруднен, но с помощью сотрудника императорской таможни мы узнали цель его миссии. В Мукдене мы встретили такую же вежливость. Меня пригласили отобедать в ресторане "Ямен". Я навсегда запомнил, как я ехал на этот обед. В Мукдене не используются кресла для переноски, а используется беспружинная тележка, в которой путешественник, точнее, страдалец, откидывается на спинку. Я опаздывал на ужин, поэтому вознице было приказано ехать быстрее, и, пока мы неслись по немощеным улицам маньчжурского города, я имел возможность ощутить одно из незначительных неудобств китайской миссионерской жизни. В Ямене к нам отнеслись с той же вежливостью, и на следующий день доктор Росс, мой любезный хозяин, отвел меня к высокопоставленному маньчжурскому дворянину. Он был более чем обнадежен. Он впервые озвучил ноту, которая, как мне показалось, вибрировала по всему Китаю. Он спросил, почему Запад не занимается такими вещами, как образование, которые приносят пользу человеку, а не войной, которая порождает бесконечные страдания и несчастья.

В Пекине я познакомился с несколькими крупными чиновниками, все они были настроены благожелательно, но только когда мы отправились на юг, мы столкнулись с тем, что можно описать как энтузиазм по поводу западного образования. Один джентльмен советовал немедленно открыть такое учреждение и рекомендовал отозвать всех студентов, обучающихся в западных странах, чтобы пополнить его ряды. Другого переводчика не удовлетворил полученный мною благоразумный официальный ответ, что план хорош, но что я должен навести справки в Пекине. Он добавил: "Наведите справки в Пекине, но если они откажутся, все равно продолжайте свой план". Группа молодых людей, получивших образование в колледже Буна, направила петицию с просьбой немедленно приступить к

осуществлению плана, но, пожалуй, самым замечательным было то, что я пережил в Шанхае. Меня принимали тринадцать дворян, получивших образование на Западе. Мы обсудили все аспекты плана, и когда я настаивал на том, что одним из хороших результатов работы университета будет здоровая моральная атмосфера, один из стариков повернулся к своим спутникам и сказал: "Мы сами испытали это на себе. Среда, в которой мы жили на Западе, отличалась от той, в которой мы оказались, когда вернулись в Шанхай, и разве это не повлияло в значительной степени на нашу жизнь?" После того как мы поговорили некоторое время, им был задан прямой вопрос: "Стали бы они поддерживать такой университет?" Один из них обернулся и сказал: "Конечно, поддерживали бы. Очевидно, что если вы дадите нам в Китае такой же университет, как в Англии, то хотя бы из соображений экономии средств мы захотим отправить туда своих сыновей; кроме того, никому не нравится расставаться со своими детьми и оставлять их в далекой стране".

Я обсуждал этот вопрос с одним китайским государственным деятелем в Пекине. Я спросил, не будет ли Пекин хорошим центром, но он был очень против этой идеи, потому что, по его словам, в Пекине такой плохой моральный тон, что мальчики не смогут сделать никакой хорошей работы, и что он сам предпочитает, чтобы китайских мальчиков отправляли в десять лет в Англию, чтобы они получили все свое образование в нашей стране. Когда мы указали ему на то, что, за исключением нескольких богатых людей, такой курс был бы совершенно невозможен, он сказал: "Тогда разместите свой университет прямо на западных холмах, недоступных для безнравственного влияния города". Мало найдется более красноречивых свидетельств необходимости другого университета; ничто, кроме христианского университета, не сможет создать ту нравственную атмосферу, в которой, по мнению этого мудрого человека, заключалась сила Запада. В том же разговоре он дал еще одно свидетельство о силе христианства, тем более поразительное, что оно было произнесено человеком, который не был христианином. Он сказал: "Да, я не сомневаюсь, что все, что есть хорошего на Западе, происходит от христианства".

Все чиновники, с которыми мы беседовали, всегда заканчивали свои хвалебные отзывы о предложенной схеме спасительной оговоркой, что, прежде чем что-то предпринимать, мы должны спросить его превосходительство Чанг-Чих-Тунга. Когда мы проезжали через Пекин в первый раз, нам не удалось его увидеть, и поэтому я с некоторым беспокойством добивался беседы с ним на обратном пути.

Чанг был фигурой в политике Китая, значение которой трудно переоценить. Не то чтобы он пользовался репутацией человека с особыми способностями; на самом деле некоторые европейцы отзывались о его умственных способностях весьма пренебрежительно. Его сила и влияние проистекали скорее из его моральных качеств. Он был идеальным типом конфуцианского ученого.

Прекрасно владея всеми знаниями китайской литературы, он был далек от того, чтобы презирать какие-либо формы знаний; более того, он был одним из первых государственных деятелей Китая, признавших важность западного образования. Когда мы обсуждали с некоторыми ведущими купцами непорядочность многих чиновников, они с энтузиазмом называли Чанга исключением. Он занимал самые высокие посты и при этом оставался сравнительно бедным. Его репутацию чистоплюя подкреплял возраст. В Китае очень почитают стариков, а старый, честный и ученый государственный деятель сочетал в себе три качества, которыми в Китае больше всего восхищаются.

Поэтому я с некоторым трепетом отправился на встречу с человеком, чей моральный авторитет был настолько велик, что он мог одним словом разрушить или сделать

недействительной схему университета в той мере, в какой простиралась власть китайских чиновников, а в его случае это было очень далеко. Я был один, поскольку из-за довольно жарких споров, которые разделяли британское и китайское правительства по поводу железной дороги Кантон - Вучан, было сочтено целесообразным, чтобы никто из членов легации не ехал со мной. Я доехал до северного конца города, и, свернув в переулок, едва ли достаточно широкий для проезда кареты, мы остановились напротив очень скромного жилища. Меня принял племянник его превосходительства, человек с чрезвычайно учтивыми манерами; когда он провел меня через двор, я был поражен простотой дома. Например, комната, в которую меня ввели, имела кирпичный пол и была отделена от двора лишь ширмой из бумаги и дерева. Представьте себе, какой сильный холод должен быть в пекинскую зиму, когда термометр находится где-то ниже нуля! Мебель в комнате была такой же простой. Два китайских стула, как в китайских гостевых комнатах, стояли по обе стороны обычного китайского стола, а с другой стороны комнаты находился знак постоянно наступающего Запада в виде обычного круглого стола и нескольких табуреток, похожих на дворняжек, которые выглядели так, словно это были изделия из Японии, выдаваемые за европейские.

Пока мы сидели и разговаривали (ведь я слишком рано пришел на собеседование), хозяин рассказал мне все о семье своего дяди, а я тем временем удивлялся аскетичности жилища самого великого человека в Китае после людей королевской крови.

Его превосходительство был готов принять меня, и мы перешли в другую столь же простую комнату, где был накрыт обычный стол с чаем, сладостями и вином. Чанг в течение всей беседы курил длинную трубку, для поддержания огня в которой требовались все усилия двух мальчиков, которых я принял за мальчиков, но которые на самом деле были девочками-рабынями. Он хотел знать, откуда возьмутся деньги. Я заверил его, что в Англии и Америке есть много щедрых людей, которые, желая оставить после себя доброе имя и будучи убежденными в том, что образование приносит человечеству неисчислимые блага, готовы оказать значительную помощь в этом деле.

Затем он поинтересовался, какой линии мы должны придерживаться в отношении конфуцианского обучения; я сказал, что христианство и конфуцианство не нужно противопоставлять, и мы должны уважать и поощрять учение мудреца. Он явно одобрил это и дал мне совет относительно курса обучения - сначала китайская грамота, затем иностранные языки; а в качестве места для университета он посоветовал место вблизи Вучана, а не Пекина.

Затем он заверил меня, что я могу сказать своим соотечественникам, что он одобряет этот план. "Кто, - сказал он, - может не одобрить такую схему?"

Когда я уходил, он проводил меня через двор, хотя я протестовал, и я почувствовал, что интервью с одним из величайших людей Китая оказалось мне честью. Он был воплощением всего прекрасного, что было в Китае. Он принадлежал к эпохе, которая уходит. Китайский государственный деятель будущего будет учиться западной роскоши с западными знаниями.

ГЛАВА XXVII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одно слово в заключение. Я попытался показать величие кризиса, который стоит перед нами. Цивилизация, которую долгое время носил только белый человек, теперь надевает желтый человек, и не только в результате миссионерских усилий, но и в результате тех великих мировых причин, над которыми ничтожное человечество не властно; Я пытался показать, что все, что мы можем сделать, - это признать и откровенно принять этот великий факт, а именно, что число представителей человеческой расы, подчиняющихся и управляемых нашей цивилизацией, должно увеличиться почти вдвое, и что вторая половина привнесет в эту цивилизацию не только новые традиции, но и новую расовую индивидуальность, которая должна вызвать фундаментальные изменения во многих ее традициях и обычаях. Мы не должны говорить, что это движение будет вскоре завершено, поскольку оно едва ли еще началось; но мы видели достаточно успеха, который сопутствовал этому движению как в Японии, так и в Китае, чтобы убедить нас в том, что в конечном итоге оно будет доминировать на Дальнем Востоке. Это движение может быть во благо или во зло; оно может привести к гибели мира, к вечным страданиям человечества, если то, что является злом в обеих цивилизациях, будет увековечено, а то, что является добром, будет уничтожено; или оно может быть во благо человечества, если, когда христианская цивилизация примет великие желтые расы, она примет от них, как она приняла от многих других рас, их характерные добродетели. До сих пор наша цивилизация становилась богаче; каждая раса, которую она завоевывала, добавляла красоту в ее традиции и благородство в ее идеалы. Мы можем с надеждой, если не с уверенностью, смотреть в ее будущее. Но если это судьбоносное изменение в истории мира должно быть правильно направлено, это могут сделать только люди искренней христианской веры; и если цивилизация должна приумножить эти блага для человечества, это может быть сделано только путем более полного проникновения христианской этики, от которой зависит все ее величие.

Для сохранения этой этики, для воспитания будущих мыслителей Китая, мы считаем, что необходим университет, который не должен быть основан только одной расой. Некоторые могут не согласиться с нами и считать, что следует действовать по-другому. Возможно, они правы, но они должны сформулировать свою политику, потому что одно кажется несомненным - политика бездействия в настоящий момент чревата риском, если не катастрофой. Если никто не приложит усилий, чтобы направить мысль этой огромной части человечества по верному пути, вряд ли можно рассчитывать на благо. Приспособление западной мысли к восточной расе, хотя это должно быть в основном оставлено на усмотрение самой расы, явно нуждается в помощи тех, кто знаком с лучшими аспектами этой западной мысли и ее истории. Миссионер сделал многое, но он сам первым сказал: "Я не могу сделать все; меня должны поддержать те, кто научит моих новообращенных полноте западных знаний". Таким образом, миссионеры начали политику образования, которая является наиболее успешной в той мере, в какой она проводится. Вопрос, стоящий перед всеми доброжелателями Китая, заключается в том, пойдет ли она дальше; покажем ли мы Китаю интеллектуальный свет, по которому мы идем, или оставим его спотыкаться во тьме, пока он не впадет в еще большее заблуждение.

Те, кто стремится к прогрессу в этом мире, должны также стремиться к разрушению старых дурных традиций и основанию новых; старая традиция, ограничивавшая любовь

гражданами одного государства, накладывавшая ограничения на милосердие, согласно которой человек не любил человека, если тот не говорил на том же языке или, по крайней мере, не имел того же цвета кожи, быстро умирает, хотя и умирает тяжело. Сейчас закладывается и должна развиваться новая традиция, в которой, как в притче о добром самаритянине, слово "любовь" преподается как проходящее и преодолевающее все расовые и языковые границы. Культивирование этой новой традиции жизненно важно для существования нашей цивилизации. Если любовь не сможет скрепить расы, то усовершенствованные военные искусства со временем уничтожат цивилизацию, которая их породила. Если мы хотим поощрять международную любовь, то лучше всего это делать, совместно участвуя в международных актах милосердия и щедрости. Великая китайская раса нуждается в богатстве западных знаний. Пусть западные расы объединятся, чтобы дать им то, в чем они нуждаются, и тем самым они не просто принесут пользу Китаю, хотя, поскольку Китай составляет четверть населения этого мира и почти равен числу людей, имеющих право называть себя цивилизованными, это не малая заслуга; но они сделают больше, ибо общими актами милосердия и любви они свяжут каждого с каждым, так что ужасное проклятие расовой ненависти больше не сможет их разделить. Элементы добра в одной расе будут соприкасаться с аналогичными элементами в другой расе; люди научатся доверять людям; и то, к чему никогда не смогут принудить громовые пушки или до чего никогда не додумается острый ум государственных деятелей, будет достигнуто благодаря послушанию и простой вере христианских мужчин и женщин всех рас, и мир будет сварен в одно целое, где люди смогут работать, не тратя свои усилия на создание машин для пыток и убийства своих братьев, и где, наконец, исполнится пророчество: "И перекуют мечи свои в лемехи, а копыя свои в секачи".

ПРИЛОЖЕНИЕ

БУДЕТ ЛИ РОССИЯ ПРЕДСТАВЛЕНА НА МИССИОНЕРСКОМ ПОЛЕ?

Когда было решено отправиться в Китай, чтобы посмотреть, какие там есть возможности для образовательной миссии, исходящей из наших английских университетов, мы решили проехать через Сибирь, остановившись по пути в Санкт-Петербурге и Иркутске. Раньше я считал пятнадцатидневное путешествие без перерыва утомительным для себя и еще более для жены, которая сопровождала меня. Преимущество этого плана заключалось еще и в том, что он давал мне возможность попытаться выяснить, почему великая Русская Церковь никогда не предпринимала никаких серьезных попыток миссионерской работы в Китае. Просто взглянув на карту, можно было бы предположить, что христианская держава, имеющая границу с Китаем в тысячи и тысячи миль, должна была бы быть самой передовой в этой стране в исполнении повеления основателя христианства нести Его весть о счастье каждому живому человеку. Во время нашего предыдущего путешествия мы с удивлением обнаружили, что миссионерские усилия России были незначительны в Китае, хотя, как ни странно, они были довольно энергичны в Японии. Когда мы прибыли в Санкт-Петербург, мне посчастливилось получить рекомендательные письма к учтивому джентльмену, который в то время представлял императорскую власть в советах Русской церкви, М. Ивольскому,

прокурору Святейшего Синода. Одно стало очевидным: пока что Россия настолько поглощена политикой, что забывает о других обязанностях. Живя в Англии, мы мало представляем себе то волнение и тревогу, которые наполняли умы многих жителей далеких российских деревень, пока они ждали вестей о том, будет ли они вовлечены в революцию, столь же опасную и столь же далеко идущую, как та, что более ста лет назад захлестнула Францию.

Одна дама рассказала мне, как она в ужасе сидела в своем загородном доме, когда из-за забастовок прекратилось всякое сообщение с Петербургом, а дым от соседних домов, подожженных бандами мародеров, говорил о том, какая участь может ее ожидать. Теперь все это позади. Революция - так думают в России - осталась в прошлом, и Россия вступила на путь консервативных реформ, которые, если она будет их придерживаться, несомненно, сделают ее процветающей и довольной империей.

От некоторых моих собеседников я узнал, что причины отставания России на миссионерском поприще, а также революции, в сущности, одни и те же: православная церковь не так энергична и не имеет того влияния на совесть народа, которое должна была бы иметь. Не то чтобы Россия хоть на минуту перестала быть религиозной. Присутствующие на похоронах отца Иоанна опровергают такую возможность. Люди рабочего и среднего класса приезжали за многие километры, чтобы простоять долгие часы в мрачный холодный день только для того, чтобы мельком взглянуть на гроб с останками человека, который, по их убеждению, как никто другой жил в соответствии с Божьим законом. Россия религиозна до глубины души, но, как и все религиозные народы, в том числе и наш, она стремится выразить свою глубокую искренность через разнообразие, а не через единообразие. Увы, в каждой нации есть люди, которые хотят одеть нас в единую религиозную форму и, как солдаты, по команде маршировать прямо в небесные врата. В Англии эта точка зрения только заставляет некоторых добрых и узко мыслящих людей стремиться к тому, чтобы в наших школах была такая вещь, как религиозное единообразие; но в России эта доктрина получила более энергичное распространение и, несомненно, является причиной ослабления могущества православной церкви. Господин Победоносцев, лидер реакционного движения, едва не вызвал революцию и, несомненно, ослабил Церковь, настаивая на единообразии и православии. Он считал, что в государстве может быть только одна форма религии, и поэтому не допускал никаких других форм религиозной деятельности. Он не только справедливо запретил эти странные дикие аморальные секты, практикующие и обучающие калечащим операциям, но даже трезвые и благочестивые последователи лорда Рэдстока должны были замолчать. Результат такой политики был слишком очевиден. Религия стала одиозной из-за неискренности, которую такая политика должна была поощрять, а государство стало отвратительным для всех искренних христиан, утверждающих неотъемлемое право каждой живой души любить и поклоняться своему Создателю в соответствии со своими истинными убеждениями.

Сейчас все это прошло как страшный сон. Люди в России могут верить во что хотят и поклоняться Богу как хотят. М. Ивольский очень хотел, чтобы мир знал, что он, тогдашний представитель мирской власти на соборах Русской Церкви, отнюдь не поощрял мысль о том, что Церковь Христова может быть подконтрольна мирской власти, какой бы великой она ни была, а старательно утверждал, что в духовных вопросах Церковь независима от государства, даже если в мирских делах она подчиняется власти правительства. Петр Великий упразднил Патриаршество; он присоединил многие, хотя и не все, полномочия Патриаршества к Короне; и поэтому Император во многом представляет Патриарха. Но говорить, что в духовных вопросах он верховный, - это полное непонимание его позиции.

Русская Церковь, как и все другие ветви Церкви, контролируется и управляется соборами, как генеральными, так и провинциальными.

Но М. Ивольский вынужден был признать, что власть, которую государство имеет в церковном Синоде, все еще очень велика. У короны есть три способа влияния на собор. Во-первых, хотя члены совета являются представителями Церкви, именно корона решает (за исключением митрополитов), кто будет этими представителями; во-вторых, корона через прокурора может запретить любое действие, которое приведет Синод в противоречие с законами государства; наконец, прокурор, как представитель короны, всегда должен присутствовать на прениях Синода и всегда имеет право высказывать свое мнение, даже по духовным вопросам. Такие полномочия, вместе взятые, дают Короне возможность контролировать не только мирские дела, но и, при желании, влиять на духовные. Тем не менее, не может быть слишком широко известно, что, во всяком случае, теоретически, Русская Церковь в духовных вопросах независима от мирской власти. Большинство англичан, несомненно, считают, что если Церковь хочет занять свое законное место в сердцах русских, она может сделать это, полагаясь только на силу проповеди, а не на силу меча. Поэтому и для Церкви, и для государства было бы лучше, если бы они меньше общались друг с другом. Английские церковники будут рады услышать, что существует некоторая перспектива проведения Синода Православной Церкви, независимо от существующего Священного Синода - собора, который может быть приравнен к Генеральному Синоду Греческого Общания, если другие ветви Православной Церкви будут приглашены присоединиться к его обсуждениям, что является некоторой перспективой. Целью этого Синода будет реформа церковной дисциплины, вопрос, который, как я понимаю, привлекает искреннее внимание благочестивых христиан России. Мало что может служить более верным свидетельством слабости Церкви в России, чем тот низкий нравственный тон, который существует, по свидетельству всех очевидцев, во всех слоях русской общественной жизни. Внешнее соблюдение церковных постов, праздников и обрядов, хотя и достойно восхищения само по себе, вполне согласуется с большим скептицизмом по отношению к истинам христианства. Неблагородно подозревать такой скептицизм, когда великое исповедание христианства сопровождается низким моральным тоном. Церковь почувствовала свою слабость и обратилась за помощью к государству, а потому не преуспела в своей миссии.

Теперь для России открылись более счастливые дни, которые, как можно надеяться, приведут к еще более счастливым дням. Государство больше не помогает Церкви, заставляя молчать ее критиков, изгоняя тех, кто с ней не согласен: буддист, который в последнее время по определенному указанию правительства принял христианство, вернулся к искренности и открытому исповеданию буддизма. Церковь, более не поддерживаемая государством, может чувствовать свою слабость, но она будет скорее расти, чем уменьшаться в силе, по мере того как она научится все больше и больше использовать настоящее оружие христианства, а именно священные истины нашей религии, опубликованные как письменно, так и проповедью. Россия - одна из великих наций мира. Православная церковь, господствующая в России, истинна и верна, и она поведет свой народ к процветанию и миру, когда научится следовать примеру своего Учителя и прикажет вернуть меч, извлеченный для ее защиты, в ножны.

В настоящее время ничего нельзя ожидать от неправославных организаций, которые до недавнего времени преследовались до такой степени, что едва ли могли существовать. Во внешних делах Православная Церковь в значительной степени подчиняет себе народ, но в управлении глубокими убеждениями сердца ей не хватает власти. Нигде это не проявляется

так явно, как в нравственном тоне, преобладающем в российском обществе. Возможно, не совсем справедливо брать столицу Сибири за образец обычной нравственной жизни в России, но в Иркутске вполне можно сказать, что все, кроме духа человеческого, божественно. Предыдущее путешествие в некоторой степени подготовило нас к тому, чтобы не верить в ужасы сибирского климата, но то, что мы увидели и услышали в Иркутске, убедило меня в том, что Сибирь должна занимать высокое место среди мест, которые считаются приятными для человеческого обитания. Сибирь, или, конечно, восточная часть Сибири, - это не та унылая равнина, продуваемая ветрами и убогая, о которой читали в детстве. Напротив, это страна постоянных штилей и ровного солнечного света, страна озер и холмов, и хотя здесь холодно, холод кажется пустяком в лучах великолепного солнца сибирской зимы. Я уверен, что если бы озеро Байкал было где-нибудь в пределах досягаемости от Лондона, оно стало бы одним из самых посещаемых центров для искателей удовольствий. И с точки зрения богатства это самый благоприятный край; край, где есть золото и где есть уголь; край, где есть медь и серебро, и где жаркое лето тщательно созревает все зерновые культуры. Для спортсменов она кажется настоящим раем. Фазан (или, по крайней мере, его брат), с которым мы уже давно знакомы как с умирающим от всех болезней во влажных укрытиях Англии, живет в дикой природе в этом сухом и здоровом климате. На границах между Сибирью и Китаем можно встретить кабана и волка, медведя и многие виды антилоп и оленей. Реки полны лосося и других рыб, названия которых я не могу перечислить.

Если бы англичанину предложили выбрать, где он будет жить - в Петербурге или в ссылке в Иркутске, он, я полагаю, без сомнения решил бы в пользу последнего, если бы - и это очень важно - дух человека не был так человечен и испорчен. Нам сказали, что в юрисдикции Иркутска шестьсот разведенных женщин. Такое заявление действительно кажется невероятным, но, безусловно, нравственность офицеров оставляет желать лучшего. Пороки ходят стадами, поэтому лень, возможно, объясняет удивительное положение вещей, существующее в Иркутске. Город полон офицеров, как Итон мальчиков. Эполеты толкают вас на улицах, вы спотыкаетесь о шпаги в ресторанах, и со всей этой силой в распоряжении властей - я полагаю, что по крайней мере некоторые из этих офицеров имеют в подчинении солдат - улицы Иркутска небезопасны после наступления темноты. Человек за человеком предупреждал нас об опасности быть безоружными ночью, во всяком случае, на улицах. Людей убивают в их собственных домах на окраинах, с женщин срывают шубы. Поражает невероятная медлительность властей, которые вместо того, чтобы создать разумную полицию, подобную той, что существует даже в китайских городах, позволяют престарелым догберри в огромных меховых шубах, вооруженным погремушками, непрерывно следить за городом по ночам. Конечно, хотя им и не удастся отпугнуть грабителей этим примитивным средством защиты, зато удастся прервать дремоту приезжих. В области коммунального хозяйства город организован так же плохо. Улицы занесены снегом, и, перепрыгивая на санях с жестким сиденьем из ямы в яму, мы, по крайней мере, понимали, что летом их состояние должно быть еще более тяжелым.

Доверять сплетням небезопасно, но я привожу их в качестве аргументов. Нас уверяли, что единственная причина, по которой бесценные богатства, которыми обладает Россия в золотых приисках Сибири, не разрабатываются дальше, заключается в аналогичной некомпетентности чиновников. Говорят, что здесь ведется множество тайных раскопок золота. Мужчины исчезают летом и появляются осенью с фунтом чистого золота, ведь оно лежит всего в трех метрах под землей. Но если бы об этой примитивной форме добычи стало известно правительству, оно бы ввело в действие законы о добыче полезных ископаемых, которые бы успешно подавили эту отрасль.

Нет нужды добавлять, что распутство и лень - не единственные пороки, с которыми приходится бороться русскому христианству. У их народа есть еще один общий с нами порок, о котором Церковь слишком хорошо осведомлена и который она прилагает большие усилия, чтобы подавить, а именно пьянство. Во время нашего путешествия мы наблюдали пример этого порока, который все расценили как комический, но который мог бы быть и трагическим. Поезд внезапно останавливается. Что-то случилось. Все выбегают из вагона посмотреть. На снегу лежит человек. Сначала думают, что его сбил предыдущий поезд. Дальнейший осмотр показывает, что это всего лишь мертвецки пьяный человек, лежащий прямо напротив линии - результат соблюдения одного из церковных праздников. Все смеются; его убирают с пути, мы забираемся обратно в поезд, оставляя его на попечение священника, совершенно не осознавая, насколько он был близок к смерти. Пьянство - страшное зло в наших краях, но его результаты гораздо ужаснее в этой стране морозного укуса. На улице попрошайничают люди без рук и ног, и нам сказали, что причиной этих увечий является водка. Человек, идущий домой, по дороге впадает в пьяный сон: наутро он просыпается с обмороженными руками и ногами, а может быть, уже никогда не проснется: сон пьянства сливается со сном смерти.

Размышляя об этом, понимаешь, почему буддист Буриат и магометанский татарин до сих пор придерживаются своих древних верований.

Я не думаю, что англичанин имеет право критиковать другие народы, когда так много еще предстоит сделать у себя дома. И все же нельзя с уверенностью сказать, что, как бы ни были многочисленны ее храмы или посещаемы ее службы, Православная церковь руководит Россией, пока она бессильна бороться с этими пороками.

Великие испытания, через которые прошла Россия, дают все основания надеяться, что со свободой вновь установится чистота поклонения, а где есть чистота веры, там должна быть и миссионерская работа. Несомненно, правительство препятствует миссионерской работе; фактически, оно запретило ее в Китае. Христианство было для них настолько служанкой государства, что немыслимо вне его; но все это рушится. Великая миссионерская работа в Японии, о которой я уже говорил, показала, что Православная Церковь хорошо растет на восточной почве. Существование деревни, сохранившей православную религию в центре Китая, о которой говорилось выше, свидетельствует, по крайней мере, о жизнеспособности этой веры среди китайского народа. Когда русские миссионеры пересекут границу, они не оставят свою страну слабее, но их работа будет свидетельствовать о том, что Россия очищает свою веру и продвигается по пути, ведущему к святости.

Отпечатано в издательстве BALLANTYNE, HANSON & Co,
Эдинбург и Лондон